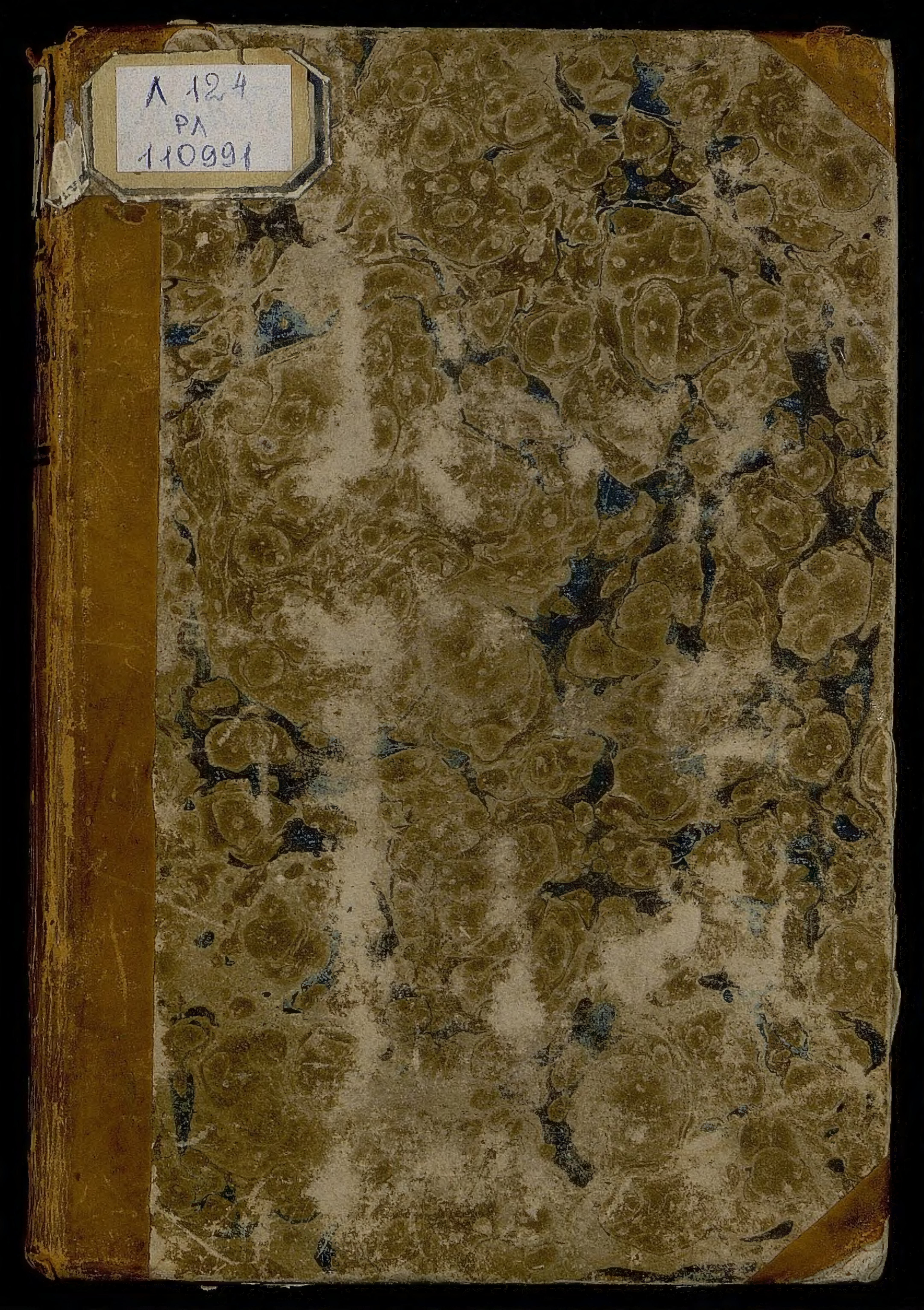

Λ 124
PΛ
110991

БИБЛІОТЕКА

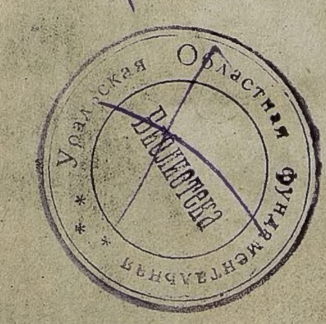
ИМПЕРАТОРСКАГО
АЛЕКСАНДРОВСКАГО ЛИЦЕЯ.
КОМНАТА 1 ШКАФЪ XI
ПОЛКА 2 № ИНВЕНТАРЯ 1394

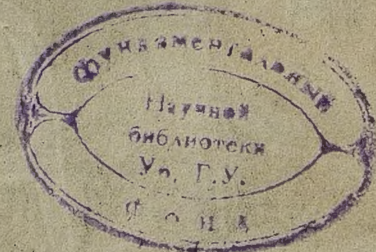
ГО

8°
15/10

~~110.991~~
4807

Уральский Индустриальн. Ин-т
им. С. М. Кирова
Фундаментальн. библиотека

Гр. А. Афанасьевъ.

ИСТОРІЯ
О
НИЗВЕРЖЕНІИ
НАПОЛЕОНА БОНАПАРТЕ
СЪ ПОХИЩЕННАГО ИМЪ ТРОНА,

заключающая въ себѣ подробное описаніе сраженія при Ватерло, вторичное пораженіе хищника, возвращеніе Короля, отъѣздъ его на островъ Св. Елены, достопамятныя его выраженія, жительство на семъ островѣ, болѣзнь и смерть, съ присовокупленіемъ описанія суда Камеры Перовъ надъ Маршаломъ Неемъ, осужденія его на смерть, исполненія сего приговора, а равно и о послѣднихъ дняхъ жизни Герцога Ангіенскаго.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

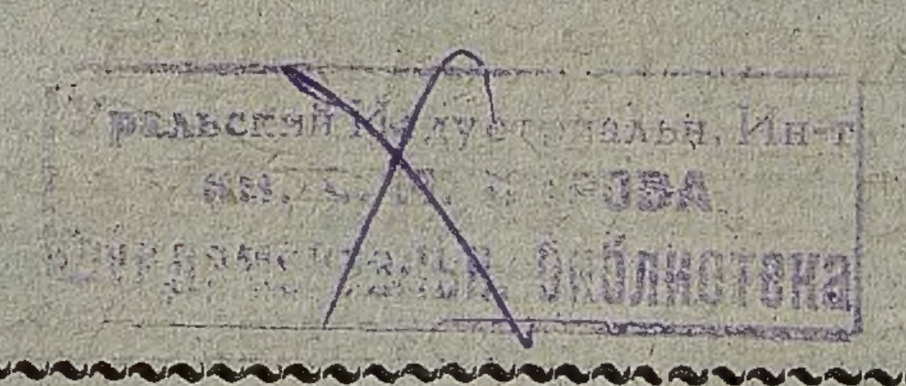
Выбранная изъ достовѣрныхъ источниковъ.

Проверено 1938 г.
Книга на дом не выдается
Фундаментальной Научной Библиотеки Ур. Г. У. Фонд
ф 30261
ИО 991
4807

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1823.

9(44)

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенiя, два экземпляра для Императорской публичной Библiотеки и одинъ для Императорской Академiи Наукъ. Москва, Января 29 дня 1823 года. *Книгу сiю разсматривалъ Надворный Совѣтникъ, Философiи Докторъ и Экстраординарный Профессоръ*

Николай Бекетовъ.

Пр. 1940

ИСТОРІЯ
О
НИЗВЕРЖЕНІИ
НАПОЛЕОНА БОНАПАРТЕ.

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ.

ВАТЕРЛОО.

Послѣдуемъ теперь за Наполеономъ въ Парижъ. Изъ Шалона отправился онъ въ Отюнъ, имѣя около 6000 человѣкъ; но по скорости марша не могъ взять съ собою довольно артиллеріи, и 16 числа прибылъ въ сей городъ. Въ тотъ же самый день онъ изъ него выступилъ. Лжи, подкупы, вѣроломство и клеветы были вездѣ его передовыми войсками, и онъ старался распространять невыгодные слухи о Королѣ и приверженныхъ къ нему. Сколь далеко простиралась

измѣна между Офицерами, можно заключить изъ того, что Генералъ Амейль сопровождалъ Графа д'Артоа въ качествѣ Адъютанта въ Ліонъ; но тамъ, по отъѣздѣ Графа, остался и перешелъ къ Наполеону. При таковыхъ событіяхъ не оставалось конечно ничего инаго, какъ токмо удалиться безъ всякаго сопротивленія. Увидимъ изъ послѣдствій, можно ли было положиться на вѣрность гарнизоновъ и Коммендантовъ крѣпостей.

Предпріятія Бонапарте были основаны на измѣнѣ со стороны военной; ибо во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя онъ проходилъ, поставлены были такіе полки, въ преданности которыхъ онъ былъ увѣренъ. Въ самомъ Парижѣ, за нѣсколько дней до вступленія Бонапарте, не токмо военные люди, но и простой народъ изъявлялъ расположеніе свое въ пользу вторгнувшагося во Францію бѣглеца; даже въ комнатахъ Королевскихъ подъ большимъ зеркаломъ найдены были написанныя слова: Да здравствуетъ Наполеонъ! Многіе были арестованы за то, что прибивали на углахъ улицъ пасквили на Правительство. Камера Перовъ въ тайномъ засѣданіи предоставила Королю Диктаторскую власть

и уполномочила его ввести во Францію чужестранныя войска на помощь.

Король издалъ 19 числа, н. с., прокламацію, въ коей изъяснялъ, что „поелику, попущеніемъ всевышняго Промысла, измѣна одной части вооруженной силы потрясаетъ его престолъ, то онъ хотя и могъ бы съ оставшимися ему вѣрными защищать Парижъ отъ мятежниковъ; но трепещетъ отъ единой мысли вовлечь тѣмъ жителей въ разореніе, кровопролитіе и пагубу. По сему, рѣшась до времени оставить свою столицу, повелѣваетъ закрыть засѣданіе Камеръ Перовъ и Депутатовъ, а Членамъ оныхъ собраться тамъ, гдѣ будетъ временное его пребываніе. Онъ надѣется вскорѣ возвратиться опять къ вѣрнымъ своимъ подданнымъ и возвратить имъ миръ и спокойствіе.“ — Послѣ сего 20 числа Король, во второмъ часу поутру, выѣхалъ изъ Парижа съ братомъ своимъ и превеликимъ обозомъ чрезъ Сенъ-Дени въ Перроннъ, весьма хорошо укрѣпленное мѣсто по дорогѣ въ Белгію. Немедленно за тѣмъ сожжено было въ Тюльери великое множество бумагъ. Въ тотъ же день поутру собралась Камера Депутатовъ, и

Президентъ Лене, прочтя упомянутую прокламацію, присовокупилъ, что Членамъ не остается болѣе ничего, какъ разойтись, что всѣми немедленно и исполнено.

Въ два часа по полудни прибыла артиллерія Наполеоновой арміи съ пороховыми ящиками и привезена была прямо на дворъ Тюлльерійскаго замка; въ ту же минуту выставлено было трехцвѣтное знамя на семъ замкѣ, на колоннѣ площади Вандомской и на соборной Богородичной церкви (*Notre Dame*). Нѣсколько Штабъ-Офицеровъ воскликнули на улицахъ: да здравствуетъ Императоръ! все однакожъ было тихо и національная гвардія занимала по прежнему свои посты. Около осьми часовъ вечера пріѣхалъ Наполеонъ въ трехъ цугами заложенныхъ каретахъ, и тотчасъ сѣвъ на лошадь верхомъ, вступилъ въ городъ подъ прикрытіемъ конныхъ егерей и вошелъ въ Тюлльери. Народныя толпы изъявляли ему крикомъ своимъ удовольствіе его видѣть. Между тѣмъ войска его остановились въ Фонтенебло. Баталіонъ, который провожалъ его съ Эльбы, вошелъ на другой день въ городъ.

Со времени вступленія своего во Францію Наполеонъ издалъ слѣдующія узаконенія: Бѣлый бантъ, Ордены Лиліи, Св. Людвига и прочіе Королевскіе Ордены уничтожаются; вмѣсто оныхъ возобновляются: прежняя національная кокарда и Орденъ Почетнаго Легіона, въ прежнемъ видѣ и на прежнихъ основаніяхъ. Въ гвардіи не будетъ болѣе иностранныхъ войскъ, и Швейцарская гвардія, лейбгвардія и мушкетеры Королевскіе уничтожаются; дворянство также уничтожено, и почетные титулы, кои даны Королемъ. Эмигранты должны въ теченіе двухъ недѣль выѣхать изъ Королевства за границу; въ противномъ случаѣ всякой изъ нихъ найденный въ предѣлахъ онаго послѣ того срока будетъ арестованъ и судимъ по законамъ, развѣ только докажется, что сіе узаконеніе не могло дойти до его свѣдѣнія, и тогда жандармы выпроводятъ его за границу. Имущество эмигрантовъ, движимое и недвижимое, берется въ секвестръ. Оный налагается также и на все имѣніе, принадлежащее Членамъ Бурбонскаго Дома. Обѣ нынѣшнія Камеры, Перовъ и Депутатовъ, уничтожаются. Избирательныя со-

словія Департаментовъ соберутся чрезвычайно въ Маѣ мѣсяцѣ въ Парижѣ, для составленія конституціонныхъ правилъ и для присудствія при короновании Маріи Луизы и сына ея. — Принцу Архиканцлеру (Камбасересу) поручено Министерство Юстиціи, Дюку де Гаэта Министерство Финансовъ, Дюкъ де Бассано (Маретъ) назначенъ быть Министромъ Государственнымъ Секретаремъ, Дюкъ д'Отранто (Фуше) Министромъ Полиціи, Маршалъ д'Аву Военнымъ Министромъ, Генералъ Савари первымъ Генералъ-Инспекторомъ жандармовъ, Дюкъ де Висансъ (Коленкуръ) вступилъ въ званіе Министра Иностранныхъ дѣлъ, а Карно, пожалованный Графомъ, заступилъ мѣсто Министра Внутреннихъ дѣлъ.

Не льзя вообразить того состоянія, въ которомъ находился Парижъ въ теченіе двухъ дней со времени вступленія въ сію столицу Бонапарта. Всѣ жители приведены были въ чрезвычайное недоумѣніе. Корпусы Французской арміи, клявшіеся за нѣсколько дней предъ симъ защищать престолъ Бурбоновъ, или погребсти себя подъ развалинами онаго, почти всѣ перешли къ Бонапарте, который

16 лѣтъ обременялъ Францію ужасными бѣдствіями и обагрялъ кровію; который обязался никогда ее не видѣть, въ теченіи двадцати дней безъ всякаго сопротивленія прошелъ большую часть прекрасной сей земли и спокойно вступилъ съ сообщниками своими въ Парижъ, какъ будто бы по кратковременномъ путешествіи возвратился въ Ст. Клу. Чрезвычайная кротость Людовика XVIII, свойственная Бурбонской фамиліи, сдѣлалась причиною его нещастія. Болѣе 300,000 Французовъ, освобожденныхъ милосердіемъ его изъ плѣна, которые безъ него никогда бы не увидѣли своего отечества, вмѣсто благодарности за свободу, коею обязаны они своему Монарху, подняли противъ него нечестивыя свои руки и подали свѣту новый примѣръ гнуснѣйшей неблагодарности. Когда Бонапарте, окруженный своими соумышленниками, въѣзжалъ въ городъ, то всѣ жители, объятые страхомъ, скрылись въ свои домы, заперли двери и окна. Ихъ принудили иллюминовать свои домы; не льзя было не исполнить сего повелѣнія. Бонапарте, до вступленія своего въ Парижъ, разсѣялъ высокопарныя прокламаціи, въ которыхъ объ-

щалъ предать забвенію все прошедшее и хвасталъ необыкновенною своею умѣренностію; но уже изъ многократныхъ опытовъ извѣстно, каковы его обѣщанія. Онъ говорилъ, что опять приноситъ Французамъ щастіе; но что значитъ сіе выраженіе? Онъ разумѣлъ подъ онымъ конскрипцію, войну и, что еще всего хуже, междоусобіе. И такъ Франція лишь только примирившаяся съ Европою содѣлалась снова предметомъ ненависти и мщенія всѣхъ народовъ и опять нашлась принужденною воевать съ соединенною силою тѣхъ Монарховъ, которые поступили съ нею столь великодушно. Кто бы подумалъ, что болѣе двадцати милліоновъ жителей, столь долго томившихся подъ болѣзненнымъ игомъ того, который нарушеніе самой священной клятвы всегда почиталъ за ничто, почти безъ всякаго сопротивленія подвергнулися снова сему тяжкому игу при содѣйствіи немногихъ соотчичей!

Но при всѣхъ таковыхъ злоключеніяхъ надежда, сей благій даръ Небесъ, не оставляла благомыслящихъ Французовъ; она оживилась подобно лучезарному свѣтилу при извѣстіи, что въ южныхъ и сѣверныхъ стра-

нахъ Франціи и во многихъ другихъ Департаментахъ Роялисты собираютъ многочисленныя войска. Усердіе ихъ и приверженность къ Дому Бурбоновъ, достойныя величайшей похвалы, заставили Бонапарте со всѣхъ сторонъ окружить себя войсками. Всѣ Европейскія Державы, получивъ извѣстіе о бѣгствѣ Бонапарте и о прибытіи его въ Парижъ, заключили союзъ снова противоборствовать общими силами хищнику престола, и почитая права Бурбоновъ священными, избавить Францію отъ угрожающихъ ей бѣдствій. По поводу сего на Вѣнскомъ Конгрессѣ положено было двигнуть арміи Государей къ границамъ Франціи. Россія, Австрія, Пруссія, Англія, Испанія и Голландія немедленно выставили свои войска. Хотя Наполеонъ и посылалъ ко многимъ Европейскимъ Дворамъ съ различными предложеніями, но оныя были отвергнуты съ презрѣніемъ. При полученіи сихъ извѣстій, сколь тщательно они ни были скрываемы, всеобщее уныніе распространилось даже и въ приверженцахъ Бонапарте. Всякой съ ужасомъ взиралъ на будущее и усматривалъ, что раны отечества, неизцѣленныя еще годич-

нымъ правленіемъ добраго Короля Людовика XVIII, снова откроются, и Францiя еще представитъ картину величайшихъ бѣдствій междоусобной войны.

Слѣдующее происшествіе доказываетъ, сколько Бонапарте употреблялъ лжи во всякомъ случаѣ и сколь слѣпо довѣряли ему Французы. Зная навѣрное, что Герцогиня Пармская Марія Луиза рѣшилась, исполняя волю своего родителя, не въѣзжать во Францію, онъ распустилъ слухъ, что Императрица прибыла въ Парижъ. Народъ въ великомъ множествѣ бросился къ Тюлльерійскому дворцу, чтобы видѣть ее; но узнавъ обманъ, поднялъ ужаснѣйшій ропотъ. Опасались даже, что произойдетъ возмущеніе; но Бонапарте ограждалъ себя всевозможными предосторожностями, не взирая на то, что солдаты его непрестанно ходили и ѣздили по всѣмъ Парижскимъ улицамъ. Впрочемъ многіе изъ нихъ явно роптали на Бонапарте, можетъ быть потому, что онъ не скоро удовлетворялъ звѣрскимъ ихъ прихотямъ.

Видя, что ни посланія къ Европейскимъ Государямъ, ни различные происки, ни убѣжденія, ни прокла-

мацiи не имѣютъ желаннаго успѣха, что общественное мнѣнiе часъ отъ часу становится невыгоднѣе и что бѣлыя кокарды снова начинаютъ появляться, Бонапарте рѣшился силою оружiя прiобрѣсть мнимыя права свои. Войсками его начальствовали слѣдующiе Генералы: первымъ корпусомъ въ Лиллѣ командовалъ Графъ д'Эрлонъ, 2мъ въ Валансьеннѣ Генералъ Рейлль, 3мъ въ Мезьерѣ Генералъ Вандаммъ, 4мъ въ Мецѣ Генералъ Жерардъ, 5мъ въ Стразбургѣ Генералъ Раппъ, 6мъ въ Лаонѣ Генералъ Графъ Лобау, 7мъ въ Греноблѣ и Шамбери Маршалъ Груши, 8мъ въ Бордо Генералъ Клозель, 9мъ въ Тулонѣ Маршалъ Брюнъ, 10й собирался въ Перпиньянѣ; со всѣмъ тѣмъ Бонапарте столько безпокоило расположенiе жителей Парижа, что онъ не находилъ даже средствъ принять довольно надежныхъ мѣръ для своей безопасности. Онъ не спалъ сряду двухъ ночей въ одномъ мѣстѣ, предвидя, что власть его продолжится не долго. Измѣнникъ Маршалъ Ней, которымъ гнушались и самые измѣнники, объявилъ, что войска ему не повинуются и что собственное присутствiе Бонапарте необходимо; ибо безъ того войска не будутъ сражать-

ся. Напротивъ того Фуше твердилъ ему, что пребываніе его нужно въ Парижѣ для сохраненія тамъ спокойствія; въ противномъ случаѣ надлежитъ ожидать новой революціи, что дѣйствительно и могло бы случиться, еслибъ страхъ тому не препятствовалъ. Наборъ рекрутъ производился съ такою строгостію, каковой не бывало и во время прежнихъ конскрипцій; но все сіе не мѣшало жителямъ становиться подъ знамена законнаго своего Государя, коего силы увеличивались ежедневно, даже и солдаты изъ арміи Наполеона, за нѣсколько передъ симъ дней измѣнившіе въ вѣрности Королю и снова поклявшіеся въ вѣрности Бонапарту, цѣлыми отрядами передавались Людовику XVIII. Единственный примѣръ въ Исторіи превратности человѣческихъ мыслей! Безпокойства во внутренности Франціи начали распространяться повсюду; даже и въ самомъ Парижѣ начали прибивать по улицамъ отъ имени Графа де Лилль прокламаціи, коихъ экземпляры вездѣ были разбросаны, посредствомъ которыхъ жители склоняемы были убить Бонапарте. Торговки пѣли: Rendez nous notre paire de gants (Pére de

Gent), *возвратите намъ отца нашего изъ Гента.* По случаю набора рекрутъ происходили во многихъ мѣстахъ кровопролитія.

Прусская и Англійская арміи первыя двинулись къ границамъ Франціи подъ начальствомъ Фельдмаршаловъ Блюхера и Веллингтона; первая изъ нихъ состояла изо 160,000 человѣкъ, а вторая изъ 80,000. Бонапарте приказалъ Французскимъ войскамъ пробраться по морскому берегу, чтобъ удалить отъ онаго Англичанъ; но Герцогъ Веллингтонъ приказалъ наводнить всю сію страну. По сему обстоятельству Бонапарте большую часть войскъ своихъ направилъ къ востоку. Россійская и Австрійская арміи равномѣрно направили путь къ Рейну, первая подъ предводительствомъ Фельдмаршала Князя Барклая де Толли, а вторая подъ начальствомъ Князя Шварценберга.

Исчезнувшая надежда на сохраненіе мира и приближеніе союзныхъ войскъ къ предѣламъ Франціи произвели всеобщее уныніе какъ въ столицѣ, такъ и во всемъ Государствѣ. Дѣлаемыя по приказанію Наполеона укрѣпленія около Парижа повергли жителей въ крайнее отчаяніе. Мно-

гіе изъ нихъ выѣхали изъ города; всеобщее неудовольствіе ежедневно увеличивалось и становилось явнымъ. Слѣдующее приключеніе ясно доказываетъ, что Бонапарту повиновались не изъ доброй воли, а единственно изъ страха. На одномъ изъ Парижскихъ театровъ представлена была Трагедія Эдипъ въ Колонѣ. Когда актеръ произнесъ слѣдующія слова: *Одно уже имя мое ужасно всему свѣту; устрашенные народы гонятъ меня отъ себя на край свѣта*, то рукоплесканіе зрителей повсюду раздалось и мѣсто сіе было повторено три раза.

Достойна замѣчанія комедія, представленная Бонапартомъ на Майскомъ полѣ 1 Іюня, н. ст. Тамъ все происходило согласно его желанію, потому что говорили и дѣйствовали тѣ только, которые отъ него напередъ были назначены, и говорили и дѣйствовали точно такъ, какъ имъ напередъ было сказано. Большой круглый амфитеатръ окружалъ то мѣсто, гдѣ все происходило. Бонапарте съ троими братьями, Люціаномъ, Іосифомъ и Іеронимомъ, явились въ одѣяніи древнихъ Римлянъ, въ туникахъ и длинныхъ бархатныхъ мантіяхъ; подлѣ кареты ѣхали верхами Маршалы

Сультъ, Ней, Журданъ и Груши. Тутъ говорены были, по обыкновенію, рѣчи и дѣланы провозглашенія избранными для того нарочно людьми. Назначенный ораторъ изъ Членовъ особеннаго Комитета въ рѣчи своей къ Бонапарте силился доказать, что онъ, сложа съ себя корону безъ согласія народа, обязанъ нынѣ принять оную. Архиканцлеръ обьявилъ потомъ, что дополнительный актъ къ новой конституціи отвергли только 4,207 голосовъ, слѣдовательно можно оный почитать принятымъ отъ всѣхъ единодушно. Въ слѣдъ за симъ немедленно, не ожидая болѣе ни чьихъ рѣчей, герольдъ провозгласилъ, что дополнительный актъ къ Государственной конституціи принятъ Французскимъ народомъ. Бонапарте подписалъ послѣ сего повелѣніе, чтобъ обьявить новую конституцію. За симъ говорилъ онъ къ собранію рѣчь, въ коей сравнивалъ себя съ Аѳинскимъ Царемъ Кодромъ, отрекшимся также отъ престола (однакожъ онъ не упомянулъ, что тотъ положилъ жизнь свою для пользы отечества); прочее, что онъ говорилъ, было столь же мало истинно и привлекательно. Потомъ присягнулъ онъ соблюдать и

охранять законы новой конституціи; за нимъ присягнулъ Архиканцлеръ, и собравшіеся въ амфитеатрѣ кричали также: мы клянемся. Послѣ сей церемоніи Бонапарте раздавалъ національной гвардіи знамена, чѣмъ и кончилось все зрѣлище.

Когда арміи всѣхъ союзныхъ Государей снова пришли къ берегу Рейна, то Бонапарте оставилъ наконецъ несвойственную ему ролю миролюбца, и 15 числа Іюня, н. ст., безъ дальнихъ объясненій атаковалъ въ окрестностяхъ Шарлероа передовые посты перваго корпуса Прусской арміи. Сраженіе было весьма жаркое; съ обѣихъ сторонъ дрались съ великимъ ожесточеніемъ, и Прусскія войска оказали опыты блистательнаго мужества. Какъ намѣреній непріятеля не льзя было предусмотрѣть, то Князь Блюхеръ сдвинулъ первые три корпуса своей арміи между Ваврóмъ, Сомбрессомъ и Флёрю и далъ повелѣніе Генералу Бюлову подойти туда же съ четвертымъ корпусомъ, которой былъ еще у Литтиха. Соединясь такимъ образомъ съ Англійскою арміею, Князь Блюхеръ условился съ Герцогомъ Веллингтономъ о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ. 16 Числа въ два часа

по полудни Французы возобновили сраженіе и устремились наиболѣе на нашъ центръ, въ коемъ войска наши сражались съ примѣрною храбростію и не уступили ни на шагъ мѣста, сколько разъ Французы ни опрокидывались на нихъ. Въ то же время Французская колонна подъ начальствомъ Бертранда, пройдя черезъ Катръ-Бра къ Женаппу, напала на отряды Белгійскихъ и Голландскихъ войскъ. Нападеніе сіе, по превосходству силъ непріятельскихъ, могло бы быть весьма опасно для союзныхъ войскъ, если бы не подоспѣла туда колонна войскъ Англійскихъ, Ганноверскихъ и Брауншвейгскихъ изъ Брисселя. Послѣ сего Англійская армія и правое крыло Прусскаго войска безпрестанно подвигались впередъ до самаго вечера, и наступившая ночь прекратила сраженіе. Уронъ со стороны союзныхъ армій былъ значителенъ, также и Французы потеряли очень много.

Намѣреніе Наполеона было воспрепятствовать соединенію обоихъ Фельдмаршаловъ, Блюхера и Веллингтона; сіе побудило Англійскаго Полководца 16 числа поутру поставить свой резервъ у Катръ-Бра и при-

Ч0907 4807

ближиться тѣмъ къ Прусской арміи. Въ тотъ день непріятель вытянулъ свои колонны за Шарлероа и тотчасъ повелъ свою атаку на Князя Блюхера, противъ котораго употреблялъ главныя свои силы. Французскія войска состояли изъ четырехъ корпусовъ, изъ гвардіи и резервовъ, всего изо 120,000 пѣхоты и 22 тысячь конницы. Прусская армія была гораздо малочисленнѣе Французской, ибо четвертый оной корпусъ не могъ подоспѣть изъ Литтиха для соединенія съ прочими; со всѣмъ тѣмъ каждый шагъ земли оспориваемъ былъ съ величайшимъ упорствомъ. Деревни Сентъ-Аманъ и Линьи попеременно переходили изъ рукъ въ руки по нѣскольку разъ. Сраженія около нихъ продолжались цѣлый день самыя убійственныя и кровопролитныя, какія только въ лѣтописяхъ военныхъ когда-либо извѣстны были. Блюхеръ самъ не однократно велъ войска свои къ новымъ атакамъ. Наконецъ битва остановилась, день кончился, и обѣ стороны остались на своихъ мѣстахъ. Покушеніе непріятеля разорвать сообщеніе Прусской арміи съ Англійскою побудило Блюхера тою же ночью двинуть армію свою

за Тилли и Вавръ, дабы тамъ соединиться съ остальнымъ корпусомъ своимъ и съ Англійскими войсками. Въ тотъ же день, 16 числа, Маршалъ Ней и конница Генерала Келлермана дрались съ арміею Герцога Веллингтона. Сраженіе было также жестокое; и хотя Веллингтонъ не имѣлъ еще всѣхъ своихъ войскъ, но у него непріятель ничего не выигралъ. Поутру 17 числа Герцогъ стоялъ еще на самомъ мѣстѣ сраженія и продолжалъ движенія свои для соединенія съ Прусскою арміею: въ семъ положеніи Веллингтонъ готовъ былъ принять сраженіе, если только Блюхеръ ближе къ нему подойдетъ. Князь Блюхеръ согласился на сіе, и тогда непріятель со всею силою нападаетъ на Герцога Веллингтона (что можно было предвидѣть), расположился обойти непріятельскія войска во флангъ и съ тыла. Наступило 18 е число (самой день Св. Троицы, 6 числа по старому стилю), непріятель открылъ атаку свою около 11 часовъ утра съ высотъ ла Бель-Алліанса; Бонапарте самъ велъ всю конницу свою на линію Герцога. Атака сія отражена; однако густой дымъ отъ пушечныхъ и ружейныхъ вы-

стрѣловъ, подобно мрачной тучѣ, легъ на землю и сокрылъ совсѣмъ движеніе приближившихся колоннъ пѣхоты. Французы подходили непрестанно линія за линіей новыми атаками, и менѣе опытная и неустрашимая пѣхота, какова была Англійская, не выдержала бы никакъ сихъ нападеній. Бонапарте съ возобновляющимся отъ часу бѣшенствомъ возобновлялъ пять или шесть разъ свои атаки до 7 часовъ вечера, и все было тщетно. Англійская кавалерія сама съ своей стороны стала производить блистательныя атаки и врубалась въ баталіоны старыхъ гвардій. Бонапарте немедленно кинулся съ нѣсколькими массами своей пѣхоты къ Лагею, Папелотту и Фришермону, занялъ ихъ и разлучилъ совсѣмъ арміи Блюхера и Веллингтона. Но Князь Блюхеръ, предвидѣвшій сіе, продолжалъ между тѣмъ исполненіе предположеннаго имъ плана, и пройдя дефилеи, считавшіяся непроходимыми, поспѣлъ къ пяти часамъ съ четвертымъ корпусомъ подойти сзади Фришермонскаго лѣса и тотчасъ велѣлъ атаковать правое непріятельское крыло. Деревни Фришермонъ, Лагей и другія взяты, и непріятель при-

нужденЪ былЪ отрядить весь свой резервЪ противЪ ПрусскихЪ войскЪ. Сраженіе произошло ужаснѣйшее. Всѣ усилія Бонапарте, чтобы удержаться вЪ своей позиціи, были тщетны; онЪ выгнанЪ былЪ отвсюду. ГерцогЪ ВеллингтонЪ, получа таковое подкрѣпленіе, приведенЪ былЪ вЪ возможность дѣйствовать наступательно, и потому со всѣмЪ своимЪ центромЪ и правымЪ крыломЪ двинулся впередЪ кЪ высотамЪ ла Бель-Алліанса (Прекраснаго Союза). Непріятель увидѣлЪ себя тогда окруженнымЪ со всѣхЪ сторонЪ, и участь сраженія рѣшилась. ВЪ девятомЪ часу вечера побѣда оказалась совершенною со стороны союзныхЪ войскЪ, и войска ФранцузовЪ обратились вЪ бѣгство. На высотѣ ла Бель-Алліанса побѣдоносные Фельдмаршалы обняли другЪ друга вЪ виду своихЪ армій. Не взирая на усталость, Прусскій третій корпусЪ преслѣдовалЪ ФранцузовЪ цѣлую ночь по дорогѣ кЪ Янаппу и Госсели, армія Веллингтона гналась за нимЪ по пути кЪ Нивеллю. — ТакЪ кончилось сіе новое нашествіе вѣроломнаго врага. Тщетно Бонапарте, сидя вЪ Парижѣ, мечталЪ о близкихЪ побѣдахЪ; тщетно предсказы-

валъ онъ Меру Янаппскому, что онъ 18 числа будетъ обѣдать и ночевать въ Брисселѣ; тщетно обѣщалъ войскамъ своимъ отдать сей городъ на разграбленіе: онъ обманулъ ихъ всѣхъ, такъ какъ и самъ обманутъ былъ горделивыми своими мечтаніями. Побѣжденный, онъ бѣжитъ съ разсѣянными своими полчищами сокрыть свое безчестіе въ нѣдрахъ Франціи. — Потеря союзниковъ въ четыре дни, 15, 16, 17 и 18 числѣ, простиралась до 30,000 убитыми и ранеными. Въ числѣ раненыхъ находятся двое Генераловъ Прусскихъ и трое Англійскихъ, также Наслѣдный Принцъ Оранскій, но только легко, и Наслѣдный Принцъ Нассау - Вейльбургскій. Къ общему сожалѣнію убитъ былъ въ сраженіи 16 числа Герцогъ Брауншвейгскій. Подъ Княземъ Блюхеромъ убита была лошадь и онъ самъ получилъ легкую контузію въ ногу. Но со стороны Французской уронъ былъ несравненно больше, ибо Французы шли цѣлыми массами на огонь Прусской артиллеріи, а потомъ въ бѣгствѣ ихъ было истреблено чрезвычайно много.

„Не думаю теперь вскорѣ имѣть „большое сраженіе, и кажется, что

„уже онаго здѣсь и быть не можетъ;
„ибо побѣда наша есть совершеннѣй-
„шая, каковую только одержать мож-
„но," такъ писалъ Князь Блюхеръ въ
Пруссію 20 Іюня. Наполеонъ ночью
ушелъ безъ шляпы и безъ шпаги, ко-
торыя Блюхеръ послалъ къ Королю.
Его парадная чрезвычайно богатая
мантія и карета, а также и зри-
тельная трубка, посредствомъ кото-
рой Наполеонъ обозрѣвалъ поле сра-
женія, достались въ руки Князю Блю-
херу; драгоцѣнности его и всѣ луч-
шія вещи достались въ добычу вой-
скамъ. Нѣкоторые изъ солдатъ по-
лучали отъ 5 до 6 тысячь талеровъ.
Бонапарте спѣшилъ было уѣхать въ
каретѣ; но Прусскія войска его догна-
ли. Онъ изъ кареты выбросился,
вскочилъ на лошадь безъ шпаги, сро-
нилъ съ себя шляпу, и такимъ образомъ,
пользуясь темнотою ночи, скрылся.

Бонапарте, увѣрившись еще 20
Апрѣля, что вся Европа противъ не-
го вооружится, чтобъ свергнуть съ
престола, и думая, что во Франціи
не станетъ рукъ, чтобъ поддержать
его, рѣшился наконецъ сдѣлать вездѣ,
гдѣ только возможно, укрѣпленія.
Онъ отправился, въ сопровожденіи ин-
женеровъ, въ восемь часовъ утра

на высоты *Монмартра*, осмотрѣлъ тамошнее мѣстоположеніе и роздалъ приказанія укрѣпить сіи высоты, поставить великое множество пушекъ, также на высотахъ *Бельвилля*, *Шомона* и проч. Укрѣпленія простирались на три часа до *Шаліота*, позади предмѣстія *Сентъ-Оноре*, чрезъ *Муссо Монмартръ*, *Бельвилль*, *Мениль - Монтанъ*, *Баньолетъ Монтрейль* до *Шарантона* и *Веньсеня*. Многіе домы, сады и плодоносныя деревья были истреблены. Сею работою занимались нѣсколько тысячь поденщиковъ, которымъ выдавали по 25 су на день.

Гренадеры старой гвардіи поспѣшили было на работу добровольно; но вскорѣ ревность ихъ охладѣла: ибо работа не подвигалась впередъ. Для ободренія ихъ Бонапарте употребилъ слѣдующую хитрость: онъ приказалъ объявить въ газетахъ, будто національная гвардія сама вызвалась окончить сіи укрѣпленія даромъ. Послѣ всего велѣлъ онъ всѣмъ жителямъ приняться за работу; никто не спѣшилъ повиноваться. Ротные сержанты національной гвардіи принуждены были приглашать на работу каждаго солдата; но едва собралось двѣсти

человѣкъ. Барабанщикъ сзывалъ барабаномъ въ пять часовъ утра, а въ семь всѣ расходились. Кто не приходилъ, тотъ платилъ пять франковъ штрафу; немногіе исполняли это, большая часть сильно сему противилась.

Бонапарте предвидѣлъ, что непріятели могутъ обойти укрѣпленія, если пойдутъ на Парижъ со стороны, противуположной Монмартру; для сего отправился онъ въ пять часовъ утра на равнины *Гренельскую*, *Монтрельскую* и *Висетрскую*, и приказалъ тамъ также заложить укрѣпленія; но они не были окончаны. Равнымъ образомъ хотѣлъ онъ укрѣпить и *С. Дени*. Онъ приказалъ привезти морскія пушки изъ *Гавра* и другихъ гаваней; ихъ перевезли на судахъ вверхъ по рѣкѣ Сейнѣ. Всего было ихъ шесть сотъ, изъ коихъ двѣсти поставлены на высотахъ предъ Парижемъ. Между національною гвардіею и ополченными происходили частыя ссоры, ибо они вели себя какъ вѣрные помощники тогдашняго Якобинства: они ходили толпами, носили бюстъ Наполеона, украшенный трехцвѣтными лентами, и осыпали оскорбленіями мирныхъ зрителей. Ре-

волюціонныя движенія усилились особенно 10, 11 и 12 Іюня. Во многихъ частяхъ Парижа началась между національною гвардіею и ополченными перестрѣлка, а около трехъ часовъ по полудни раздался гласъ возмущенія. По разнымъ мѣстамъ составились небольшія толпы ораторовъ. Солдаты, разсѣянные по всему городу, казалось, ожидали сигнала; и наконецъ около шести часовъ вечера дѣйствительно примѣчены были мятежныя движенія въ многолюднѣйшихъ частяхъ города. Наконецъ удалось національной гвардіи своею ревностію и бдительностію предупредить исполненіе заговора зломыслящихъ людей.

Въ Воскресенье, 18 числа, въ день нещастнаго сраженія при *Монъ С. Жанѣ*, то есть *Прекрасномъ Союзѣ*, сто пушечныхъ выстрѣловъ возвѣстили Парижанамъ торжество первыхъ успѣховъ. Бонапартисты пришли въ радостный восторгъ и иллюминовали свои домы. Въ понедѣльникъ, 7 числа, въ Мониторѣ напечатано было письмо одного Офицера съ преувеличенными, по обыкновенію, подробностями. Въ немъ говорили, что побѣдители взяли 50,000 плѣнныхъ к

100 пушекъ. Сіе письмо сочинено въ Парижѣ для подтвержденія одержанныхъ надъ союзниками великихъ успѣховъ. Во вторникъ не было обнародовано ничего новаго; въ среду (21 чис.) царствовала та же тишина. Наконецъ, около пяти часовъ вечера вышло прибавленіе къ Монитеру, въ которомъ помѣщены были печальныя извѣстія: въ немъ обьявляли, что все потеряно. Разнесся слухъ, будто Бонапарте убитъ на полѣ сраженія; другіе говорили, что онъ пріѣхалъ въ Парижъ, но его никто не видалъ. Палаты собрались; народъ сходился толпами, и удвоенная стража національной гвардіи съ трудомъ его разгоняла. Особенно около Пале-Рояля собирались большими толпами; кофейной домъ Монтазіе былъ сборнымъ мѣстомъ ополченныхъ. Всѣ караулы національной гвардіи были удвоены, розданы боевые патроны, заряжены ружья. Законодательное Сословіе обьявило себя безсмѣннымъ; въ немъ совѣтовались и спорили; Члены его опредѣлили, что тотъ, кто осмѣлится распустить обѣ Палаты, обьявляется внѣ закона. Поводомъ къ сему опредѣленію было, какъ говорили, то, что Бонапарте, при-

бывшій тайно, хотѣлъ войти въ сопровожденіи нѣсколькихъ храбрыхъ гренадеровъ въ обѣ Палаты и разогнать ихъ; но увидѣлъ, что онъ не въ состояніи исполнить сего дерзскаго намѣренія противъ 600 человѣкъ національной гвардіи, которые охраняли залы обѣихъ Палатъ.

Въ четвертокъ, 22 Іюня, распространилось извѣстіе, что Наполеонъ живетъ въ Елисейскомъ дворцѣ, куда онъ пріѣхалъ ночью со втор[illegible]ка на середу, почти одинъ, въ худой каретѣ. Возвращеніе его возбудило всеобщее негодованіе. Не уже ли онъ хочетъ у насъ отнять послѣднее дитя? говорили матери. Приверженцы его трепетали, раздавали деньги въ предмѣстіяхъ; народъ собирался, ополченные становились въ строй; барабанный бой приводилъ ихъ въ движеніе; они оставляли свои чердаки и распространялись по всему Парижу. Въ знакъ вольности носили они на шляпахъ зеленыя вѣтви. Восклицая: *да здравствуетъ Императоръ!* бросились они въ Пале-Рояль, и въ бѣшенствѣ начали оскорблять Роялистовъ. Кофейные домы наполнились бунтовщиками; въ нихъ раздаваемы были печатныя пѣсни въ честь тогдашняго

героя, а Марсельскіе гимны повторялись хорами. Національная гвардія собралась на площади Пале-Рояля, раздѣлилась на небольшіе отряды и приготовилась разогнать толпы. Въ вечеру около 9 часовъ Коммендантъ приказалъ большой части вооруженной силы поспѣшить въ садъ, и поставилъ ее въ линію противъ деревянной галлереи. Солдаты силою вытѣснили народъ изъ саду. То же самое происходило и въ галлереяхъ. Шумъ мало по малу утихъ. Сіи строгія мѣры не стоили ни капли крови; нѣсколько мятежниковъ взяты были подъ стражу.

Въ слѣдующую ночь бунтовщики начали нападать на караулы. Двѣ толпы мятежниковъ, изъ коихъ одна вышла изъ улицы des petits Augustins, а другая изъ улицы de St. Péres, старались разогнать караулъ, стоявшій передъ дверьми Министра Полиціи. Жандармы въ минуту вооружились. Мятежники обьявили, что они пришли смѣнить караулъ; увѣдомили о семъ Министра, который приказалъ впустить ихъ на дворъ; потомъ заперли ворота, мятежниковъ обезоружили, а начальниковъ ихъ посадили подъ стражу.

Другіе мятежники осмѣлились напасть даже на караулъ гвардіи, стоявшій у монетнаго двора. Они оскорбляли часовыхъ; но видя свое безсиліе, наконецъ рѣшились отступить.

Ночью ходили многочисленные патрули въ двадцать пять и пятьдесятъ человѣкъ съ заряженными ружьями. Въ эту же ночь ополченные пытались обезоружить караулы на Королевской площади; но послѣ двухъ выстрѣловъ обратились въ бѣгство. Въ пятницу пьяные солдаты бѣгали по улицамъ, крича: *да здравствуетъ Императоръ!* но никого не обижали. На мостахъ собирались толпы народа; но національная гвардія вскорѣ ихъ разогнала.

Извѣстіе объ отреченіи Наполеона въ пользу его сына успокоило его приверженцовъ. Патрули не уменьшались. Общее спокойствіе и порядокъ были возстановлены.

Между тѣмъ большая толпа ополченныхъ отправилась къ Елисейскому дворцу и вошла на дворъ съ восклицаніемъ: *да здравствуетъ Императоръ!* Бонапарте показался на балконѣ и хотѣлъ говорить; но его нельзя было слышать. Тогда братъ его *Луціянъ* вскричалъ: „Ступайте про-

тивЪ непріятеля!« Ополченные изъявили согласіе, и пошли назадЪ сЪ великимЪ шумомЪ.

Сильный отрядЪ вЪ пять сотЪ человѣкЪ національной гвардіи стоялЪ на площади Бово (Beauveau) противЪ главныхЪ воротЪ Елисейскаго дворца и посылалЪ многочисленные патрули вокругЪ онаго; народЪ устремился на нихЪ сЪ восклицаніемЪ: *да здравствуетъ ИмператорЪ! долой РоялистовЪ!* и хотѣлЪ было на нихЪ напасть; однакожЪ принужденЪ былЪ успокоиться. Между тѣмЪ два конногвардейца поставлены были сЪ каждой стороны дворцоваго входа, а вЪ саду и на дворѣ дѣйствовали гренадеры. Многіе любимцы пріѣзжали вЪ каретахЪ кЪ Наполеону.

ВЪ субботу, 24 числа, обнародовано было вЪ прокламаціи, подписанной *ГерцогомЪ ОтрантскимЪ*, что кЪ союзникамЪ отправлены для извѣщенія ихЪ обЪ отреченіи Наполеона вЪ пользу его сына. Сей поступокЪ весьма обрадовалЪ приверженцовЪ деспота; ибо они видѣли, что отЪ того безпокойства продолжатся. Тысяча двѣсти человѣкЪ національной гвардіи стояли ежедневно неподалеку отЪ обѣихЪ ПалатЪ на площади *Бово*,

а двѣсти человѣкъ старой гвардіи отправляли должность у прежняго своего начальника, отправившагося въ *Мальмезонъ*.

Бонапарте пріѣхалъ еще разъ въ Парижъ 25 числа, чтобъ навѣстить своихъ повѣренныхъ; но чрезъ нѣсколько времени возвратился опять въ загородный домъ. Ополченные начали кричать: *vive Napoleon II! долой Роялистовъ! долой лиліи!*

Въ понедѣльникъ революціонныя движенія, заражавшія пятнадцатилѣтнихъ дѣтей, не прекращались. Часть народа пошла строить укрѣпленія; одна половина ихъ была въ мундирахъ, другая въ гражданскомъ платьѣ.

Бонапартисты начали удаляться изъ Парижа, другіе укладывали свои сундуки, чтобъ быть готовыми къ отъѣзду. *Луціянъ*, который жилъ въ комнатахъ *Герцога Орлеанскаго*, выѣхалъ изъ Парижа ночью; вся Бонапартова фамилія послѣдовала его примѣру. *Герцогъ Экмюльскій* (Даву) приказалъ всѣмъ военнымъ чиновникамъ отправиться немедленно въ *Соасонъ*; но вмѣсто того множество солдатъ разныхъ корпусовъ шаталось по улицамъ съ оружіемъ и безъ оружія.

26 Числа все было спокойно; казалось, что Парижъ опустѣлъ. Въ Тюльерійскомъ дворцѣ, въ Елисейскихъ поляхъ и тамошнемъ дворцѣ весьма мало видно было людей.

Компіенская верховая почта воротилась, ибо непріятель шелъ ей на встрѣчу; сельскіе жители прибѣгали съ своимъ имуществомъ въ городъ.

28го Вышли изъ Парижа войска, а за ними ополченные; они заняли укрѣпленныя высоты. Народъ ходилъ по улицамъ въ молчаніи, ожидая осады. Разнощики продавали письмо Герцога Отрантскаго, Предсѣдателя Правительственной Коммиссіи (это письмо также извѣстно, какъ и письма Маршала Даву къ Веллингтону и Блюхеру).

29го Вышло объявленіе подъ заглавіемъ:

„*Законъ именемъ Французскаго народа.*" Въ немъ объявленъ былъ Парижъ въ осадномъ положеніи. Гражданскіе чиновники остались при своихъ мѣстахъ. Правительство обѣщало сохранить безопасность лицъ и имуществъ.

Распространился слухъ, что непріятель идетъ отъ С. *Жерменя*. Уз-

110.29

нали также, что при С. *Дени Пїеррфитѣ*, *Монморанси*, *Гоннесѣ* и *Буржетѣ* происходили сшибки. Англїйская кавалерїя начала показываться у *Вертю*. Народъ спѣшилъ на *Монмартрѣ*, чтобъ смотрѣть на сраженїя, которыя тамъ происходили; нѣкоторые всходили на башню церкви Собора Notre Dame. Всѣ малыя заставы были заперты, а открыты только большїя, которыя намѣревались защищать. Въ каждую часть города приносили оружїе и порохъ. Граждане были спокойны, но половина лавокъ заперта. Войска проходили чрезъ городъ въ *С. Дени*. Два Роялиста вскричали: да здравствуетъ Король! и были изрублены на части; другихъ, носившихъ бѣлую кокарду, взяли подъ стражу и они едва не лишились жизни.

30 го Въ два часа поутру услышали съ сѣверной стороны Парижа пушечную пальбу. Около полудня явился парламентеръ съ завязанными глазами. Онъ былъ представленъ Коммендanту *Гюленц*. Парламентеръ сей былъ Прусскїй Полковникъ, требовавшїй сдачи города.

Въ пять часовъ вечера слышны были чрезъ каждыя пять минутъ шесть пушечныхъ выстрѣловъ: это

были сигналы Французской арміи, собравшейся вокругъ Парижа. Чтобъ ободрить ее, распространили слухъ, будто бы *Австрійцы* идутъ къ Парижу на помощь и что посреди ихъ находится *Римскій Король*, котораго провозглашаютъ Императоромъ. На Монмартрѣ Роялисты заколотили нѣсколько пушекъ; ихъ поймали. Въ числѣ ихъ находился семидесятилѣтній старикъ въ сѣромъ сертукѣ и въ шитомъ камзолѣ. Его привязали къ лошадиному хвосту и привлекли такимъ образомъ въ городъ. Претерпѣвъ отъ солдатъ и черни многія ругательства, былъ онъ наконецъ приведенъ въ судъ и разстрѣлянъ.

1 Іюля Коммендантъ обнародовалъ слѣдующее:

„*Ни одинъ гражданинъ не долженъ принимать къ себѣ солдатъ.*" Это довольно ясно доказывало, что они пришли въ уныніе и старались скрыться.

Въ тотъ же день союзники показались недалеко отъ города. Англичане приближались изъ *Безона*, Прусаки занимали *Валерскую* высоту, которая господствуетъ надъ равниною. Тамъ произошло нѣсколько ошибокъ.

Войска получили мѣсячное жалованье, которое немедленно промота-

ли, и отъ того-то всѣ солдаты, пѣшіе и конные, были пьяны. У непріятеля отняли до тридцати фуръ, которыя возили въ парадѣ съ великимъ шумомъ по окольнымъ дорогамъ. Въ Парижѣ опасались, что народъ возмутится и потребуетъ возвращенія Бонапарте; по сей причинѣ на бивакахъ поставлена была національная гвардія. Ополченные вооружились.

Корпусъ *Вандамма*, состоявшій изъ двадцати пяти тысячь человѣкъ пѣхоты и тысячи конницы, стоялъ на *Монружской* равнинѣ; онъ имѣлъ сто пушекъ. *Груши* защищалъ съ такимъ же числомъ войска сѣверную сторону *Парижа* (*).

Парижскіе граждане и національная гвардія раздѣлились на двѣ партіи: Роялисты носили кокарду, въ которой бѣлая полоса была ширѣ прочихъ; другая партія носила кокарды, въ которыхъ широкія полосы были красная и голубая.

Между сими партіями происходили частыя ссоры, которыя прекращали ихъ начальники. Роздано было

(*) Наполеонъ, соединивъ 70,000 человѣкъ свѣжихъ войскъ съ Парижскими, могъ бы имѣть навѣрное 150,000 человѣкъ; но онъ потерялъ голову!

извѣстное воззваніе арміи къ народу, которое подписали двенадцать Генераловъ и въ которомъ они клялись защищать Парижъ до послѣдняго издыханія.

3 Іюля ночью слышны были частые пушечные выстрѣлы. Сраженіе при Гренеллѣ продолжалось до пяти часовъ утра.

Французская армія отступила до Парижскихъ заставъ; не смотря на сіе, Французы были спокойны, не всѣ лавки были заперты, гулянья наполнены людьми и дамы одѣты въ лучшія платья.

Прусаки, находившіеся уже нѣсколько дней въ *Версали*, поступили неосторожно въ томъ, что не имѣли тутъ большаго гарнизона. Генералъ *Эксельманнъ* воспользовался симъ и отрядилъ туда нѣсколько полковъ, которые вытѣснили Прусаковъ оттуда. Эксельманнъ не могъ однакожъ удержать *Версали*, когда приближилось непріятельское подкрѣпленіе.

4 Іюля все было спокойно. Французская армія стояла предъ Парижскими воротами, а непріятели на одинъ часъ далѣе; — заключили перемиріе.

Ввечеру Французская армія потянулась чрезъ Орлеанскую заставу;

за нею слѣдовало множество повозокъ, въ которыхъ находились бѣгущіе Бонапартисты. Студенты и ученики, отправившіеся прежде къ арміи, возвратились въ городъ, кричали безпрерывно вмѣстѣ съ ополченными и стрѣлками: *vive l'Empereur*, и обижали мирныхъ гражданъ.

Весь Парижъ пришелъ въ волненіе. Заперли съ поспѣшностію лавки; но не смотря на сіе, происходили грабежи. Слышны стали пушечные выстрѣлы и разнесся слухъ, что Французская армія вступаетъ въ городъ для грабежа. Ополченные бросали въ національную гвардію пескомъ, который носили въ карманахъ. Начальники украшались вѣтвями въ знакъ вольности.

Ночь была безпокойна: въ арміи господствовалъ безпорядокъ; ополченные, занимавшіе Монмартрскія высоты, не хотѣли возвратиться домой и оставить свои пушки. Они перепились и пришли въ бѣшенство; четыреста изъ нихъ вошли въ городъ и понесли предъ собою Наполеоновъ бюстъ, который украсили лавровымъ вѣнкомъ: такимъ образомъ хотѣли они служить вмѣстѣ съ національною гвардіею. — Частныя сраженія про-

держались и ночью. На другое утро обнародовали перемиріе.

По полученіи извѣстій о разбитіи Французскихъ войскъ при Ватерлоо и о бѣгствѣ Бонапарте, многіе города и крѣпости снова подняли бѣлое знамя. Въ самой Французской арміи распространился какъ бы священный ужасъ; солдаты послѣ пораженія перебѣгали цѣлыми отрядами въ станъ союзниковъ и многіе разбѣгались въ разныя стороны. Безпорядокъ, неповиновеніе возникли въ рядахъ побѣжденныхъ; они бѣжали, а не отступали. 28 Числа Іюля они осмѣлились еще атаковать форпосты Князя Блюхера; но были отражены съ потерею тысячи человѣкъ плѣнныхъ и шести пушекъ. Войска сіи намѣревались идти изъ Соассона въ Парижъ; но бывъ прогнаны съ оной дороги Прусаками, продолжали путь свой по дорогѣ въ Мо, гдѣ вновь были атакованы Генераломъ Бюловымъ, который взялъ изъ нихъ въ плѣнъ 500 человѣкъ, а остальныхъ прогналъ за рѣку Марну. Наконецъ *великая* сія армія въ страхѣ и трепетѣ добѣжала до Парижа.

Величайшей похвалы потомства заслуживаютъ поступки двухъ вели-

нихъ Полководцевъ въ теченіе кампаніи 1815 года, хотя кратковременной, но блистательной по знаменитой побѣдѣ и важной по послѣдствіямъ. Веллингтонъ и Блюхеръ дѣйствовали всегда съ общаго согласія, и таковое единодушіе между Военачальниками, равными своими дарованіями, имѣющими одинаковую власть надъ ввѣренными имъ войсками, доказываетъ превосходство сердецъ ихъ, доказываетъ, что цѣлію стараній ихъ были не собственныя выгоды, не желаніе отличить себя и пріобрѣсть большую одному противу другаго славу, но единственнымъ предметомъ ихъ было благородное соревнованіе и единственнымъ желаніемъ благо Европы.

Прусаки и Англичане безпрерывно слѣдовали за разбитою Французскою арміею, поспѣшно отступающею къ Парижу. 1 Іюля (н. ст.) Прусаки перешли на лѣвый берегъ Сены, и сіе самое побудило главноначальствующаго Французскими войсками заключить капитуляцію на здачу Парижа. Оная заключена 3 числа Княземъ Блюхеромъ и Герцогомъ Веллингтономъ съ Маршаломъ Даву и ратификована 4 числа. Въ тотъ же день Ст. Дени и мостъ въ Нёльи были зданы, 5 по-

слѣдовала здача Монмартра, а 8 Англо-Прусская армія торжественно вступила въ Парижъ. Остаткамъ Французской арміи, собравшейся подъ стѣнами Парижа, позволено было отступить за Лоаръ. Заключивъ сію капитуляцію, Главнокомандующіе Прусской и Англійской арміями имѣли единственно въ виду военныя дѣйствія, не касаясь до политическихъ обстоятельствъ и распоряженій на предбудущее время.

Мѣстопребываніемъ Короля во все продолженіе сей кампаніи былъ городъ Гентъ; при немъ находились многіе изъ Маршаловъ, оставшіеся ему вѣрными. Получивъ извѣстіе о пораженіи врага вселенной, Людовикъ XVIII отправился въ сопровожденіи Маршаловъ и многочисленной свиты въ Сентъ-Дени, чтобы 8 числа имѣть торжественный въѣздъ въ Парижъ. Бонапарте, видя, что ни хвастовство, ни ложь ни сколько ему не помогаютъ, потому что Французской народъ не вѣрилъ болѣе обманчивымъ его прокламаціямъ, сложилъ съ себя вторично верховную власть; но вскорѣ раскаялся. Онъ просилъ Палату Перовъ наименовать его хотя Главнокомандующимъ войсками; однакожъ

въ томъ ему отказано. Съ ужасомъ взирая на приближеніе союзныхъ войскъ къ стѣнамъ Парижа и видя ропотъ въ народѣ, Бонапарте удалился въ Мальмезонъ. Принявъ твердое намѣреніе уѣхать въ Америку, онъ приготовился уже совершить сіе путешествіе; но предопредѣленіе Всевышняго располагало иначе.

Какая ужасная картина представлялась тогда каждому Французу, вѣрному подданному Короля и истинному сыну отечества! Прусаки и Англичане, Русскіе и Австрійцы шли разными дорогами во внутренность Франціи. Хотя они видѣли, что войска сіи шли для защищенія правъ законнаго ихъ Государя, отца своихъ подданныхъ, Людовика XVIII, но со всѣмъ тѣмъ воззрѣніе на иноплеменниковъ раждало въ душахъ ихъ горестныя чувствованія. „Всевышній!" восклицали они, „прекрати гнѣвъ свой „на насъ! Бичь, ниспосланный Тобою, „омылъ уже нашею кровію почти всѣ „страны Европы. Мы повергаемся къ „подножію олтаря Твоего и сознаемся „въ неслыханномъ своемъ злодѣяніи; „не уже ли часъ прощенія не пришелъ „еще? Не уже ли потоки крови нашихъ „соотечественниковъ не могли смыть

„шѣхъ пятенъ, которыми покрыта „была Францiя и на которыя съ ужа- „сомъ взиралъ всякой чужеземецъ? „Творецъ всемогущiй! возврати намъ „добраго, великодушнаго Монарха, „водвори миръ и спокойствiе въ нѣд- „рахъ Францiи, и мы потщимся доб- „родѣтелями загладить прежнiя наши „преступленiя." Таковы были мысли всѣхъ истинныхъ патрiотовъ. Узнавъ о пораженiи бича Францiи и врага Европы, они съ восторгомъ внимали извѣстiю о скоромъ прибытiи добра- го Короля въ свою столицу, и съ горестiю слушали о пораженiи своихъ единоземцевъ; съ ужасомъ внимая, что кровавая битва похитила нѣсколько десятковъ тысячь ихъ соотчичей, снова воздѣвали съ умиленiемъ руки къ Превѣчному, прося о помилованiи избѣгнувшихъ огня и меча.

Французская армiя по конвенцiи, заключенной съ Фельдмаршалами Блю- херомъ и Веллингтономъ подъ стѣ- нами Парижа, отступила за Лоаръ. Маршалъ Даву, начальствовавшiй оною, не смотря, что Король возвращает- ся уже въ Парижъ, что союзныя войска заняли болѣе половины Фран- цузскихъ владѣнiй, не хотѣлъ оказать преданности законному своему Госу-

дарю и съ горстію войскъ приготовлялся къ новымъ военнымъ дѣйствіямъ. Вторично отрекшійся отъ престола Бонапарте издавалъ, живучи въ Мальмезонѣ, вздорныя прокламаціи, которыхъ никто не хотѣлъ читать. Франція уподоблялась бурному морю; взоры всѣхъ обращены были на столицу. Вотъ что происходило въ ней предъ вступленіемъ союзныхъ войскъ:

Народъ весьма устрашенъ былъ прибытіемъ раненыхъ и бѣглыхъ, а болѣе всего приближающимися пушечными выстрѣлами. Всѣ боялись, что Наполеонъ останется въ Парижѣ и вздумаетъ защищаться. Городъ объявленъ былъ 28 Іюня въ осадѣ и Правительство обнародовало, что одни линейныя войска будутъ защищать городъ, что всѣ способные къ службѣ должны явиться, а поселяне обязаны привозить съѣстные припасы и работать при постройкѣ укрѣпленій, и что между тѣмъ происходятъ переговоры о заключеніи мира. Офицерамъ обѣщано было мѣсячное, а рядовымъ полумѣсячное жалованье въ награжденіе. Между тѣмъ Палата Депутатовъ занималась сочиненіемъ новой конституціи, которою хотѣли ограничить правленіе Наполеона II.

Депутатъ Гамо 28 числа просилъ Палату скорѣе рѣшить, кто будетъ править Франціею, и принять конституцію 1791 года; но сего не сдѣлали. Палата Перовъ нарядила Коммиссію для разсмотрѣнія новой конституціи. Сіи споры о предметахъ, которыхъ Палаты не могли рѣшить сами собою, продолжались нѣсколько дней. Между тѣмъ съ башенъ и кровель Парижа увидѣли приближеніе побѣдоносныхъ союзныхъ войскъ. 3 Іюля готовились къ новому рѣшительному сраженію; но оно предупреждено было капитуляціею, заключенною въ Ст. Клу. На другой день (4 числа) Коммиссія Правленія извѣстила о семъ Палату Депутатовъ. Лишь только сія капитуляція сдѣлалась извѣстною солдатамъ, то произошло нѣкоторое безпокойство. Чего можно было ожидать отъ солдатъ, которые долгое время были щастливы, и вдругъ увидѣли себя оставленными побѣдою и принужденными выйти изъ столицы? Но въ самомъ дѣлѣ одинъ только человѣкъ былъ предметомъ ихъ негодованія, а именно тотъ, которой для удовлетворенія ненасытному своему властолюбію скрывалъ отъ солдатъ опасности, коимъ подвергалъ ихъ, и при

неудачѣ предался бѣгству. Онъ одинъ причиною всѣхъ бѣдствій, которыя постигли армію и народъ. При выходѣ войскъ гвардія явила лучшій примѣръ повиновенія. Полки вышли также безъ ропота; но ополченные въ предмѣстіяхъ (Federés) ругались, шумѣли, грозили, палили изъ пушекъ и ружей, ломали оружіе свое и оскорбляли національную гвардію, которая вела себя очень хорошо. Вечеромъ въ 8 часовъ тревога и опасеніе умножились. Во всѣхъ частяхъ города ударили сборъ, заперли ворота, закрыли лавки. Національная гвардія взялась за оружіе и разослала патрули. Злонамѣренные люди ходили въ военныхъ мундирахъ. Во многихъ мѣстахъ явились проповѣдники мятежа и старались собрать солдатъ. Стрѣльба изъ ружей по улицамъ и на мостахъ продолжалась. Все предвѣщало возмущеніе и грабежъ, вездѣ царствовала боязнь; но національная гвардія сохранила спокойствіе, и гроза прошла мимо.

5 Іюля Коммиссія Правленія обнародовала, за подписью Фуше, прокламацію, въ которой успокоила всѣхъ Французовъ увѣреніемъ, что они, по объявленіямъ союзныхъ Монарховъ,

не лишатся правъ и выгодъ своихъ, и вскоръ, подъ сѣнiю законовъ и правосудiя, насладятся вожделѣннымъ миромъ. — Въ тотъ же день Президентъ Палаты Депутатовъ Ланжюине объявилъ, что спокойствiе непремѣнно будетъ сохранено, ибо Князь Блюхеръ обѣщалъ дать для соблюденiя онаго нѣсколько баталiоновъ Прусаковъ. Фуше провелъ весь тотъ день въ главной квартирѣ Герцога Веллингтона, которой объявилъ ему, что возстановленiе Людовика XVIII есть лучшiй залогъ спокойствiя во Францiи. 6 Iюля одинъ Членъ Палаты Депутатовъ потребовалъ, чтобъ сняли поставленный въ ней бюстъ Наполеона, и вмѣсто онаго подняли трехцвѣтной флагъ. Это было исполнено; но вмѣсто флага повѣсили шарфъ. За симъ вновь начались пренiя о новой конституцiи.

7 Iюля Коммиссiя Правленiя объявила Палатамъ, что въ слѣдствiе признанiя союзными Монархами Людовика XVIII по прежнему Королемъ Французскимъ, Его Величество въ сей или на другой день вѣдетъ въ Парижъ и что Коммиссiя по сей причинѣ, признаетъ себя уничтоженною, поручивъ Маршалу Массенѣ и Пре-

фекту Сейнскаго Департамента наблюденіе за всенароднымъ спокойствіемъ и порядкомъ. Палаты, получивъ сіе увѣдомленіе, также разошлись. Въ Палатѣ Депутатовъ вздумали было нѣкоторые Члены тому противиться, но безъ успѣха. На другой день Генералъ Дессоль закрылъ залы обѣихъ Палатъ. 9 Числа Городовый Парижскій Совѣтъ собрался для сочиненія церемоніала и рѣчи по случаю вѣѣзда Короля. Въ тотъ же день вошли въ Парижъ черезъ заставу de l'Etoile 60,000 Прусской пѣхоты, конницы и артиллеріи. Англійскія войска вошли съ другой стороны. Первыя заняли часть Парижа, лежащую на лѣвой сторонѣ Сейны, а послѣднія расположились на правой. Между тѣмъ Король съ фамиліею своею прибылъ въ Арнунвиль. Многіе Парижане вышли туда къ нему на встрѣчу вмѣстѣ съ національною гвардіею. Король, въ сопровожденіи Маршаловъ Макдональда, Виктора, Мортье и Кларка осмотрѣлъ національную гвардію, изъявилъ удовольствіе, что возвратился къ дѣтямъ своимъ, и поручилъ ей сказать жителямъ Парижа, что скоро къ нимъ пріѣдетъ. На другой день, 8 Іюля, Король отправился въ 2 часа

изъ Сенъ-Дени и въ 4 въѣхалъ въ Парижъ. Многочисленная національная гвардія, вышедшая Королю на встрѣчу, смѣшалась съ вѣрными служителями Короля. Впрочемъ не было наблюдаемо особаго церемоніала. Всенародный восторгъ и громкія изъявленія общей радости одни украшали сіе семейственное торжество. Вокругъ Королевской кареты шла Королевская гвардія, ѣхали Маршалы, Генералы и Офицеры, бывшіе всегда въ свитѣ Е. В. Карета ѣхала медленно посреди тѣсныхъ рядовъ упоенной радостію толпы. Жители Парижа и сосѣдственныхъ селеній покрыли дорогу. Всѣ они, равно какъ и національная гвардія, украшены были бѣлыми кокардами и въ воздухѣ раздавались восклицація: *Да здравствуетъ Король!* При вратахъ Сенъ-Дени ожидалъ Короля Префектъ Сейнскаго Департамента съ Городовымъ Совѣтомъ Парижа. Карета Его Величества остановилась и Префектъ привѣтствовалъ Короля рѣчью, въ которой изъявилъ радость согражданъ своихъ. Король отвѣтствовалъ: „Я оставилъ Парижъ съ глубочайшею горестію, и возвращаюсь въ оный съ истинною радостію. Доказательства вѣрности добраго моего города Парижа до-

шли до моего свѣдѣнія. Сердце мое тронуто. Я предвидѣлъ бѣдствія, ему угрожавшія; желаю отклонить и исцѣлить ихъ.« Послѣ сего шествіе продолжалось прежнимъ порядкомъ чрезъ предмѣстіе Сенъ-Дени и бульвары къ Тюллерійскому дворцу, гдѣ развѣвалось бѣлое знамя. Король остановился въ семъ дворцѣ послѣ шествія, которое сопровождаемо было восклицаніями всѣхъ жителей Парижа. Вечеромъ весь городъ былъ великолѣпно иллюминованъ безъ приказанія. Народъ ходилъ толпами по улицамъ, восклицая: *Да здравствуетъ Король!* Во всѣхъ предмѣстіяхъ плясали и пѣли арію: Vive Henri IV., съ перемѣнами, внушенными усердіемъ и восторгомъ. Сіе радостное волненіе продолжалось до самаго утра.

Наполеонъ же, видя успѣхи союзниковъ и положеніе дѣлъ въ Парижѣ, велѣлъ предложить Палатамъ, чтобъ его вновь провозгласили Главнокомандующимъ; но получилъ въ томъ отказъ. Въ Парижѣ когда оказались безпокойства, то Коммиссія Правленія нашлась принужденною объявить Наполеону, которой между тѣмъ изволилъ прибыть изъ Мальмезона въ Парижъ, чтобъ онъ уѣхалъ. Онъ потре-

бовалъ у ней для себя нѣсколько военныхъ судовъ. Морской Министръ извѣстилъ его, что Коммиссія соглашается на его отъѣздъ, но для собственной его безопасности не позволитъ ему уѣхать до полученія паспортовъ. За симъ просили у Герцога Веллингтона паспортовъ въ Сѣверную Америку для двухъ фрегатовъ; но онъ отвѣчалъ, что не имѣетъ права дать оныхъ. Между тѣмъ Бонапарте, подумавъ, что его не отпускаютъ только для того, чтобъ удержать въ Парижѣ до прибытія союзниковъ и отдать въ ихъ руки, объявилъ, что отваживается ѣхать безъ пашпортовъ, и получивъ на то позволеніе Коммиссіи, отправился въ Рошефортъ. Тамъ изготовлены были для него фрегаты Саала и Медуза, подъ командою Капитановъ *Филибера* и *Поаре*. Но фрегаты сіи не могли выйти въ море по причинѣ строгаго присмотра Англичанъ, и принуждены были пристать къ острову Ре.

Когда Фуше по приближеніи союзныхъ войскъ къ Парижу имѣлъ съ Герцогомъ Веллингтономъ въ главной его квартирѣ весьма продолжительныя совѣщанія на счетъ участи Бонапарте, то Герцогъ требовалъ

отъ него непремѣнно, чтобъ взять подъ арестъ Бонапарте, что Фуше и обязался исполнить. Въ слѣдствіе того убѣдилъ онъ его ѣхать въ Рошефоръ подъ тѣмъ предлогомъ, что о безопасномъ и безпрепятственномъ проѣздѣ его производятся переговоры съ Англію. Генералъ Бекеръ поѣхалъ его провожать, и получилъ приказаніе имѣть строгой за нимъ присмотръ. Бонапарте, пустясь въ море, увидѣлъ разъѣзжавшіе около фрегата его Англійскіе боты, почему и вознамѣрился возвратиться на берегъ; но тѣ же самые фрегаты снова ему въ томъ воспрепятствовали: и тогда Бонапарте ясно увидѣлъ, что онъ арестованъ. И такъ, чтобъ не быть выданнымъ на твердой землѣ союзникамъ, принужденъ онъ былъ рѣшиться на послѣднее средство, то есть показать, будто бы онъ добровольно отдается Англичанамъ. Англійскій Капитанъ Майтландъ (*) принялъ его очень учтиво, и Бонапарте въ каютѣ его немедленно написалъ слѣдую-

(*) Капитанъ Майтландъ, Начальникъ Англійскаго военнаго корабля Беллерофона, которому сдался Бонапарте. Онъ родственникъ Лорда Лодердаля.

щее письмо къ Принцу - Регенту: „Будучи жертвою партій, раздирающихъ мое отечество, и вражды величайшихъ Державъ, нахожусь я при „концѣ политическаго моего поприща. „Подобно Ѳемистоклу, отправляюсь я „въ отечество Британцевъ, и отдаюсь подъ защиту его законовъ. Сей „защиты прошу я у Вашего Королевскаго Высочества, какъ у сильнѣйшаго, постояннѣйшаго и великодушнѣйшаго изъ моихъ противниковъ.“ Послѣ сего, когда онъ, по желанію своему, отведенъ былъ въ свою каюту, то не мало удивился, увидя предъ оною двухъ часовыхъ. Черезъ полчаса Капитанъ посѣтилъ его и нашелъ въ слезахъ. Капитанъ Майтландъ утѣшалъ его, сколько могъ. Бонапарте просилъ позволенія взять съ собою на корабль Беллерофонъ 50 человѣкъ конницы; но ему было отказано. Выдавъ росписку въ принятіи плѣнника Лейтенанту Французскаго брига *Коршуна*, Капитанъ Майтландъ отправился съ нимъ 16 Іюля къ берегамъ Англіи.

По полученіи извѣстія о взятіи Бонапарте и о желаніи его поселиться въ Англіи, Принцъ - Регентъ отправилъ курьеровъ ко всѣмъ Европейскимъ Монархамъ, испрашивая ихъ со-

вѣта, какимъ образомъ поступить въ такомъ случаѣ и какое мѣсто назначить ему для жительства. По общему согласію рѣшено было опредѣлить мѣстопребываніемъ Наполеону островъ Св. Елены, лежащій на Ефіопскомъ морѣ; почему Принцъ-Регентъ и приказалъ приготовить военный корабль Нортумберландъ для перевезенія плѣнника на сей островъ, назначивъ Губернаторомъ онаго Сира Гудсона Лова, которой хотя и отклонялъ предложеніе имѣть надзоръ за сохраненіемъ Бонапарте, но долженъ былъ повиноваться приказанію Принца. Когда Чиновникъ объявилъ Наполеону о рѣшеніи Союзныхъ Державъ, назначившихъ ему мѣстопребываніемъ островъ Св. Елены, то онъ сильно на сіе вознегодовалъ и написалъ тотчасъ къ Лорду Кейту письмо съ сильными противъ того возраженіями. Онъ въ бѣшенствѣ сказалъ, что никакъ не дастъ себя живаго отвезти на тотъ островъ; но ему отвѣтствовали, что его къ тому не допустятъ. Впрочемъ, судя по всегдашней его попечительности о жизни, невозможно было надѣяться, чтобы онъ рѣшился на такой отчаянной поступокъ.

Еще до объявленія Бонапарте о его участи, самый искренній его другъ Савари просилъ позволенія переговорить съ Лордомъ Кейтомъ. Бывъ допущенъ до сего Адмирала, онъ сначала завелъ разговоръ о распространившемся слухѣ, что Бонапарте, котораго не переставалъ называть Императоромъ, непремѣнно посланъ будетъ на островъ Св. Елены; потомъ сказалъ, что если слухъ сей справедливъ, то я исполню данное мнѣ Его Величествомъ повелѣніе застрѣлить его изъ пистолета. *Г. Савари!* — отвѣчалъ весьма хладнокровно Лордъ Кейтъ, *вы будете повѣшены за свое послушаніе.* Когда Лордъ сей находился на кораблѣ своемъ *Тоннантѣ* въ нѣкоторомъ разстояніи отъ корабля Беллерофона, на которомъ находился Бонапарте, то съ корабля сего дали ему знать посредствомъ телеграфа: Бонапарте положилъ на свой столъ два пистолета; *не взять ли ихъ?* Неустрашимый Лордъ отвѣчалъ: *Нѣтъ.*

Наконецъ Августа 8 числа Наполеонъ Бонапарте отправленъ былъ на островъ Св. Елены на военномъ кораблѣ Нортумберландѣ. Отправленіе сіе происходило слѣдующимъ образомъ: Въ Воскресенье прибылъ на

ономъ Лордъ Ловтеръ на встрѣчу *Беллерофону*, на которомъ находился тогда Бонапарте, и *Тоннанту*, на которомъ былъ Адмиралъ Лордъ Кейтъ. Корабли сіи, сойдясь вмѣстѣ, стали на якоряхъ близь Торбея. Генералъ Бертранъ былъ въ тотъ день на *Тоннантѣ* съ Лордомъ Кейтомъ, Адмираломъ, и Сиромъ Кокбурномъ, Начальникомъ *Беллерофона*, при чемъ объявлены ему были данные въ разсужденіи Бонапарте повелѣнія. Послѣ они всѣ трое пошли на Беллерофонъ, гдѣ до того еще отобрано было у Бонапарте всякое оружіе. Тамъ тотчасъ отдѣлены были тѣ изъ свиты Бонапарте, коимъ назначалось съ нимъ ѣхать, а прочіе отосланы на фрегатъ. Когда Лордъ Кейтъ объявилъ ему, что его переведутъ на корабль Нортумберландъ, то онъ сильно сталъ протестовать противъ сего поступка съ нимъ, каковаго, по его словамъ, никогда не ожидалъ, и удивлялся, за чѣмъ бы не оставить его спокойно жить въ Англіи. »Мое намѣреніе было поселиться »въ Англіи; я желалъ себѣ жилища, удаленнаго на 30 миль отъ моря. »Пусть мнѣ дадутъ Коммиссара. Я »сдѣлаюсь здѣшнимъ гражданиномъ и

„докажу моими поступками, что я „достоинъ быть Англичаниномъ; а „тамъ, можетъ быть, и слово мое „дамъ не заботиться болѣе о полити-„ческихъ дѣлахъ. Англія можетъ со „мною не иначе поступать, какъ съ „военноплѣннымъ. Я никогда не со-„глашусь ѣхать на островъ Св. Еле-„ны, гдѣ мнѣ климатъ несвойственъ, „а я для здоровья долженъ всякой день „ѣздить по 20 миль. Еслижъ меня „принудятъ ѣхать туда, то я умру „скорѣе, нежели черезъ три мѣсяца." На все сіе никто не отвѣчалъ ему ни слова. Между тѣмъ бывшій тутъ Англійской Офицеръ сказалъ ему, что если бы не отправили его на островъ Св. Елены, то выдали бы Россійскому ИМПЕРАТОРУ. „Боже из-„бавь отъ Русскихъ!" вскричалъ Бонапарте, взглянувъ на Бертрана. Онъ приведенъ былъ также въ смятеніе, когда услышалъ, что называютъ его просто Генераломъ. Спросили его, въ которомъ часу утра прикажетъ быть за собою завтрашній день, чтобъ перейти на корабль Нортумберландъ? Въ примѣтномъ смущеніи назначилъ онъ въ десять часовъ. Потомъ сталъ онъ разспрашивать объ островѣ Св. Елены, можетъ ли тамъ ходить

на охоту, стрѣлять; и вдругъ, перемѣня эту матерію, бранилъ Правительство, негодовалъ, что его титулуютъ Генераломъ и проч. Ему давали свободно говорить безъ всякаго на то отвѣта. Въ понедѣльникъ поутру Сиръ Конбурнъ явился на *Беллерофонѣ* для осмотра пожитковъ его, изъ коихъ самыя необходимыя вещи и отправлены на Нортумберландъ. Въ самый полдень пріѣхалъ Лордъ Кейтъ на ботѣ, на которомъ Бонапарте и перевезенъ съ *Боллерофона*. Вмѣстѣ съ нимъ взяты были на ботъ: Бертранъ съ женою и дѣтьми, Графъ и Графиня Монтолонъ съ ребенкомъ, Графъ Ласказасъ, Генералъ Горго, девять служителей и три служанки. Лѣкарь Бонапарте отказался съ нимъ ѣхать, а поѣхалъ другой. Савари и Лаллеманъ остались на *Беллерофонѣ*. Первый изъ нихъ крайне боялся, чтобъ его не выдали Французскому Правительству. Бонапарте взбѣжалъ весьма проворно по лѣстницѣ на корабль Нортумберландъ въ слѣдъ за Бертраномъ, и снявъ шляпу передъ Сиромъ Конбурномъ, сказалъ: Je suis à vos ordres (я въ вашихъ повелѣніяхъ). Всѣ въ свитѣ Бонапарте бывшіе говорили весьма много, каждый о сво-

емъ предметѣ; сожалѣли объ оставленномъ ими во Франціи имуществѣ и пр. Лордъ Лавтеръ и Г. Литтельтонъ, поговоря съ Бонапарте, отправились съ корабля на берегъ. Каюта компаніи на Нортумберландѣ убрана великолѣпно. *Боллерофонъ*, *Тоннантъ* и фрегатъ *Эвротагъ* возвратились обратно въ Плимутъ, а корабль *Нортумберландъ* пустился въ море къ мѣсту своего назначенія. — И такъ Бонапарте покорился спокойно своей участи по неволѣ; но прежде объявленія ему о семъ отправленіи чрезвычайно бѣсился, говорилъ часто о самоубійствѣ, и что желалъ бы лучше сидѣть въ Товерѣ, нежели ѣхать на островъ Св. Елены.

По содержанію инструкціи, данной Военнымъ Департаментомъ въ Лондонѣ Адмиралу Кокбурну, отправленному съ Бонапарте, возложена на него вся отвѣтственность за него. По прибытіи къ острову, Бонапарте не сойдетъ съ корабля до тѣхъ поръ, пока все не устроится надлежащимъ образомъ для нужныхъ на сей случай предосторожностей. Кромѣ непосредственнаго надзора со стороны Англіи, отправлены будутъ на островъ Св. Елены Коммиссары со стороны

Россіи, Австріи и Пруссіи, дабы удостовѣриться лично въ надежности принятыхъ мѣръ и смотрѣть за соблюденіемъ оныхъ. Гарнизонъ будетъ составленъ изъ самыхъ вѣрныхъ воиновъ. Бонапарте, спутники его и служители должны находиться подъ непрерывнымъ надзоромъ; а ему самому не позволено безъ караула сдѣлать ни одного шага. По прибытіи какого-либо судна къ острову, строгость присмотра за нимъ усугубится. Всѣ сношенія съ жителями будутъ ему запрещены; и ему объявится, что при первомъ покушеніи его уйти подвергнется онъ строжайшему темничному заключенію. Ему не позволено ни писать, ни получать писемъ иначе, какъ по прочтеніи оныхъ прежде начальствомъ. Во всякихъ потребностяхъ своихъ, въ разсужденіи одежды и домашнихъ вещей, можетъ онъ обращаться съ прозьбою къ Губернатору, которой будетъ удовлетворять его, смотря по возможности, или самъ, или испрашивать повелѣній отъ Англійскаго Правительства. Деньгамъ его и дорогимъ вещамъ сдѣлана опись, и онѣ не иначе будутъ отдаваться въ его распоряженіе, какъ по разсмотрѣнію об-

стоятельствѣ и точной надобности, дабы не доставить ему въ руки вдругъ слишкомъ большихъ суммъ, которыя могли бы способствовать къ исполненію какихъ-либо умысловъ, или къ побѣгу.

Такимъ образомъ сей кровожадный властитель обширной и прекраснѣйшей страны Европы получилъ отъ Всемогущаго достойное наказаніе за ненасытное свое честолюбіе, бывшее столько лѣтъ причиною бѣдствій всей Европы; кровь милліоновъ людей, принесенныхъ имъ въ жертву необузданной своей алчности къ завоеваніямъ и властолюбію, возопила предъ трономъ Всевышняго, и милосердый Творецъ, смягчивъ гнѣвъ свой, изрекъ помилованіе. Съ поникшею главою и сильно біющимся сердцемъ сидѣлъ Бонапарте въ каютѣ своей, или сложа руки назадъ, прохаживался по палубѣ корабля, которой отдалялся за нѣсколько тысячь верстъ отъ того Государства, въ которомъ, обладая престоломъ, онъ предписывалъ законы многимъ Царствамъ. Прислонясь къ мачтѣ, Бонапарте съ душевною скорбію взиралъ, что для него уже навѣки закрылись прелестные берега Франціи, что онъ никог-

да не услышитъ болѣе кликовъ: *да здравствуетъ Наполеонъ!* столь лестныхъ для его самолюбія, не увидитъ болѣе войскъ, которыя бы по одному его мановенію двигнулись на край вселенной, ~~а всего болѣе, не узритъ уже потоковъ текущей крови, коей алкала душа его,~~ когда все сіе представлялось пламенному его воображенію, тогда онъ ясно видѣлъ наказующую десницу Превѣчнаго и съ стѣсненнымъ сердцемъ уходилъ опять въ свою каюту.

Оставимъ теперь Наполеона плыть по неизмѣримому пространству морей, — пусть онъ получитъ достойную мзду за неслыханныя злодѣянія, — и обратимъ взоръ свой на нѣсколько времени въ Парижъ, гдѣ добрый Монархъ, отецъ подданныхъ, снова началъ посвящать всѣ минуты дряхлой своей жизни для благоденствія подданныхъ, стараясь вырвать корень зла, далеко углубившійся. Всегдашнимъ желаніемъ его было изцѣлить тяжелыя язвы, вновь нанесенныя кровожаднымъ Наполеономъ любезнымъ ему подданнымъ; почему онъ прежде всего обратилъ взоръ на измѣнниковъ, которые, поклявшись за годъ передъ симъ служить ему какъ закон-

ному Государю, при возвращеніи Бонапарте съ острова Эльбы пристали къ сторонѣ хищника. Главнѣйшимъ и подлѣйшимъ изъ бунтовщиковъ былъ Маршалъ Ней. Не станемъ упоминать ни о Лавалетѣ, спасенномъ чудеснымъ образомъ нѣжною своей супругою, ни о Савари, гнусномъ предателѣ, убѣжавшемъ вмѣстѣ съ Лаллеманомъ въ Америку, ни о другихъ наказанныхъ измѣнникахъ, а опишемъ только судъ, производившійся надъ Неемъ, и казнь сего злодѣя, каковое описаніе заслуживаетъ вниманіе читателей.

Ноября 21 дня 1815 года н. ст. было публичное засѣданіе Перовъ по дѣлу Нея. Около 9 часовъ утра вся зала наполнена уже была людьми, а знатнѣйшіе изъ иностранцевъ находились въ особо устроенныхъ для сего мѣстахъ. Дамы не были туда впускаемы. Въ 11 часовъ Перы заняли мѣста свои и Канцлеръ, въ качествѣ Президента, напомянулъ публикѣ, что надлежитъ удерживаться отъ всякихъ изъявленій одобренія или неудовольствія. За симъ прибыли въ собраніе Министры съ 19 свидѣтелями, а вскорѣ потомъ и Ней, сопровождаемый двумя Офице-

рами. Онъ былъ въ Генеральскомъ мундирѣ, въ лентѣ Ордена Почетнаго Легіона. Видъ его казался спокойнымъ и твердымъ. Поклонясь судьямъ, сѣлъ онъ между обоихъ Адвокатовъ своихъ, Берріе и Дюпеня, коимъ Президентъ поставилъ на видъ, чтобы при защищеніи не теряли изъ вида должнаго уваженія къ повелѣніямъ Начальства и къ собранію. По семъ Королевскій Коммиссаръ читалъ обвиненіе на Маршала Нея въ измѣнѣ и нарушеніи общественной безопасности. Въ ономъ между прочимъ излагаемо было сильное подозрѣніе на неправильность показанія Неева въ томъ, что о вторженіи Бонапарте онъ будто бы не прежде узналъ, какъ въ Парижѣ; ибо не вѣроятно, чтобы Адъютантъ Военнаго Министра, который привезъ къ нему въ помѣстье его повелѣніе отправиться во ввѣренную начальству его округу, не объявилъ ему и о причинѣ того. Отзываться незнаніемъ о семъ побуждаетъ его безъ сомнѣнія токмо то, чтобы тѣмъ лучше сокрыть участіе свое въ ономъ. Тутъ поставлено было Нею на видъ, что онъ съ презрѣніемъ отвергъ данный ему совѣтъ собрать національную гвар-

дію. Расположеніе войскъ не столь было худо; ибо оныя и по прочтеніи имъ его прокламаціи восклицали еще: *да здравствуетъ Король!* а потому легко было удержать ихъ въ должномъ послушаніи, если бы уважаемый ими главный начальникъ не подалъ собою худаго примѣра. Ней напротивъ того, не взирая на представленія Генераловъ и Офицеровъ, не перемѣнилъ своего намѣренія, старался развратить другихъ, называлъ глупостью то, что Префектъ Департамента Юры отказался служить Бонапарте; приказалъ арестовать многихъ вѣрныхъ подданныхъ Короля, и проч. — По прочтеніи таковаго обвиненія, Канцлеръ сказалъ Нею, чтобы онъ свободно и безъ опасенія отвѣтствовалъ; и спрашивалъ его: имѣетъ ли онъ какое-либо справедливое возраженіе на обвиненія, ему предложенныя? — Ней, вставъ со стула, прочелъ самъ прозьбу свою о выслушаніи на сіе его Адвоката. Тутъ Берріе сталъ читать около двухъ часовъ длинную рѣчь въ защищеніе Нея. Въ оной старался онъ доказывать не невинность подсудимаго, но неправильность токмо принятаго порядка судопроизводства.

Министры предали его суду Камеры не яко Пера, но яко измѣнника. Таковый поступокъ, по его словамъ, есть странное Министеріальное замѣшательство. Королевское повелѣніе отъ 11 числа, продолжалъ онъ, приводитъ каждаго въ изумленіе, и тѣхъ самыхъ даже, кои наиболѣе предубѣждены противъ Маршала; поелику его положено судить не открыто. Въ повелѣніи отъ 12 числа хотя и примѣчаются черты благороднаго признанія въ ошибкѣ, но и въ ономъ Министры предписываютъ Перамъ правила, коихъ держаться слѣдуетъ. Камера Перовъ можетъ обратиться въ судилище токмо силою закона, относящагося не на одно лице, но на всѣхъ тѣхъ, кои подлежатъ суду оной. Честь Камеры оскорбляется тѣмъ, если Министры почитаютъ оную за частное судилище. По содержанію конституціи, Перъ можетъ быть арестованъ только повелѣніемъ Камеры, чего не соблюдено въ отношеніи къ Нею. Если же и возможно было бы почесть Камеру за обыкновенное судилище, то и тогда она не могла бы рѣшить дѣла по большинству голосовъ, но, равно какъ и прочія, только по соединеніи двухъ

трешей оныхЪ. СверхЪ того требовалЪ Г. Берріе, чтобы выслушано было больше свидѣтелей, нежели сколько позволила краткость времени, и проч. — Королевскій КоммиссарЪ Г. БеліарЪ отвѣчалЪ на сіе, что таковыми возраженіями, кои клонятся токмо кЪ продолженію судопроизводства, напрасно думаютЪ отдалить рѣшеніе Камеры, каковаго ожидаетЪ Франція и вся Европа. Не время уже искать защиты Маршалу вЪ опроверженіи правЪ суда; а ему слѣдуетЪ обЪявить токмо все то, что онЪ имѣетЪ сказать вЪ свое оправданіе. Другой АдвокатЪ обвиняемаго, Г. Дюпень, возразилЪ на сіе, что нѣтЪ еще закона, опредѣляющаго правила судопроизводства ПеровЪ, и если не дано будетЪ времени на отвѣты, то и защищать Маршала нѣтЪ никакой возможности. ТутЪ Перы вышли для совѣщанія между собою. ЧрезЪ 2 часа возвратились они опять вЪ собраніе, и КанцлерЪ препоручилЪ Королевскому Коммиссару отвѣчать на возраженія обвиняемаго. Г. БеліарЪ оспоривалЪ утвержденія защитниковЪ, и особенно то, чтобы Маршала судить яко Пера. По отвѣтѣ на сіе Г. Дюпеня,

Перы опять вышли, и когда чрезъ часъ возвратились, то Канцлеръ объявилъ, что Камера пріемлетъ доказательства Королевскаго Коммиссара за основательныя, и опредѣляетъ, чтобы обвиняемый предложилъ вдругъ все, могущее служить къ его оправданію въ имѣющемъ быть 23 числа засѣданіи Камеры. Когдажъ Адвокатъ Берріе сказалъ, что до того времени не успѣютъ повѣстить надлежащимъ образомъ свидѣтелей, то Канцлеръ отвѣчалъ, что онъ слышалъ уже сдѣланное постановленіе. За симъ собраніе разошлось, и Ней отведенъ былъ опять въ тюрьму.

Супруга Маршала Нея просила Герцога Веллингтона о ходатайствѣ за ея мужа, но получила въ отвѣтъ, что онъ не можетъ принять участія въ семъ дѣлѣ; ибо съ одной стороны Король Французскій не согласился на конвенцію 3 Іюля касательно выступленія изъ Парижа; съ другой же, союзныя Державы положили не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Французскаго Правительства.

Въ ночи на 21 число Ней, за большимъ карауломъ, изъ конницы и пѣхоты состоявшимъ, перевезенъ былъ изъ тюрьмы въ Люксембургъ.

Королевскій Коммиссаръ въ опроверженіе доказательствъ, приведенныхъ Адвокатами Нея, между прочимъ объявилъ, что второе повелѣніе Короля, о произведеніи суда надъ Неемъ публично, дано изъ одного токмо великодушія, а не по праву на то Маршала Нея. Если принять, что Камера не можетъ производить суда, безъ особеннаго на то законоположенія, всѣми тремя законодательными властьми, то, въ случаѣ отреченія отъ сего которой-либо Камеры, ни одинъ Перъ судимъ быть не можетъ; сверхъ того, присовокупилъ онъ, Королевской власти достаточно, чтобы опредѣлить, можетъ ли одна Камера Перовъ судить Маршала. Право сіе присвоено ему и актомъ конституціи въ 14й статьѣ, въ коемъ сказано, что Король, для исполненія законовъ и безопасности Государства, дѣлаетъ нужныя учрежденія и постановленія. Мнѣніе таковое утверждено и Камерою, которая опредѣлила продолжать производство суда.

За нѣсколько времени до осужденія Маршала Нея было покушеніе освободить его изъ подъ стражи, которое могло бы имѣть желаемый успѣхъ, когда бы однимъ днемъ преж-

де было предпринято. Двѣ особы въ прекрасныхъ жандармскихъ мундирахъ пріѣхали верхами къ тюрьмѣ и вручили Директору оной приказаніе, подписанное Министромъ Полиціи, выдать имъ Маршала Нея, для отведенія его въ другую тюрьму, прежде нежели онъ предстанетъ къ допросу; но Директоръ того же утра получилъ отъ Министра Полиціи повелѣніе, чтобъ онъ, поелику судъ надъ Маршаломъ Неемъ скоро начнется, имѣлъ за нимъ наистрожайшее смотрѣніе и принялъ бы всевозможную осторожность. Сіи оба повелѣнія показались ему весьма между собою несогласными. Разсмотрѣвъ потомъ внимательнѣе послѣднее приказаніе, замѣтилъ онъ, что подпись была подложная. Тогда попросилъ онъ пріѣхавшихъ къ нему обѣихъ особъ войти къ комнату и подождать его, пока онъ возьметъ ключи отъ Неевой тюрьмы; но какъ скоро они вошли, то онъ тотчасъ заперъ за ними дверь. Немедленно послѣ сего явился онъ къ Префекту Полиціи, а сей тотчасъ пошелъ къ Министру Полиціи, и такимъ образомъ обманъ открылся. Одинъ изъ нихъ былъ Полковникъ. Когда хотѣли наложить на него око-

вы, то онъ закололся и умеръ въ присутствіи Префекта. Но еще гораздо достопримѣчательнѣе то, что въ то самое время, какъ сіе происходило въ тюрьмѣ, въ находящейся надъ нею судебной залѣ два другіе человѣка старались сдѣлать проломъ и такимъ образомъ освободить Маршала. Они уже успѣли выломать рѣшетки въ двухъ окошкахъ; но примѣтя угрожавшую опасность, тотчасъ скрылись.

Въ бывшихъ 26 и 27 Ноября засѣданіяхъ Камеры Перовъ слушаны были показанія свидѣтелей по дѣлу Нея и обьясненія его на оныя. Въ числѣ свидѣтелей находился и Маршалъ Даву. По выслушаніи всѣхъ свидѣтельствъ, Королевскій Прокураторъ Бельяръ въ произнесенной имъ рѣчи поставилъ на видъ, что какія бы ни были постороннія обстоятельства, но явствуетъ изъ дѣла, что командующій арміею Французскій Маршалъ, осыпанный благодѣяніями Короля, побудилъ войска къ измѣнѣ, и предалъ оныя хищнику верховной власти, коего самъ обѣщалъ привезти въ желѣзной клѣткѣ. Онъ представляетъ, продолжалъ Г. Бельяръ, что онъ увлеченъ былъ какъ бы нѣкою силою.

Но если преданный ему Адъютантъ его Клуэ удалился тогда отъ арміи, дабы не поступить противъ присяги, то для чего же бы не могъ сдѣлать того же и Маршалъ Ней? Объ опасностяхъ, коимъ онъ могъ бы подвергнуться, стараясь побуждать армію къ сохраненію обязанностей своихъ, говорить ему не слѣдуетъ; сколь ни велика была бы опасность, она не можетъ служить извиненіемъ Французскому воину. Сію рѣчь заключилъ Г. Бельяръ увѣреніемъ, что въ оправданіе Нея не можетъ быть ничего сказано, и что онъ не можетъ себѣ представить, чѣмъ будетъ его защищать Адвокатъ его.

Наконецъ Декабря 6 дня Камера Перовъ приговорила къ смерти Маршала Нея, что и было исполнено 7 числа въ 9 часовъ утра. Съ трехъ часовъ утра осужденный находился уже подъ присмотромъ Парижскаго Коммендантa Графа Рошешуара, которому, въ слѣдствіе распоряженій Королевскихъ Коммиссаровъ, поручено было отъ начальствующаго первою военною дивизіею, Генералъ-Лейтенанта Депиноа, учредить все нужное для исполненія приговора Камеры, и ввѣрено притомъ охраненіе дворца

Люксембургскаго. По выходѣ изъ Камеры Перовъ Маршалъ Ней отобѣдалъ, какъ казалось, съ хорошимъ аппетитомъ. Будучи за столомъ, примѣтилъ онъ, что находившихся при немъ караульныхъ безпокоилъ небольшой ножикъ, которымъ разрѣзывалъ кушанье; посему онъ тотчасъ откинулъ его отъ себя. Послѣ обѣда курилъ онъ табакъ, и потомъ легъ и, какъ казалось, крѣпко заснулъ. Вскорѣ явился Г. Коши, Секретарь Камеры Перовъ, для прочтенія ему приговора. Предъ началомъ чтенія сталъ было онъ изъяснять Маршалу, сколь прискорбно для него таковое порученіе. „Государь мой!“ прервалъ рѣчь его Ней, „извольте исполнять вашу обязанность: каждому должно дѣлать свое; читайте.“ Когда дошло до статьи закона о преемничествѣ правъ на корону, Маршалъ вскричалъ: „Сей за„конъ не относится до меня; онъ „сдѣланъ былъ для Императорской „Фамиліи.“ По окончаніи чтенія Г. Коши предложилъ ему, что если онъ въ сіи послѣднія минуты желаетъ воспользоваться утѣшеніями, каковыя представляетъ Религія, то можетъ призвать Священника, который уже

самѣ на то и вызвался." — „Хорошо," отвѣчалѣ Маршалѣ, „я подумаю о томѣ." — „Или можетѣ быть угодно вамѣ имѣть другаго," продолжалѣ Г. Коши. — „Я уже сказалѣ вамѣ" говорилѣ Ней, „что ето слышалѣ; я умѣю умереть и безѣ Священника." — Потомѣ обѣявлено ему было, что онѣ можетѣ проститься сѣ своею женою и дѣтьми; и такѣ онѣ попросилѣ извѣстить ихѣ, чтобѣ они пришли кѣ нему часу вѣ седьмомѣ поутру, но требовалѣ, чтобы обѣ осужденіи его не увѣдомляли ихѣ: я самѣ скажу имѣ о томѣ. За симѣ Г. Коши вышелѣ, и Ней, во всемѣ платьѣ, кинулся на кровать, и вскорѣ заснулѣ. Вѣ четыре часа утра пробужденѣ онѣ былѣ прибытіемѣ супруги своей сѣ дѣтьми и ея сестрою Г-жею Гамонѣ. Г-жа Ней едва вступила вѣ комнату, какѣ вѣ тужѣ минуту упала безѣ чувствѣ на землю. Ней сѣ помощію караульныхѣ поднялѣ ее; она долго не могла придти вѣ себя, и потомѣ опомнясь, стала горько рыдать и заливаться слезами. Сестра ея, стоя на колѣняхѣ предѣ Маршаломѣ, была столь же неутѣшна. Дѣти вѣ глубокомѣ унынiи стояли какѣ убитыя, — старшему изѣ нихѣ отѣ

роду около 11 или 12 лѣтъ. Ней долго говорилъ съ ними въ полголоса; но потомъ вдругъ всталъ и приказалъ семейству своему выдти. Тутъ, оставшись одинъ съ караульными, прохаживался онъ по комнатѣ взадъ и впередъ. Въ сіе время одинъ изъ гренадеровъ сказалъ ему: „Маршалъ! въ теперешнемъ положеніи вашемъ не нужно ли вамъ подумать о Богѣ? Доброе дѣло было бы примириться съ Нимъ.“ Ней остановился, посмотрѣлъ на него и, помолчавъ немного, сказалъ: „Ты говоришь правду; такъ точно, надобно умереть честнымъ человѣкомъ и по Христіански. Пусть Священникъ придетъ.“ — Добрый гренадеръ въ тужъ минуту исполнилъ сіе желаніе, и Священникъ приведенъ былъ въ комнату, гдѣ и пробылъ у Нея около трехъ четвертей часа. При выходѣ Ней попросилъ его быть при немъ и въ послѣднія минуты его жизни; добродѣтельный сей духовникъ обѣщалъ ему то, и сдержалъ свое слово. Въ половинѣ девятаго часа пришелъ онъ опять и въ девять часовъ они поѣхали вмѣстѣ. Маршалъ, помогая ему войти въ карету, сказалъ: „Войдите вы напередъ, а я буду прежде васъ тамъ, — на верху.“ — Та-

кимъ образомъ онъ повезенъ былъ чрезъ Люксембургскій садъ къ тому мѣсту, гдѣ назначено было совершиться казни его, и гдѣ уже дожидался небольшой отрядъ жандармовъ и два взвода ветерановъ. Когда карета остановилась въ семъ мѣстѣ, то Ней изъявилъ нѣкоторое удивленіе о семъ, ожидая, какъ видно, что его везутъ на Гренельское поле. Онъ обнялъ своего духовника, далъ ему табакерку для врученія Г-жѣ Ней и нѣсколько денегъ для раздачи бѣднымъ. Потомъ сталъ онъ предъ ветеранами, которые назначены были по немъ стрѣлять, и закричалъ твердымъ голосомъ: »Солдаты! прямо въ сердце!« съ сими словами упалъ онъ, прострѣленный двѣнадцатью пулями. Сообразно Военному Уставу, тѣло его оставлено четверть часа на мѣстѣ казни. — Такъ кончилъ жизнь свою воинъ, знаменитый по своей храбрости, но посрамившій воинственную жизнь измѣною, неслыханною въ Исторіи, и принятымъ средствомъ къ защищенію оной, толико же постыднымъ.

Тѣло Маршала Нея положено было 7 числа въ свинцовой гробъ, который вставленъ въ другой дубовый, и

8 числа поутру предано землѣ; нѣсколько каретъ провожали его до кладбища. Супруга его, не зная, что приговоръ надъ нимъ уже исполненъ, явилась было въ слѣдующее утро въ Тюильери, съ намѣреніемъ просить Короля о помилованіи Маршала; но Дюкъ де Дюрасъ извѣстилъ ее, что супругъ ея въ живыхъ уже не находится.

Не лишнее будетъ извѣстить читателей нашихъ о смерти Принца Ангіенскаго, сына Бурбонскаго Герцога, злодѣйски умерщвленнаго по приказанію Бонапарте. Принцъ сей выѣхалъ изъ Парижа 16 Іюля 1789 года, служилъ потомъ съ великою честію въ Кондіевомъ корпусѣ, по разпущеніи котораго въ 1802 году поселился онъ въ Этенгеймѣ въ Баденскихъ владѣніяхъ. Здѣсь жилъ онъ какъ частный человѣкъ и занимался садоводствомъ и охотою. Между тѣмъ въ 1804 году произошла во Франціи извѣстная перемѣна въ ея правленіи. Около сего времени Бонапарте по доносу Керелля и предательству нѣкоего Филиппа, открывшаго переписку между Г-мъ Мишо, Членомъ Французской Академіи, Г-мъ Маргери и Принцами Бурбонскаго Дома, что

будто бы помянутые Принцы, жившіе тогда въ Англіи, стараются присвоить себѣ верховную власть во Франціи, коея жители уже давно желали ихъ возвращенія, что Пишегрю, Полиньяки и другія знатныя особы участвуютъ въ семъ покушеніи, и что Англія подкрѣпляетъ ихъ всѣми способами, счелъ необходимо нужнымъ захватить въ свои руки Герцога Ангіенскаго, предполагая, что сей непремѣнно долженъ имѣть обстоятельное и точное свѣдѣніе обо всемъ предначертаніи, и что конечно изъ бумагъ его можно будетъ узнать всю обширность онаго, всѣ средства и особъ, участвовавшихъ въ ономъ. Для сего отправленъ былъ Г. Коленкуръ, Пикардійскій дворянинъ, коего родственники находились въ службѣ Принца Конде, въ Нижне-Реинскій Департаментъ съ тайными письмами отъ Министровъ Полиціи и Иностранныхъ дѣлъ; но для сокрытія истинной цѣли сей поѣздки Военный Министръ далъ ему явный приказъ, чтобъ онъ какъ можно скорѣе поспѣшилъ приготовленіемъ кораблей въ Булони для высадки войскъ въ Англію. Съ Коленкуромъ былъ одинъ Оберъ-Офицеръ изъ Бонапар-

шевой гвардіи, именемъ Орденнеръ. Оба они пріѣхали въ Стразбургъ, откуда Коленкуръ производилъ въ дѣйство данное ему повелѣніе. Ему приданы были еще два помощника, нѣкто Розей и извѣстный Меге. Коленкуръ, отправясь въ Оффенбургъ, для взятія подъ стражу нѣкоторыхъ знатныхъ эмигрантовъ, далъ приказаніе Генералу Ф. . . и Полковнику Орденнеру ѣхать въ Эттенгеймъ, куда еще прежде того посланы были одинъ Офицеръ жандармовъ, именемъ Шарло, и одинъ изъ придворныхъ чиновниковъ Пферсдорфъ. Они, скрывъ настоящее свое званіе и переодѣвшись, старались узнать въ точности, гдѣ живетъ Принцъ, подлинно ли онъ находится въ семъ городѣ, много ли имѣетъ при себѣ Офицеровъ и служителей, не будетъ ли какой опасности или сопротивленія отъ жителей и проч.

Пріѣздъ двухъ неизвѣстныхъ чужестранцевъ произвелъ нѣкоторое подозрѣніе, и одному бывшему Офицеру Кондіева полка, именемъ Шмидту, поручено было свести знакомство съ Пферсдорфомъ, пріобрѣсть у него довѣренность и, буде можно, проникнуть его тайны. Порученіе сіе было

исполнено очень худо. Пферсдорфъ умѣлъ воспользоваться знакомствомъ Шмидта и обманулъ его. Сей послѣдній, провожавшій Пферсдорфа изъ города почти за двѣ мили, возвратился, бывъ весьма доволенъ самимъ собою и въ совершенномъ убѣжденіи, что онъ умѣлъ снискать его довѣренность къ себѣ, и что чужестранцевъ сихъ нѣтъ ни малѣйшей причины опасаться. Сему донесенію, къ крайнему нещастію, слишкомъ много повѣрили, и Принцъ рѣшился остаться на ночь въ Эттенгеймѣ, провести цѣлой день на охотѣ и выѣхать на слѣдующее утро. Сіе было 14 Марта; но въ ночи на 15е домъ Принца окруженъ былъ 300 или 400 человѣкъ, къ которымъ присоединилось еще множество жандармовъ. Сіи солдаты, кромѣ жандармовъ, совсѣмъ не знали, что ихъ ведутъ для взятья Принца Бурбонскаго Дома; и какъ скоро они свѣдали о семъ, то изъявили сильное негодованіе. Герцогъ лишь только легъ въ постелю, какъ вдругъ донесли ему, что около дома слышанъ какой-то необыкновенный шумъ. Онъ съ великою поспѣшностію и въ одной рубашкѣ всталъ съ постели и схватилъ ружье. Одинъ изъ слугъ его

также вооружился. Потомъ, отворивъ окно, Герцогъ спросилъ: Кто тутъ? На отвѣтъ К. . . хотѣли они стрѣлять; но Шмидтъ отвратилъ ружье Принца, увѣряя его, что всякое сопротивленіе будетъ безполезно. Послѣ сего Принцъ согласился съ Барономъ Грюнштейномъ, чтобъ сей послѣдній, какъ скоро будутъ спрашивать Герцога Ангіенскаго, назвался симъ именемъ, дабы чрезъ то дать ему способъ спастися бѣгствомъ. Герцогъ тотчасъ надѣлъ охотничье платье и не имѣлъ времени даже надѣть сапоговъ, какъ услышали стукъ на лѣстницѣ. К. . . Пферсдорфъ и нѣсколько жандармовъ вошли въ комнату, держа въ рукахъ пистолеты; они тотчасъ спросили: „Кто изъ васъ Герцогъ Ангіенскій?" Баронъ испугался и не отвѣчалъ ни слова. Повторили вопросъ, но опять всѣ молчали; послѣ сего отвѣчалъ самъ Принцъ: „Ежели вы хотите взять Герцога подъ стражу, то конечно у васъ есть описаніе его примѣтъ; ищите его." — Жандармы, сочтя Принца за одного изъ служителей его, отвѣчали: „Если бы мы его знали, то не стали бы у васъ спрашивать. Ежелижъ вы не хотите

объ немъ сказать, то мы возмемъ всѣхъ васъ.«

Шевалье Жакъ, Секретарь и другъ Принца, жившій недалеко отъ его дома, узнавъ о семъ происшествіи, немедленно и полуодѣтый пошелъ къ Принцу, приказавъ слугѣ своему бѣжать на колокольню и бить тревогу. Но колокольня была уже занята Бонапартіевыми солдатами; они прибили слугу и прогнали его назадъ. Злоумышленники, для вѣрнѣйшаго успѣха въ своемъ предпріятіи, взяли всѣ нужныя къ тому предосторожности. Шевалье Жакъ былъ болѣнъ и съ величайшимъ трудомъ могъ дойти до Принца. Сначала не хотѣли допустить его; но, когда онъ сильно настоялъ въ своемъ требованіи, то отворили ему двери, сказавъ притомъ: »По крайней мѣрѣ еще прибавился одинъ.« Господинъ Жакъ просидѣлъ потомъ около полугода въ тюрьмахъ Венсенской и Тампльской. Принцъ и всѣ бывшіе тогда при немъ Офицеры вывезены изъ Эшенгейма подъ прикрытіемъ многочисленнаго отряда жандармовъ. Имъ даже не дали времени одѣться; на самомъ Принцѣ было только то платье, въ которомъ онъ ѣздилъ на охоту.

Доѣхавъ до близь лежащей мѣльницы, жандармы остановились и позволили Принцу послать одного служителя въ городъ за бѣльемъ и деньгами. Эттенгеймскій Бургомистръ призванъ былъ на сію мѣльницу. Онъ долженъ былъ сказать жандармамъ, который изъ взятыхъ ими людей былъ Герцогъ; ибо до того времени они сего еще не знали. Для спасенія Принца отъ угрожавшаго ему бѣдствія употреблены были многія средства: всѣ выходы были тщательно осмотрѣны, назначены проселочныя дороги для побѣга, чрезъ нѣкоторые ручьи положены были доски. Уже все было готово къ побѣгу; но вдругъ увидѣли, что дверь, которую до того времени никогда не запирали, была приперта съ внѣшней стороны. Такимъ образомъ предпріятіе сіе осталось безуспѣшнымъ. Какъ скоро Принцу привезли бѣлье и платье, то немедленно продолжали путь въ Коппель, гдѣ переправились черезъ Рейнъ. Во время переправы чрезъ сію рѣку одинъ изъ Офицеровъ показывалъ довольно ясно желаніе свое спасти Принца, что было вскорѣ примѣчено какъ самимъ Принцемъ, такъ и его свитою. Офицеръ сей

сперва хотѣлъ помѣстить на одно судно тѣхъ жандармовъ, которые могли бы ему помѣшать, а на другое, назначенное для Принца, посадить солдатъ, на которыхъ онъ могъ положиться; но непредвидѣнныя обстоятельства воспрепятствовали исполниться и сему покушенію. Въ Рейгау, гдѣ они вышли на берегъ, не случилось ни одной кареты, и плѣнные должны были почти около часа идти пѣшкомъ; тогда попались имъ дурныя повозки, на которыхъ привезли ихъ въ Стразбургъ. Принцъ сидѣлъ на одной изъ сихъ повозокъ вмѣстѣ съ служителемъ своимъ Жозефомъ Канономъ. Жандармы не имѣли никакого точнаго повелѣнія, кому они должны были сдать плѣнныхъ. Принцъ, ѣхавшій далеко впереди другихъ, остановился въ домѣ Кар. . . Здѣсь Принцъ отвелъ сего Офицера въ сторону и обѣщалъ сдѣлать его щастливымъ, ежели онъ согласится способствовать его побѣгу. Офицеръ не принялъ сего предложенія. Плѣнные вскорѣ потомъ были отвезены въ цитадель. Коммендантъ оной поступалъ съ ними весьма сурово. Однакожъ, по приказанію Генерала Леваля, участь ихъ была нѣсколько об-

легчена. Въ цитадали Герцогъ раздалъ людямъ своимъ нѣсколько денегъ. Здѣсь разсматривали бумаги, которыя въ Этенгеймѣ были захвачены съ великою поспѣшностію. Между сими бумагами нашли завѣщаніе Принца, которое заставляли его скрѣпить по листамъ; онъ не согласился на сіе и обьявилъ, что не иначе подпишетъ протоколъ, какъ въ присутствіи Шевалье Жака. Должно было донести о семъ Префекту, которой изъявилъ на то свое согласіе. Между бумагами найдены два письма, въ которыхъ содержались нѣкоторыя шутки надъ Бонапарте. Принцъ хотѣлъ бросить ихъ въ огонь. Полицейскій Коммиссаръ Поппъ не препятствовалъ тому; но К. . . . вознегодовалъ на сего послѣдняго, сказавъ: „Такъ ли надлежитъ вамъ исполнять свою должность?" 18 Марта рано поутру вдругъ отворяются двери темницы, жандармы окружаютъ постель Принца и принуждаютъ его одѣваться какъ можно скорѣе. Люди его тотчасъ являются къ нему; онъ проситъ позволенія взять съ собою своего вѣрнаго Жозефа, но получаетъ въ отвѣтъ, что онъ не будетъ имѣть въ немъ никакой нужды. Принцъ спрашиваетъ,

сколько надобно было взять съ собою бѣлья; ему отвѣчаютъ, одну или двѣ рубашки. Тогда Принцъ потерялъ всю надежду; онъ уже ясно видѣлъ свой жребій, взялъ съ собою 200 червонныхъ и отдалъ 100 червонныхъ Шевалье Жаку для уплаты за издержки; потомъ обнялъ своихъ вѣрныхъ друзей и навсегда съ ними простился. 20 Марта, въ половинѣ 5 часа по полудни, находились они уже у воротъ Парижа. Здѣсь ожидалъ ихъ курьеръ съ повелѣніемъ, не въѣзжая въ городъ, отправиться прямо въ Венсеннъ. Принцъ введенъ былъ въ темницу въ 5 часовъ. Гарель, Коммендантъ Венсенскій, открываетъ о семъ за тайну своей женѣ. „Я не знаю" сказалъ онъ ей между прочимъ, „кто сей плѣнный; „но онъ долженъ быть знатная особа, „ибо его охраняетъ довольное число „людей." Жена Гареля узнаетъ въ немъ Герцога Ангіенскаго, и тронутая нещастіемъ его, восклицаетъ: „Боже мой! это воспитанникъ моей матери!" (Мать жены Г-на Гареля была кормилицею Принца.) Утомленный и обезсиленный Герцогъ садится съ поспѣшностію за умѣренный обѣдъ, во время коего просилъ онъ, чтобы на слѣдующее утро позволили ему вымыть

ноги. Потомъ ложится на худую кровать въ маленькой комнатѣ на антресоляхъ подлѣ окошка, въ коемъ нѣсколько стеколъ было выбито. Вскорѣ потомъ онъ заснулъ крѣпко. Въ 11 часовъ его разбудили, ввели въ залу, къ которой собралось восемь военныхъ Чиновниковъ, а именно: Генералъ Гюллень, Начальникъ гвардейскихъ гренадеровъ; Гюйтонъ, Полковникъ перваго кирасирскаго полку; Базанкуръ, командиръ 4 строеваго пѣхотнаго полку; Гавье, Полковникъ 18 строеваго полку; Барроа, Полковникъ 96 строеваго пѣхотнаго полку; Раббъ, Полковникъ 2 полку муниципальной Парижской гвардіи; Станкуръ, Капитанъ конницы велитовъ, въ званіи докладчика; Моленъ, Капитанъ 18 строеваго пѣхотнаго полку, въ званіи писаря; всѣ они были избраны Генераломъ Мюратомъ, бывшимъ Губернаторомъ Парижскимъ. Немедленно начался уголовной судъ. Въ 4мъ часу утра произнесенъ приговоръ, а въ половинѣ 5 часа Принцъ былъ разстрѣлянъ. Во время сужденія Принцъ говорилъ съ важностію, приличною его сану и свойству. На вопросъ: для чего онъ поднималъ

оружіе противъ своего отечества, отвѣчалъ: „Я сражался вмѣстѣ съ моею фамиліею за наслѣдіе моихъ предковъ; но по заключеніи мира я положилъ оружіе: ибо увидѣлъ, что въ Европѣ нѣтъ болѣе Королей." — Судьи, пораженные толикою неустрашимостію и невинностію, были нѣсколько времени въ нерѣшимости. Они писали къ Бонапарте, прося его обьявить послѣднее рѣшеніе. Онъ отослалъ письмо назадъ съ сею надписью: *Осудить на смерть.* Въ тайномъ Совѣтѣ, бывшемъ въ Тюльльери по дѣлу сего нещастнаго Принца, Камбасересъ говорилъ въ его пользу, желая спасти жизнь его; но Бонапарте сказалъ на сіе съ гнѣвомъ: „Давно ли вы стали такъ скупы на кровь Бурбоновъ?" — Офицеръ, начальствовавшій жандармами, ведшими Принца на мѣсто казни, былъ воспитанъ въ домѣ Принца Конде. Герцогъ узнаетъ его; Офицеръ преклоняетъ свою голову и плачетъ. По узской, темной, круглой лѣстницѣ сходятъ въ ровъ. Принцъ спрашиваетъ Офицера: „Не хотятъ ли меня живаго спустить въ подземелье?" — „Нѣтъ" отвѣчалъ Офицеръ, „будь-

те спокойны: мы приближаемся къ мѣсту казни.« — »Слава Богу!« восклицаетъ Принцъ, »я умру какъ воинъ! . . .« Предъ казнію просилъ Принцъ привести къ нему Священника; безбожные тираны отвѣчали съ ядовитою улыбкою: »Видно, тебѣ хочется умереть Капуциномъ? Ты требуешь Священника; но теперь они всѣ спятъ.« Принцъ, не сказалъ ни слова, сталъ на колѣна и препоручилъ душу свою Богу; потомъ черезъ нѣсколько минутъ всталъ и сказалъ: »Теперь дѣлайте со мною, что хотите!« — Мюратъ и Бонапартевъ Адъютантъ Савари находились при сей казни. Въ послѣднюю минуту своей жизни Принцъ обратился къ жандармамъ и съ неустрашимостію сказалъ имъ: »Теперь я готовъ, друзья мои!« — »Здѣсь нѣтъ у тебя друзей« вскричалъ нѣкій дикій и кровожаждущій голосъ, — это былъ голосъ Мюрата. — Къ груди Принца привязали фонарь, чтобъ пули не пролетѣли мимо, ибо разстрѣляли его ночью. Какъ скоро онъ палъ, то тѣло его во всемъ платьѣ бросили въ яму, которая была вырыта на канунѣ дня его казни и въ то самое время, какъ онъ ужиналъ.

Такова была кончина неустрашимаго и великую надежду подававшаго Принца, которой умеръ во цвѣтѣ лѣтъ своихъ. Изъ всѣхъ преступленій Бонапарте умерщвленіе невиннаго Герцога Ангіенскаго было величайшее. Кровь его требовала отмщенія, и всемогущій, праведный Судія наказалъ преступника.

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

ОСТРОВЪ СВ. ЕЛЕНЫ.

Островъ Св. Елены, длиною около 35, а шириною отъ 10 до 15 верстъ, есть вершина высокой горы, со дна морскаго на неизмѣримой глубинѣ поднимающейся. Приближаясь къ нему, будешь пораженъ, увидя сію ужасную громаду земли, досязающую до облаковъ; по мѣрѣ приближенія къ утесистымъ берегамъ зрѣлище становится еще ужаснѣе и мрачнѣе. Видъ корабельной пристани, обнаженныхъ и безплодныхъ горъ, почти перпендикулярныхъ, окружающихъ Жамесъ-Тоунъ, которыя по причинѣ каменистаго грунта остаются необработанными, приводятъ на мысль тѣ горы, къ коимъ боги приковали гигантовъ, дерзнувшихъ стараться о завоеваніи неба. Смотря на верхи оныхъ, воображеніе столь сильно дѣйствуетъ, что, воспоминая имя плѣнника, бывшаго здѣсь въ заточеніи, зрѣніе невольно ищетъ исполина, прикованнаго къ скалѣ, имъ самимъ сгромож-

денной. Островъ видѣнъ за 70 верстъ; обгорѣлые камни и лава, изъ коихъ онъ отчасти состоитъ, неоспоримо свидѣтельствуютъ, что онъ есть произведенiе сильныхъ землетрясенiй, и что земли, окружавшiя его, низвергнуты. Доселѣ сей лоскутъ земли былъ извѣстенъ по уединенному своему положенiю. Находясь одинъ посреди обширнаго Океана, въ разстоянiи отъ Африканскаго берега въ двухъ и отъ Американскаго въ трехъ тысячахъ верстахъ, онъ служилъ мѣстомъ роздыха для утомленныхъ мореходцевъ; во время же пребыванiя Бонапарте обращенъ въ тюрьму для нарушителя всемiрнаго спокойствiя. Островъ сей почти весь покрытъ горами, кромѣ одной долины, находящейся отъ города и пристани въ десяти верстахъ и называемой Англичанами Лонгвудъ; на ней построенъ домъ Бонапарте. Прочiе же разлоги между горами, хотя жители и называютъ долинами, но ихъ приличнѣе именовать ущелiями.

Госпожа Бертранъ, при первомъ воззрѣнiи на сей островъ, была поражена ужасомъ, и страхъ, которой она почувствовала при семъ, вынудилъ ее произнести восклицанiе, хотя не

слишкомъ приличное, но довольно ясно изображающее наружный видъ сего острова: „Что за чудо!“ вскричала она: „этотъ островъ на воздухѣ.“

Выходя на берегъ въ Жамесъ-Тоунѣ, зрѣлище становится нѣсколько пріятнѣе: взору представляется небольшой городокъ, искусно расположенный и хорошо выстроенный. Городъ Св. Іакова, которой одинъ только и есть на всемъ островѣ, стоитъ на сѣверо-западной сторонѣ онаго, на берегу моря, въ такъ называемой Церковной долинѣ, которая находится между двумя высокими горами, возвышающимися почти перпендикулярно; разстояніе между горами не болѣе полуверсты. Равнина, гдѣ стоитъ городъ, отъ моря внутрь острова возвышается постепенно на большое разстояніе; потомъ вдругъ начинаются крутыя горы, по которымъ нѣтъ другаго способа ѣздить, какъ верхомъ, и то по тропинкамъ, съ великимъ трудомъ проложеннымъ: другаго экипажа здѣшніе жители не видали; даже дамы на балъ ѣздятъ верхомъ. Съ горъ не рѣдко скатываются камни и причиняютъ вредъ жителямъ.

Домы, которыхъ здѣсь немного (ибо весь городъ состоитъ изъ одной

улицы), всѣ каменные и построены по обыкновенному Англійскому образцу, только окна гораздо болѣе, нежели какія дѣлаются въ Англіи. Сія разность, и то, что всѣ домы выкрашены желтою краскою, придаютъ городу пріятность и красоту. Отличныхъ зданій здѣсь нѣтъ; одна церковь во всемъ городѣ самой простой работы. Губернаторскій домъ, который называютъ замкомъ, есть не иное что какъ обыкновенный большой домъ.

Приближаясь къ полю, или по морскому берегу, или со стороны Эмельскаго холма, путешественникъ будетъ восхищенъ, увидя возвышающуюся на нѣсколько сотъ саженъ надъ моремъ плодоносную равнину. На двѣ мили пространствомъ зрѣнію представляются долины, покрытыя зеленью, хорошо обработанныя поля, въ недальнемъ другъ отъ друга разстояніи; дорога, ведущая къ *Плантатсіонъ-Гоузъ* и въ *Санди-Бей*, есть одно изъ лучшихъ и пріятнѣйшихъ мѣстъ, которыя когда-либо можно видѣть. Излучистая тропинка, ведущая путешественника къ пристани де Казонъ, усѣяна всюду сросшимся боярышникомъ и кустами дикой шелковицы. Поле, видъ холма, гдѣ находится

домъ Г. Довешонъ въ Санди-Бей, есть подлинно превосходное зрѣлище для глазъ, даже до горы *Рокъ - Розъ*, гдѣ выстроенъ прелестный домикъ, принадлежащій одному старому Капитану Г. Карне и предлагающій утомившемуся путешественнику гостепріимное отдохновеніе. Видъ, которой представляется отъ залива *Проспернскаго*, представляетъ величайшую противуположность: съ одной стороны зеленѣющія долины Арно, а съ другой лѣсъ, увѣнчавающій гордое чело горы Діаниной и покрытый безпрестаннымъ туманомъ; идучи по пути, ведущему къ магазину Гутсгатъ (*) и проходя полемъ по дорогѣ, сдѣланной нарочно для Бонапарте, взоръ обворажается совершенно новою и прелестною картиною: домъ и луга

(*) Этотъ магазинъ приноситъ величайшее удовольствіе мореходцу, лишенному долгое время произведеній Европейскихъ; въ семъ магазинѣ хранились запасы всякаго рода, нужные для стола Бонапарте. Изобиліе и хорошій порядокъ здѣсь въ равной степени; взоръ съ удовольствіемъ пробѣгаетъ надписи, приклеенныя къ бочкамъ и тюкамъ товаровъ, и каждое названіе возбуждаетъ пріятное воспоминаніе. Очень, очень пріятно среди Южнаго моря, на стремнинахъ неприступнаго острова найти магазинъ богатаго Англійскаго купца.

Г-жи Масонъ, домикъ Россовъ съ прудами, окруженными ивами, сельская хижина, называемая *Проспектъ Галль*, на верху террасы цвѣтущія долины, которыя окружаютъ дорогу.

Если будешь смотрѣть къ городу, то представится взору увеселительный домъ Г. Томаса Реада, далѣе домъ для гарнизона. Это мѣсто служило границею для верховой ѣзды Бонапарте. Земля на островѣ плодородна: здѣсь родится почти всякая огородная зелень. Компанія вздумала разводить на горахъ строевой лѣсъ, а особливо сосну и ель, и предпріятіе сіе обѣщаетъ полный успѣхъ. Хлѣба жители вовсе не сѣютъ за неимѣніемъ обширныхъ полей, и почитаютъ выгоднымъ получать муку изъ Англіи. У нихъ есть скотоводство, но онаго недостаточно для приходящихъ къ острову кораблей, и потому всякую живность привозятъ съ мыса *Доброй Надежды*. Съѣстные припасы продаются чрезвычайно дорого; на примѣръ: утка на наши деньги стоитъ 8 руб., курица 6, индѣйка 20 и 25, фунтъ говядины 1 р. 50 к., мѣшокъ картофелю въ 2½ четверика 6 руб., баранъ весьма худой 30 руб., яицъ дюжина 6 р., пшеничной хлѣбъ фунта

вѣ $1\frac{1}{2}$ 90 к. ; по сему можно судить и о другихѣ вещахѣ.

Берега острова Св. Елены состоятѣ изѣ высочайшихѣ каменныхѣ утесовѣ и для кораблей неприступны, кромѣ одной сѣверозападной стороны, гдѣ версты на двѣ отѣ города есть хорошая глубина и дно для якорнаго стоянія. Мѣсто сіе называется *Рейдомѣ Св. Елены*. Хотя оно совсѣмѣ открыто сѣ Океана, но какѣ здѣсь вѣчно дуетѣ одинѣ посадный юговосточный вѣтрѣ, то есть прямо сѣ берега, то для стоянія совершенно безопасно. Сія сторона острова хорошо укрѣплена. Поперегѣ долины противѣ города на морскомѣ берегу отѣ одной горы до другой поставленѣ сплошной рядѣ укрѣпленій, передѣ которыми вырытѣ глубокій ровѣ и на отлогостяхѣ подлѣ моря вездѣ подѣланы батареи; равнымѣ образомѣ и на вершинахѣ горѣ есть укрѣпленія, которыя прикрываютѣ берегѣ и городѣ. Входѣ вѣ городѣ сѣ берега чрезѣ одни ворота и подъемной мостѣ чрезѣ ровѣ. Всѣ сіи укрѣпленія снабжены орудіями самаго большаго колибра. Чтобы овладѣть симѣ мѣстомѣ, нужны не малозначущія силы.

Число жителей на островѣ простирается до трехъ тысячь человѣкъ. Они состоятъ изъ чиновниковъ и разныхъ лицъ, служащихъ въ Остъ-Индской компаніи, владѣтелей домовъ и поселянъ; впрочемъ мастеровыхъ и ремесленниковъ здѣсь вовсе нѣтъ. Работы для нагруженія и выгрузки судовъ исправляютъ солдаты, получая за то условленную плату. Человѣкъ, который не можетъ выписывать платья и обуви изъ Англіи и носить всегда новаго, долженъ посылать кафтанъ или сапоги для починки въ казарму къ солдату, или на корабль къ матросу.

На островѣ Св. Елены находится многочисленный гарнизонъ изъ Королевскихъ и компанейскихъ войскъ. Всѣ они состоятъ на содержаніи компаніи, потому что они сберегаютъ ея крѣпости. Она даетъ Офицерамъ двойное жалованье противъ того, которое они получаютъ въ Англіи; но какъ морскія силы компанія считаетъ для охраненія острова ненужными, то и не принимала ихъ на свой счетъ, потому что оныя находились для караула Бонапарте, до котораго ей не было никакого дѣла.

Мореходецъ, подъѣзжая къ какому-либо острову, не находилъ столь великой разнообразности, какую представляетъ островъ Св. Елены. Видъ высочайшей горы Кигъ-Колъ, которая возвышаетъ гордое чело свое среди пріятной долины; съ одной стороны зеленѣющіе луга, а съ другой мрачныя стремнины около морскихъ береговъ; аренды, хорошо устроенныя; величественное зрѣлище горизонта, котораго никакой взоръ не можетъ обънять; — дѣлаютъ островъ Св. Елены пріятнымъ и восхитительнымъ жилищемъ для человѣка совершенно свободнаго и ни чѣмъ незанятаго, ибо духъ его не возмущается никакими посторонними предметами. Но, ахъ! прелестныя сіи мѣста не имѣютъ никакой пріятности для изгнанника, который лишенъ всякой надежды возвратиться въ свое отечество. Сіе прекрасное жилище ничто иное какъ темница для обезоруженнаго и лишеннаго короны побѣдителя.

Въ городѣ построены вновь судебныя мѣста, тюрьма, гоубтвахта, что все служитъ для безопасности сего маленькаго городка. Съ того времени, какъ привезли на островъ Бонапарте, Индѣйская компанія переведе-

на въ Жамесъ - Тоунъ; военные люди и населяющіе островъ могутъ тамъ за самую сходную цѣну имѣть все для себя нужное, привозимое изъ всѣхъ частей Европы и Индіи. Запрещеніе откуповъ, коими занимались купцы сего города, уменьшило ихъ доходы, и разрывъ Американской коммерціи съ симъ островомъ, по прибытіи Бонапарте на оной, причинилъ имъ большой вредъ; но вообще жители сего острова, откупщики и содержатели плантацій, получаютъ большую пользу по причинѣ войскъ, тамъ находящихся.

Прохладное дыханіе юго - восточнаго вѣтра, посѣщающаго сіе малое пространство земли, оживляетъ оную при безпрестанной ясности и чистотѣ неба. Сей вѣтръ умѣряетъ совершенно жаръ климата, находящагося между 60мъ и 75мъ градусомъ теплоты, такъ, что жаръ на островѣ Св. Елены равенъ Парижскому и Лондонскому; но вскорѣ по захожденіи солнца на немъ не льзя прогуливаться, потому что мракъ по прошествіи дня на малое время распространяется по сему острову. Поутру солнце является во всемъ своемъ блескѣ и сіяніи; такимъ обра-

зомъ сіяніе лучей солнечныхъ, умѣренный жаръ во время вечера дѣлаютъ прогулки наипріятнѣйшими.

Пребываніе Бонапарте на островѣ Св. Елены большей части жителей весьма не нравилось, а особливо Офицерамъ гарнизона и эскадры, которые должны были издерживать много денегъ и безъ всякаго удовольствія; сверхъ того караулы и прочее, во время которыхъ малѣйшая ошибка могла имѣть весьма непріятныя для нихъ послѣдствія, крайне имъ наскучили. Хозяева домовъ прежде получали много доходу, отдавая домы свои въ наемъ Капитанамъ и пассажирамъ съ приходившихъ кораблей; но со времени прибытія на островъ Бонапарте, когда никакому кораблю не позволено приставать къ берегу, одни только владѣтели огородовъ получали много; ибо для Бонапартева стола покупали припасовъ большое количество и не жалѣли платить денегъ, только бы все было самое лучшее.

Во время путешествія своего къ острову Бонапарте былъ очень покоенъ, даже иногда и веселъ. Съ Адмираломъ Сиромъ Кокбурномъ онъ жилъ весьма дружно и часто игралъ

съ нимъ въ карты, а съ Генераломъ Монтолономъ въ шахматы, въ шашки и въ игру называемую *vingt un*. Нѣкогда, разговаривая о Веллингтонѣ, Бонапарте сказалъ: „Я не ожидалъ, „чтобъ Веллингтонъ далъ мнѣ сраже-„ніе; напротивъ того полагалъ, что „онъ непремѣнно отступитъ и ста-„нетъ ожидать Рускихъ. Впрочемъ, „я очень радовался, видя, что онъ не „уклоняется отъ сраженія; я былъ „совершенно увѣренъ въ побѣдѣ. При-„мѣтя приближеніе Прусаковъ, я ни „мало ихъ не опасался. Нѣкоторые „изъ моихъ Генераловъ мнѣ измѣни-„ли. Всеобщій страхъ, вдругъ рас-„пространившійся между моими вой-„сками, лишилъ меня всякой возмож-„ности снова собрать ихъ и принять „надъ ними команду; наступившая „темнота ночи и замѣшательство „войскъ были причиною, что я и самъ „принужденъ былъ спасаться бѣг-„ствомъ.“ — Въ другой разъ сказалъ онъ, что „ему надлежало бы умереть „въ тотъ день, въ которой вступилъ „онъ въ Москву; ибо съ сей самой мину-„ты начались его нещастія.“ Къ сему присовокупилъ Бонапарте, что „онъ „еще въ Дрезденѣ заключилъ бы миръ „съ Союзниками, еслибъ не отсовѣ-

„товалъ ему Дюкъ де Бассано (Ма„ретъ). Я рѣшился напасть на Россію „по настоятельному требованію Та„лейрана, который поджигалъ меня „къ тому безпрестанно.“ Удивительно то, что какъ самъ Бонапарте, такъ и спутники его съ величайшимъ отвращеніемъ отзывались о бывшемъ Министрѣ Полиціи Фуше. „Не по че„му иному, какъ только по его на„стоянію“ сказалъ Бонапарте „отка„зался я отъ короны въ пользу моего „сына. Онъ безпрестанно имѣлъ тай„ную переписку съ Союзниками.“

Корабль Нортумберландъ, находящійся подъ начальствомъ Адмирала Кокбурна, со всѣми принадлежащими къ нему судами прибылъ 16 Октября нов. ст. благополучно къ острову Св. Елены. 18 Числа Адмиралъ высадилъ плѣнника своего Генерала Бонапарте на сей островъ. Первое извѣстіе о вторичномъ покушеніи Бонапарте овладѣть престоломъ, о низложеніи его, взятіи въ плѣнъ и предположенномъ заточеніи на всю жизнь на островѣ Св. Елены получено было на ономъ 15 Октября. При томъ увѣдомились еще, что число жителей чрезвычайно умножится свитою, находившеюся при Бонапарте, Ком-

миссарами союзныхъ Державъ съ имѣющими быть при нихъ людьми и 900 человѣкъ гарнизона, назначеннаго для караула. Извѣстія сіи привели въ смятеніе весь островъ. Можно было предвидѣть, что отъ того возвысятся цѣны на всѣ вещи до чрезвычайности; и дѣйствительно дороговизна сдѣлалась тогда же ужасная, какая только можетъ быть въ осажденной крѣпости. Самые домы, сады, земли, все вздорожало вдвое, втрое и болѣе. Губернаторъ далъ тотчасъ приказаніе, чтобъ ни одна рыбачья лодка не оставалась въ морѣ далѣе 4 часовъ по полудни; караулъ у воротъ городскихъ умножили до 60 человѣкъ. Небольшой флотъ вступилъ въ гавань 16 числа. Многіе изъ почетнѣйшихъ жителей города получили позволеніе съѣздить на прибывшіе корабли. Черезъ два дни по прибытіи къ острову, Бонапарте сведенъ былъ на берегъ. На немъ былъ зеленой мундиръ, обложенный золотымъ галуномъ съ двумя эполетами, бѣлый жилетъ и бѣлые чулки. Посматривая безпрестанно и съ великимъ любопытствомъ во всѣ стороны въ небольшую зрительную трубку, казалось, онъ какъ бы спѣ-

шилЪ обозрѣть, откуда и куда ему удобнѣе уйти. — Столъ Бонапарте по пріѣздѣ на островъ продолжался не болѣе получаса; онъ говорилъ очень мало, да и то по большой части съ Адмираломъ Кокбурномъ, а иногда съ Генераломъ Бертраномъ. Передъ обѣдомъ онъ игралъ въ шахматы, послѣ обѣда прохаживался часа два, а ввечеру игралъ въ карты; спать ложился рано и вставалъ поздно. Сначала Бонапарте былъ очень невеселъ и сопутники его также. Они по видимому сожалѣли, что поѣхали съ нимъ, а Г-жа Бертранъ того и не скрывала. Она говорила, что скука царствуетъ на островѣ, и что скоро уѣдетъ въ Европу, потому что здѣсь и дѣтей не льзя воспитать. — Строгость на островѣ заведена въ полной мѣрѣ. Никто изъ Офицеровъ, матросовъ и солдатъ не смѣлъ оставаться ни на одну ночь на берегу, но прежде захожденія солнечнаго долженъ возвращаться на корабль, пока не приготовятъ имъ жилищъ на сухомъ пути. Вездѣ разъѣзжать начали караульные боты день и ночь. Усмотря таковыя предосторожности, Генералъ Бертранъ сказалъ однажды Адмиралу: „Благосклонное обра-

щеніе ваше съ Императоромъ признается имъ во всей цѣнѣ. Онъ мнѣ сказывалъ, что еслибъ ему и было возможно уйти, то онъ не рѣшился бы на то, чтобы не ввести въ хлопоты и въ отвѣтственность человѣка, которой оказываетъ ему дружелюбіе.« Адмиралъ сказалъ ему на это: *Еслибъ онъ мнѣ такъ сказалъ, знаете ли, что бы я сдѣлалъ? Вмѣсто одного часоваго приставилъ бы къ нему двухъ.*

Бонапарте, вознесшись на верхъ славы, познакомилъ съ собою Европу такъ, что, и утративъ свое величіе, оставилъ пріятнымъ для каждаго извѣстіе о его заключеніи. Осторожность и строгость, съ каковыми Англичане караулили его, ясно показываютъ, что онъ, бывши въ заключеніи, имѣлъ еще сильную партію, старающуюся о его освобожденіи; ибо ему самому, при самой обыкновенной стражѣ, уйти не было возможности. На рейдѣ всегда находилось нѣсколько военныхъ судовъ и по обѣ стороны острова безпрестанно крейсировали корветты, и опрашивали каждое судно, идущее на рейдъ. Англійскіе корабли и принадлежащіе Остъ-Индской компаніи прямо шли на показанное мѣ-

сто (*); всѣ же прочія суда должны обьявить дозорному судну причину своего прибытія и дожидаться позволенія Губернатора, что дѣлалось посредствомъ многихъ сигнальныхъ постовъ, по всему берегу поставленныхъ. Иностранные же корабли и Англійскія торговыя суда могли только приставать на островѣ въ случаѣ важныхъ поврежденій; имъ отводилось на рейдѣ мѣсто, отдаленное отъ Англійскихъ и Остъ-Индскихъ кораблей и не позволялось никому съѣзжать на берегъ; по исправленіи же они тотчасъ отправлялись въ море. Дозорными судами командовали Лейтенанты; они во всю ночь разъѣзжали по рейду, опрашивая каждое судно, нѣтъ ли съ него на берегу шлюпокъ, и наблюдали, чтобъ на всѣхъ корабляхъ шлюпки были подняты, и чтобъ съ берега никто не ѣздилъ на суда. Для опоздающихъ давался пароль, которой они обьявляли военнымъ судамъ; и если шлюпка, не знала пароля, тотчасъ бралась

(*) Экипажъ Остъ-Индскихъ кораблей обязанъ былъ присягою не только не способствовать побѣгу Бонапарте, но даже и писемъ ни къ нему не доставлять, ни отъ него не брать.

подъ караулъ. Паролей каждой вечеръ отдавалось три: сухопутный военный, морской военный и гражданской. Съ первымъ можно было ходить на береговые посты и батареи, со вторымъ ѣхать на рейдъ въ крѣпость, а съ третьимъ безпрепятственно ходить мимо карауловъ. Такая осторожность поставляла великую преграду для Бонапарте освободиться даже и съ помощію измѣны. Сверхъ сего Англичане содержали на островѣ Вознесенія гарнизонъ и одно военное судно, и посылали отыскивать нѣкоторые острова, означенные на старинныхъ картахъ, хотя существованіе ихъ крайне сомнительно. Они это дѣлали изъ опасенія, чтобъ предпріимчивость Бонапарте и его приверженцевъ не нашла средствъ помощію оныхъ освободить его изъ заключенія.

Теперь скажемъ о попеченіяхъ, прилагаемыхъ на сухомъ пути относительно Бонапарте. Отъ города до дому Бонапарте находилась одна дорога или тропинка простирающаяся на 10 верстъ. На семъ пространствѣ каждую ночь ставились 3 поста Офицерскихъ, 3 поста унтеръ-офицерскихъ и 15 часовыхъ, кромѣ драгунскихъ патрулей. На возвышенностяхъ, окру-

жающихъ долину Лонгвудъ, всегда находилось нѣсколько постовъ и 30 часовыхъ. Караульные Офицеры посредствомъ зрительныхъ трубокъ видѣли въ лице каждаго, кто входилъ и выходилъ изъ дома Бонапарте. Въ сумерки часовые начинали по немногу приближаться къ дому, какъ къ центру круга съ обвода его; каждый изъ нихъ долженъ былъ видѣть ближнихъ къ нему двоихъ по обѣимъ сторонамъ. Маневры сіи такъ производились, что при наступленіи темноты всѣ тридцать человѣкъ окружали домъ, будучи въ пяти шагахъ отъ оконъ; при разсвѣтѣ они начинали отступать и съ дневнымъ свѣтомъ находились опять на возвышенностяхъ. Безъ позволенія Губернатора никто не имѣлъ права не только видѣть Бонапарте, но даже и ѣхать въ долину Лонгвудъ; не позволялось даже съ перваго на горѣ поста взглянуть на столь примѣчательное мѣсто въ зрительную трубу.

Плаваніе корабля Нортумберланда къ острову Св. Елены продолжалось 74 дня. Бонапарте весьма боялся тропическаго климата, въ которомъ пришлось ему жить, и ежедневно освѣдомлялся съ большою заботливостію,

сколько больныхъ на кораблѣ и какою болѣзнію. По вступленіи корабля между поворотныхъ круговъ появились по обыкновенію между экипажемъ гнилыя горячки и воспаленіе въ легкомъ; но сіи болѣзни скоро были прерываемы частымъ кровопусканіемъ и очистительными средствами, коихъ полезное дѣйствіе въ такихъ случаяхъ извѣстно уже Англійскимъ корабельнымъ врачамъ по многократнымъ опытамъ. Хотя Бонапарте и спорилъ съ ними, что такія болѣзни не кровопусканіемъ лѣчить должно; но по Броуновой системѣ однако удачное всегда лѣченіе Докторовъ убѣдило его наконецъ въ противномъ. Къ особенному удовольствію врачей, корабль Нортумберландъ изъ 850 человѣкъ своего экипажа не лишился ни одного. Бонапарте, забывъ напослѣдокъ несбывшіяся мечты свои о свободномъ пребываніи въ Англіи, былъ въ продолженіе пути довольно веселъ и скучалъ только медленностію онаго. Въ продолженіе пути онъ не одинъ разъ говорилъ, что гораздо охотнѣе жилъ бы подъ законами Англійскими, нежели подъ законами острова, гдѣ отъ воли единаго все зависитъ. Аппетитъ имѣлъ онъ на морѣ чрезвычайный до

шого, что иногда завтракалъ, не выходя изъ постели; въ полдень опять пилъ кофе, шеколадъ или нѣсколько рюмокъ вина; между тѣмъ писалъ по нѣскольку часовъ каждый день. Въ первые дни путешествія онъ былъ чрезвычайно мраченъ; во время переѣзда корабля черезъ каналъ Ламаншскій, Бонапарте со всею своею свитою находился на палубѣ. Увидя мысъ ла-Гогскій снялъ онъ съ себя шляпу, простеръ руки къ берегамъ Франціи и сказалъ съ великимъ умиленіемъ: „*Прощай, земля храбрыхъ! Еслибъ не измѣнники; великая нація была бы еще владычицею свѣта.* . . . При сихъ словахъ Адъютанты его и жены ихъ залились слезами; самъ Бонапарте, закрывъ рукою лице свое, удалился въ каюту, и только тогда вышелъ изъ оной, когда корабль находился уже на открытомъ морѣ.

Въ числѣ чрезвычайныхъ людей, коихъ природа производила, Наполеонъ Бонапарте занимаетъ отличное мѣсто. Едва онъ вступилъ на сцену міра сего, уже устремилъ взоры свои на то мѣсто, на коемъ судьба предназначила ему быть; онъ основалъ планъ жизни своей на той чрезмѣрной кичливости, которая не видитъ ни

справедливаго, ни несправедливаго, ни добродѣтей, ни пороковъ. Разсмотрѣвъ Государства Европейскія, сравнивъ ихъ связи въ разсужденіи взаимныхъ выгодъ, сходства нравовъ, безсиліе одного противъ другаго, узнавши совершенно причины раздоровъ и кровопролитій, возмнилъ, что пришло то время, въ которое сіи различныя общества надлежитъ соединить между собою такъ, чтобы они составляли одно нераздѣлимое единодержавіе; и полагалъ, что совершеніе сего плана ему предоставлено. Находясь въ безпрестанной дѣятельности и достигнувъ ея предѣловъ, онъ рѣшился преступить оные, чтобы приближиться къ своей цѣли, которую онъ уже предвидѣлъ. Превзошедши самаго себя въ разсужденіи безчисленныхъ предпріятій, будучи искусенъ въ дѣлахъ своихъ, таинственъ въ словахъ, непостижимъ въ намѣреніяхъ, преодолѣвая всѣ препятствія, пренебрегая права природы, будучи пылокъ, стремителенъ, жестокъ, онъ казался великимъ предъ глазами смертныхъ по силѣ и могуществу щастія, и столь ослѣпилъ оныхъ, что самыя его злодѣянія не могли разсѣять сего мрака ослѣпленія. Взоръ его,

устремленный къ предвидѣнной имъ цѣли, поглощалъ всѣ другія его желанія, и обратясь къ оной, употреблялъ онъ для достиженія сего всевозможныя средства. Дарованія, злодѣянія, золото, люди, цѣлыя области, въ рукахъ его были такими орудіями, которыя онъ употреблялъ вмѣсто перуна, придавая имъ силу и стремительность своего генія. Будучи рѣшителенъ въ дѣлахъ своихъ, ни мало не разсуждая, что вздумалъ, производилъ въ дѣйство, рѣшалъ участь смертныхъ съ слѣпою увѣренностію въ своемъ предназначеніи. Поставивъ себя выше природы, онъ презрѣлъ ея законы, привлекъ за собою Полдень въ нѣдро Сѣвера; осажденный Сѣверъ, одѣвшись въ хлады и стужи, низвергнулъ съ себя иго сего тирана. Съ сего времени, въ виду народовъ, началъ спадать вѣнецъ, украшавшій главу Бонапарте; будучи лишенъ средствъ къ исполненію пустыхъ своихъ предпріятій, онъ казался низпадающимъ въ нѣдра природы человѣческой. Его злодѣянія, не достигнувшія своей цѣли, лишенныя удачныхъ предпріятій, раздражили людей, когда его побѣды кончились совершеннымъ разбитіемъ его полчищъ.

Нѣкоторые поступки Бонапарте показывали характеръ необыкновенный, ему одному свойственный; онъ одинъ изъ числа всѣхъ земныхъ владыкъ не признавалъ сей истины, что правленіе народомъ есть наука практическая, правиломъ которой должны покоряться всѣ умственныя дѣйствія.

Доселѣ всѣ стихотворцы воображали, что побѣды и успѣхи составляли величіе людей; повелѣвать вселенною, или умереть, казалось имъ самою высшею степенью величія. Мысль сія была слишкомъ ограничена для такого человѣка, которой не зналъ ни чему предѣловъ. Бывъ побѣжденнымъ, казаться независимымъ; побѣждать упрямость рока, жить мирно съ воспоминаніемъ о бывшемъ щастіи; влачить жизнь на стремнинахъ острова Св. Елены, не теряя своего высокомѣрія, ни упорности своего характера, какъ будто бы все это было соединено съ его природою: *не лучше ли это самоубійства, подобнаго игроку, которой проигралъ послѣднюю копѣйку* (*)? Описать такого че-

(*) Слова Бонапарте.

ловѣка, которой по своей волѣ возстановлялъ и разрушалъ престолы, представить его уединеннымъ плѣнникомъ на стремнинѣ среди Океана, начертать бездѣйственную жизнь его, посвященную безмолвію, — нужно перо знаменитаго писателя. Станемъ продолжать его исторію, хотя не краснорѣчиво, но не упуская ничего достойнаго примѣчанія.

По прибытіи Бонапарте на островъ Св. Елены онъ остановился въ домѣ Г. Балкомба, одного изъ островскихъ жителей; и такъ какъ приготовляемой для него домъ еще не былъ готовъ, то жилъ въ немъ цѣлые два мѣсяца. Онъ занималъ одинъ павильонъ, отстоящій на пятьдесятъ шаговъ отъ главнаго корпуса, заключающій въ себѣ одну только комнату и свѣтелку. Бонапарте спалъ въ комнатѣ, Лазъ-Казасъ въ свѣтелкѣ, а камердинеръ Бонапарте у дверей съ боку. Находясь по большей части въ праздности, Бонапарте иногда занимался короткимъ обращеніемъ съ дѣвицами Балкомбъ, дочерьми хозяина; одна изъ нихъ приносила ему великое удовольствіе по своему забавному и веселому характеру и свободѣ своего обращенія. Онъ восхищался ея невин-

ными шутками, которыя очень далеки были отъ важной почтительности женщинъ прежняго его Двора. Въ бесѣдѣ съ ними онъ находилъ неизвѣстное ему до сего времени удовольствіе и позабывалъ на нѣсколько часовъ угнѣтающую его горесть. Въ теченіе двухъ мѣсяцовъ, проведенныхъ имъ въ домѣ Г. Балкомба, онъ началъ привыкать къ климату острова, и пребываніе на ономъ почиталъ уже не столь скучнымъ, какъ представлялось ему прежде. Послѣ того онъ переведенъ былъ въ Лонгвудъ.

Сіе жилище получило свое имя отъ лѣса (лонгвудъ, означаетъ большой лѣсъ), простирающагося на полторы мили по прямой линіи. — Домъ, построенный на одной зелѣнистой и прохладной долинѣ, совершенно закрытъ деревьями, посаженными въ четырехъ стахъ шагахъ отъ онаго. Цвѣтникъ, расположенный съ большимъ вкусомъ, представляетъ смѣсь зелени съ прекрасными цвѣтами; во ста шагахъ отъ дома находится огородъ, занимающій около четырехъ десятинъ земли, гдѣ подъ присмотромъ искуснаго садовника росъ пре-

красный овощь, какой только можно гдѣ найти.

Часть дома съ дороги, съ фронтономъ надъ четырмя окнами, служила жилищемъ семейству Графа Монтолона. Квартира сія, отведенная ему въ скорости, не слишкомъ была удобна; но въ новомъ домѣ для него назначили довольно покойныя комнаты. Переднее строеніе дома содержало въ себѣ билліардную и гостиную, а позади въ срединѣ дома находилась столовая. Первыя четыре окна, находящіяся съ боку, составляли библіотеку, а четыре послѣднія заключали спальню и уборную. Въ самомъ заду находилась баня и комната камердинера. Въ разсужденіи же украшенія, обмеблировки и внутренняго расположенія дома, жилище Бонапарте можно сравнить съ домомъ какого нибудь Англичанина, довольно богатаго и живущаго съ особенною чистотою и опрятностію.

Бонапарте, проживъ нѣсколько времени въ семъ домѣ, нашелъ его не слишкомъ спокойнымъ для себя, и для того просилъ Губернатора извѣстить о семъ Англійское Правительство; Губернаторъ, отнесясь къ оному, получилъ приказаніе выстроить для Бонапарте новый домъ, гораздо обшир-

нѣйшій прежняго, что и было имъ исполнено; а посему прежнее жилище Бонапарте извѣстно подъ именемъ стараго, а новое подъ именемъ новаго Лонгвуда. Новый Лонгвудъ есть прекраснѣйшее и огромнѣйшее строеніе на всемъ островѣ. Не возможно даже и въ Англіи найти загороднаго дома столь прекраснаго и обширнаго. Наружный видъ онаго превосходной архитектуры; большія окна на передней сторонѣ заключаютъ въ себѣ гостиную и билліардную; большое окно съ лѣвой стороны заключало въ себѣ библіотеку, которая соединялась одною переднею съ спальнею Наполеона; уборная, баня и комната камердинера составляли особенное отдѣленіе; столовая находилась въ srединѣ дома и соединяла всѣ части онаго; вся правая сторона была занята фамиліею Графа Монтолона. Отдѣльное строеніе, прикасающееся къ новому дому, заключало въ себѣ кухни, конюшни, служительскіе покои и погреба. Жилище Графа Бертрана, по недостатку въ покояхъ, находилось въ сорока шагахъ отъ главныхъ воротъ.

Живучи на дачѣ Г. Балкомба, Бонапарте прогуливался поутру и около вечера въ саду, большею ча-

стію съ обѣими дочерьми хозяина, а ввечеру игрывалъ съ ними въ карты на конфекты. Занимая весьма тѣсную квартиру, онъ проводилъ большую часть дня въ павильонѣ. Тамъ писалъ онъ каждый день по 4 часа сряду, сочиняя Исторію своей жизни. Желая обстоятельнѣе вывести всѣ происшествія, просилъ онъ Англійское Правительство прислать къ нему нѣкоторыя книги, по реэстру имъ назначенныя. Во все время пребыванія своего въ домѣ Г. Балкомба Бонапарте не вступалъ ни съ кѣмъ въ знакомство, кромѣ своего хозяина и его семейства. Къ Г-ну Балкомбу, по званію его карабельнаго Экспедитора, приходили обыкновенно всѣ корабельщики пристающихъ къ острову кораблей. Они приводили иногда къ нему почетнѣйшихъ своихъ пассажировъ, которые желали видѣть Бонапарте. И такъ они могли его видѣть, когда онъ по вечерамъ прогуливался въ саду. Изъ города пріѣзжали иногда дамы къ Г-ну Балкомбу, съ которыми Бонапарте обходился чрезвычайно учтиво, такъ что онѣ не могли имъ довольно нахвалиться. Обѣихъ дочерей Г. Балкомба, которыя очень хорошо говорили по Французски, онъ назы-

валъ въ шутку маленькими своими пажами, заставлялъ ихъ писать разныя мѣлкія сочиненія на Французскомъ языкѣ, просматривалъ и поправлялъ оныя. О дѣлахъ политическихъ говорилъ онъ неохотно съ посторонними; но окружающимъ его твердилъ, что не думаетъ, чтобы безъ него спокойствіе во Франціи могло быть продолжительно.

Переселясь въ Лонгвудъ, Бонапарте чрезвычайно былъ недоволенъ тѣмъ, что за нимъ строго присматриваютъ; онъ нѣсколько разъ выговаривалъ за это Адмиралу, которой съ своей стороны, не взирая ни на выговоры его, ни на ссоры, очень часто случавшіяся по сему случаю, ни за что не соглашался отступить отъ своей должности, и приказывалъ всегда караулить его какъ можно строже. Въ прогулкахъ его всегда сопровождалъ Капитанъ Поплевель. Однажды Бонапарте требовалъ, чтобъ Капитанъ не носилъ мундира. Когда желаніе его было исполнено, то онъ, принявъ гордый и повелительный тонъ, приказывалъ Капитану ѣхать не рядомъ съ нимъ, но позади. Капитанъ это исполнилъ; но на другой день отказался ѣхать съ нимъ на прогул-

ку, и Бонапарте принужденъ былъ остаться дома. Послѣ сего Капитанъ сталъ выѣзжать съ нимъ всегда въ мундирѣ. Онъ спалъ въ другой комнатѣ подлѣ Бонапарте, которой долженъ былъ проходить въ свои покои черезъ его спальню. — Черезъ нѣсколько времени по прїѣздѣ на островъ, Бонапарте прогнѣвался на Генерала Бертрана; причина тому была слѣдующая: Госпожа Бертранъ сдѣлалась больна, и по выздоровленіи своемъ, находя жизнь на островѣ скучною, убѣждала супруга своего возвратиться во Францію, на что онъ и былъ уже согласенъ. Сообщивъ намѣреніе свое Бонапарте, онъ привелъ его въ величайшій гнѣвъ; почему, не желая огорчать его болѣе, рѣшился, не смотря на прозьбы Г-жи Бертранъ, остаться при немъ, чрезъ что снова пріобрѣлъ его благосклонность. Вообще Бонапарте долженъ былъ переносить разнаго рода уничиженія. Составляющимъ прислугу его наскучило также пребываніе на островѣ Св. Елены; они начали показывать упорство, въ той надеждѣ, что будутъ обратно отправлены въ Европу; но Адмиралъ Кокбурнъ принялъ другія мѣры. Онъ отправилъ къ нимъ

главнаго Штурмана своего корабля съ объявленіемъ, что за малѣйшее упорство съ ихъ стороны будутъ они, такъ какъ матросы, наказаны линькомъ. Угрозы сіи имѣли желанный успѣхъ, и съ того времени спокойствіе въ домѣ Бонапарте возстановилось.

Бонапарте обыкновенно вставалъ въ восемь или девять часовъ, завтракалъ, прогуливался; потомъ возвращался въ библіотеку, гдѣ диктовалъ Монтолону, которой служилъ ему вмѣсто Секретаря, нѣсколько строкъ своихъ записокъ. Въ часъ бралъ баню, а послѣ читалъ Полибія, Плутарха и Монтескье, любимыхъ своихъ Авторовъ, что продолжалось иногда до самаго обѣда. Обѣдалъ въ три часа, по большой части одинъ, иногда съ Г. и Г-жею Бертранъ, иногда съ Г. и Г-жею Монтолонъ, но очень рѣдко съ обѣими фамиліями вмѣстѣ; послѣ обѣда, если бывалъ въ веселомъ расположеніи духа и никакія мрачныя мысли не возмущали его, прохаживался съ тѣми, съ которыми обѣдалъ, по галлереѣ и по билліардной залѣ до тѣхъ поръ, какъ подадутъ кофе. Напившись онаго, ходилъ прогуливаться въ Лонгвудскій садъ, гдѣ для него

поставлена была палатка, въ которой онъ укрывался отъ солнечнаго жара; вечеромъ игралъ на билліардѣ, или въ карты, или бранилъ Англійское Правительство, для чего оно завезло его на столь отдаленный островъ. Иностранцы, желающіе видѣть Бонапарте, должны были испрашивать письменное позволеніе отъ Адмирала Кокбурна. Бонапарте весьма сердился на сію строгость, и узнавая, что если кто изъ желающихъ его видѣть прибылъ въ Лонгвудъ, нарочно не выходилъ изъ дома. Однакоже сіи досады не имѣли никакого вреднаго вліянія на его здоровье: аппетитъ у него всегда былъ очень хорошій и онъ сдѣлался гораздо дороднѣе.

Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ жительства на островѣ у Бонапарте явилась чудная привычка безпрестанно ворчать. Оная состояла въ томъ, что онъ нахмуривалъ брови и произносилъ закрытымъ ртомъ короткія и невнятныя слова. Когда ему встрѣчалась какая нибудь нечаянная непріятность, то ворчанье его продолжалось почти безпрерывно; иногда оно сопровождаемо было знаками величайшей досады, иногда насвистываніемъ марша и наигрываніемъ какой

нибудь любимой аріи, которую онъ запомнилъ еще съ младенчества. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока ему приходила на мысль какая нибудь веселая пѣсня. Сіе случалось съ нимъ обыкновенно послѣ обѣда, когда онъ бывалъ одинъ и когда въ немъ дѣйствовало душевное волненіе. Какъ скоро оканчивался обѣдъ, то онъ впадалъ въ глубокую задумчивость, сидѣлъ подперши голову руками и устремивъ неподвижно взоры на скатерть; начиналъ напѣвать какую нибудь пѣсню, ударяя стаканомъ своимъ мѣру такта; мало помалу мѣра становилась живѣе и удары чаще. Сіе продолжалось до тѣхъ поръ, какъ вдругъ какое нибудь сильное движеніе разгорячало его, и онъ разбивалъ стаканъ на тысячу частей, послѣ чего съ поспѣшностію вставалъ и шелъ въ галлерею. Когда онъ бывалъ спокоенъ, то скоро обнаруживалъ всѣ свои мысли, находившіяся въ его воображеніи.

Бонапарте, жившій весьма дружно съ Адмираломъ Кокбурномъ во время путешествія, цѣлые полгода былъ съ нимъ въ ссорѣ за то, что онъ не исполнялъ его требованій. Бонапарте непремѣнно хотѣлъ, чтобъ ему одному предоставлено было право назначать,

кто можетъ являться въ Лонгвудъ; Адмиралъ же на сіе никакъ не соглашался, ссылаясь на полученное имъ постановленіе о содержаніи плѣнника (*), и настоялъ на томъ, что

(*) Постановленіе сіе, вышедшее 11 Апрѣля 1816 года, заключаетъ въ себѣ слѣдующее: 1. Поелику спокойствіе Европы и общая безопасность требуютъ необходимо, чтобы Наполеонъ Бонапарте былъ содержанъ подъ присмотромъ, то и признается справедливымъ исполнять сіе во всей точности, яко законное постановленіе. 2. По сей причинѣ содержать его въ качествѣ военноплѣннаго подъ надзоромъ Великобританскихъ подданныхъ, или другихъ, присягнувшихъ въ вѣрности. Для сего употреблять всевозможныя средства къ удержанію его въ плѣну, или для поимки, буде бы какимъ способомъ спасся изъ онаго, и въ такомъ случаѣ всякой обязанъ содѣйствовать къ возвращенію его подъ присмотръ, какъ военноплѣннаго. 3. Всякой Королевскій подданный, способствовавшій чѣмъ-либо къ побѣгу Бонапарте, почтется за Государственнаго измѣнника, и безъ помилованія долженъ быть осужденъ къ смерти. 4. Тѣ, кои и послѣ побѣга его будутъ оказывать ему пособіе, почтутся также виновными и подвергнутся казни и проч. Второе постановленіе, вышедшее того же числа, о образѣ сношеній съ островомъ Св. Елены, доколѣ Бонапарте будетъ находиться на ономъ, слѣдующее: Ни одно судно, кромѣ идущихъ въ Остъ-Индію, или возвращающихся оттуда, не можетъ приставать къ сему острову, ни отправлять какихъ-либо съ нимъ торговъ; преступившіе сіе запрещеніе будутъ отправляемы въ Англію подъ судъ. Приходящіе туда на Остъ-Индскихъ корабляхъ мореплаватели обязаны, по требованію тамож-

сіе позволеніе зависѣло отъ него. Наконецъ согласились они въ томъ, чтобы на прибытіе въ Лонгвудъ просить позволенія у обоихъ; послѣ чего взаимныя между ними неудовольствія были прекращены.

Со времени прибытія Бонапарте на островъ, на ономъ бывали часто балы и другія веселости; но это продолжалось не долго. Тѣхъ, которые ему нравились, онъ имѣлъ привычку брать слегка за ухо. При Дворѣ его всегда господствовалъ величайшій этикетъ. Когда онъ прохаживался въ саду съ Генералами, то они не надѣвали шляпъ; даже въ комнатахъ и за столомъ поступали также, какъ было въ Тюльерійскомъ дворцѣ: если Бонапарте ронялъ платокъ, то всѣ стремглавъ бросались поднять его, и кто первой успѣвалъ совершить столь ве-

нягo Губернатора, или Вице-Губернатора, возвращаться немедленно на суда свои, подъ опасеніемъ наказанія по законамъ. Суда, желающія вступить въ какія-либо сношенія съ островомъ Св. Елены и приближившіяся къ оному на 8 Англійскихъ миль, если не отправятся опять въ море по данному имъ повелѣнію, должны быть конфискованы. Поврежденныя и занесенныя бурею суда къ острову могутъ оставаться у онаго токмо до назначеннаго Губернаторомъ срока.

ликой подвигЪ, тотЪ почиталЪ себя весьма счастливымЪ. ТакимЪ образомЪ и табакЪ служилЪ превосходнымЪ примѣромЪ приверженности. Бонапарте привыкЪ безпрестанно нюхать табакЪ; особливо, разговаривая о политическихЪ дѣлахЪ сЪ жаромЪ, онЪ почти не закрывалЪ своей табакерки. Если случалось, что онЪ забывалЪ ее вЪ кабинетѣ и просилЪ табаку у Бертрана, или Монтолона, они старались на перерывЪ скорѣе вынуть изЪ кармана табакерку, и открывЪ ее, оба вмѣстѣ подносили Бонапарте; у котораго онЪ бралЪ табакЪ, тотЪ почиталЪ сіе великою благосклонностію своего повелителя, и какЪ бы сЪ нѣкоторою надмѣнностію взглядывалЪ на своего товарища, который очень неохотно опускалЪ табакерку вЪ карманЪ, соболѣзнуя, что не заслужилЪ милости, оказанной его сослуживцу. Ни изЪ МаршаловЪ, ни изЪ ГенераловЪ его никто не смѣлЪ передЪ нимЪ разинуть рта.

ВЪ тѣсномЪ кругу, вЪ коемЪ заключены дѣянія и мысли знаменитыхЪ, любопытно открывать черты ихЪ характера и узнавать дѣла жизни домашней. Для насЪ весьма удобно усматривать оное, когда они сбли-

жены съ нами по состоянію. Впрочемъ это укрывается отъ взоровъ нашихъ, когда они бываютъ владыками земли; но въ жизни узнической они принимаютъ на себя видъ оригинальности, которая насъ удивляетъ. Если Исторія должна замѣчать дѣянія великихъ людей, могущество ихъ генія въ связи оныхъ съ Государствами и Государями, то моралистъ не долженъ пренебрегать замѣчанія о ихъ характерѣ въ малозначущихъ домашнихъ происшествіяхъ и ссорахъ. Какъ сравнить поступокъ его съ прибывшимъ на островъ Св. Елены Губернаторомъ Сиромъ Гудсономъ Лове, котораго онъ не принялъ къ себѣ потому, что онъ заранѣе не предварилъ его о прибытіи на островъ и о посѣщеніи Лонгвуда; какъ сравнить тотъ высокомѣрный и повелительный тонъ, съ каковымъ онъ изъяснялся при всякомъ почти случаѣ, съ ссорою, которую Бонапарте имѣлъ съ своимъ поваромъ? Однажды поваръ его, будучи имъ обиженъ, пошелъ жаловаться на него Губернатору. Губернаторъ, выслушавъ его, послалъ обратно въ Лонгвудъ, сказавъ ему, что онъ самъ виноватъ. Когда тотъ возвратился, то Бонапарте отказалъ

ему отъ своего дома; Сиръ Лове, будучи еще хорошо расположенъ къ своему плѣннику, прислалъ ему собственнаго своего повара. Бонапарте велѣлъ ему войти въ свою комнату, и смотря на покрой платья, ему извѣстнаго, спросилъ тотчасъ повара: „Какъ тебя зовутъ?" — Албей, отвѣчалъ онъ. — „Изъ какой ты земли?" — Изъ Германіи. — „Въ какой части Германіи говорятъ лучше прочихъ по Нѣмецки?" — Въ Лейпцигѣ. — „Въ Лейпцигѣ," прервалъ Бонапарте съ сердцемъ, „въ Лейпцигѣ! Этотъ человѣкъ подученъ для того, чтобъ упрекнуть меня Лейпцигомъ. . . Долой его со двора!" Напрасно онъ представлялъ Бонапарте, что сказалъ это безъ умысла, напрасно говорилъ, что онъ не ожидалъ такого вопроса. „Вонъ!" повторилъ Бонапарте; „я не хочу имѣть у себя въ услугахъ ни одного Нѣмца: это измѣнники. Я никогда не могъ и не могу понадѣяться ни на одного Нѣмца; я имѣлъ двадцать Князей изъ этой націи въ своей арміи, но они всѣ одинъ по одному меня оставили. Долой со двора!" И Албей сошелъ, нимало не воображая быть сравненнымъ съ Князьями Германской конфедераціи. Губернаторъ взялъ опять

къ себѣ Албея и послалъ въ Лонгвудъ повара Лорда Амгерста, бывшаго Посланникомъ отъ Англіи въ Китаѣ, которой, возвращаясь оттуда, имѣлъ на островѣ Св. Елены отдыхъ. — Простолюдимы островскіе, какъ бы въ насмѣшку, дали Бонапарте имя, сокращавшее его собственное: я ношу воду у *Бони*; я работаю въ саду у *Бони*: вотъ какъ называли того, кто заставлялъ трепетать цѣлый свѣтъ предъ собою (*)!

Губернаторъ острова Сиръ Гудсонъ Лове былъ Штабъ-Офицеромъ при Князѣ Блюхерѣ. Онъ говоритъ очень хорошо по Италіянски, и часто изъяснялся съ Бонапарте на семъ языкѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ по пріѣздѣ своемъ на островъ Губернаторъ пересталъ посѣщать Бонапарте. Онъ бывалъ тогда только въ Лонгвудѣ, когда производилась работа въ новомъ домѣ, выстроенномъ по жалобѣ Бонапарте Англійскому Правительству, ибо онъ находилъ прежній тѣснымъ и безпокойнымъ для себя; во все сіе время онъ никогда не встрѣчался съ плѣнникомъ, пото-

---

(*) Изъ записокъ одного путешественника, жившаго довольно долгое время на островѣ Св. Елены.

му что не хотѣлъ принимать отъ него ни плановъ, ни наставленій въ разсужденіи постройки. Причиною таковыхъ неудовольствій было слѣдующее обстоятельство: Докторъ Омира находился при Бонапарте въ качествѣ домоваго Лѣкаря; онъ служилъ ему ревностно и усердно, но по нѣкоторымъ подозрѣніямъ былъ отосланъ съ острова.

Многія обстоятельства, по видимому маловажныя, могутъ оправдать тѣ непріятности, которыя получилъ Докторъ отъ Правительства острова Св. Елены. Омира, прибывши на островъ, ни мало не теряя времени, старался удовлетворить любопытству обитателей въ разсужденіи Бонапарте. Онъ, будучи однажды у Портеуса, сказалъ, „что „онъ видитъ Наполеона какъ человѣ- „ка притѣсненнаго и думаетъ, что „весь свѣтъ долженъ оказывать ему „помощь.“ Сіи слова, сказанныя такимъ человѣкомъ, которой оставилъ все и рѣшился раздѣлять нещастную судьбу Бонапарте, не заслуживали никакого порицанія. Онъ свелъ тѣсную дружбу съ Г. Левисъ - Соломономъ, ювелиромъ и часовщикомъ Жамесъ - Тоунскимъ. Этотъ частный чело-

вѣкѣ есть другѣ, а можетѣ быть и родственникѣ Гольшмидовѣ, которой присылалѣ ему журналы и между ними свой Монитёрѣ Anti-Gallican; по сему можно заключить, что Соломонѣ былѣ ничто иное, какѣ посредникѣ между Гольшмидомѣ и Докторомѣ, которой доставлялѣ плѣннику журналы, приходящіе на имя Соломона. Теперь спрашивается, какое средство могли найти кѣ перепискѣ чрезѣ присылку сихѣ публичныхѣ листочковѣ? Правительство думало, что вѣ сихѣ журналахѣ симпатическими чернилами писаны нѣкоторыя выраженія, которыя могли быть понятны только вѣ Лонгвудѣ, и это кажется справедливо. „Я видѣлѣ" писалѣ одинѣ путешественникѣ, жившій на островѣ Св. Елены довольно долгое время „вѣ „Монитёрѣ Anti-Gallican, 3 Ноября „1816 года, предувѣдомленіе, един„ственное по своему расположенію и „должно быть любопытное по со„держанію. Сія статья изъяснена цыф„рами, начинается сѣ литеры X, ко„торая окружена числами." Записки о здоровьѣ Бонапарте, которыя писалѣ Омира, свидѣтельствовало Правительство; оно проникнуло, что Докторѣ поддерживаетѣ Бонапарте

вѣ разсужденіи политическихѣ видовѣ, говоря и утверждая, что воздухѣ на островѣ Св. Елены вреденѣ для его здоровья, и заточеніе Бонапарте вѣ семѣ мѣстѣ причинитѣ ему неминуемую смерть. Всѣ сіи обстоятельства и слова Доктора Омиры были причиною, что Губернаторѣ удалилѣ его сѣ острова Св. Елены. Бонапарте, узнавѣ о семѣ, очень опечалился и жаловался на сію жестокость. „Кто захочетѣ" сказалѣ онѣ, „для видовѣ и цѣли лишиться помощи вѣ Медицинѣ, когда чрезѣ сіе лишеніе можно ускорить приближеніе смерти?" Сіе происшествіе могло вооружить кабинетѣ Лонгвудскій противѣ Губернатора. Бонапарте нѣсколько мѣсяцовѣ злился по сему случаю.

По удаленіи Доктора Омиры Сирѣ Гудсонѣ Лове на его мѣсто назначилѣ Доктора Верлинга; но Бонапарте отвергѣ помощь сего искуснаго Врача. „Мѣры, принятыя Губернаторомѣ" сказалѣ онѣ, „есть слѣдствіе его си„стемы угнѣтенія; онѣ хочетѣ ме„ня умертвить и сказать тѣмѣ, ко„торые входятѣ вѣ мое положеніе: „не слушайте его, онѣ васѣ обманы„ваетѣ; я ему не причинилѣ никако„го зла, спросите у его Лѣкаря." Сіи

слова заключали въ себѣ большую тонкость, потому что болѣзнь Бонапарте, на которую онъ всегда жаловался, подлинная ли она была, или вымышленная, но подавала ему надежду, хотя тщетную, возвратиться въ Европу. Губернаторъ, не взирая на сіе, рѣшился, не вникая, дѣйствительно, или умышленно болѣнъ Бонапарте, подать ему облегченіе чрезъ искуснаго Медика, не разсудивъ, будетъ ли сіе принято плѣнникомъ или нѣтъ. Послѣ совершеннаго отказа Губернаторъ заключилъ, что болѣзнь его умышленна. Бонапарте сказалъ Доктору Верлингу чрезъ Монтолона, что отказалъ ему по причинамъ политическимъ, но уважая его таланты, всегда останется къ нему благосклоннымъ.

Если, какъ полагали, болѣзнь Бонапарте была слѣдствіемъ политики, то надобно согласиться, что онъ многимъ для сего жертвовалъ. Всѣмъ извѣстна была его охота къ верховой ѣздѣ, и конюшни его были наполнены прекраснѣйшими Англійскими лошадьми; но онъ говорилъ, что его болѣзнь не позволяла ему садиться на лошадь, и сколько его ни уговаривали, но онъ все остался при своемъ мнѣ-

нiи, не смотря на то, что нарочно для него очистили дороги около его жилища. Онъ оставилъ даже прогулки по саду, и спустя нѣсколько времени, совершенно отказался отъ билліардной игры, которую очень любилъ и которою обыкновенно занимался съ окружающими его.

Равнодушіе его къ разсѣянію до того достигло, что онъ отказался проводить лѣто въ прелестномъ загородномъ домикѣ Г-жи Масонъ, который находился недалеко отъ Лонгвуда; сіе жилище, окруженное мрачнымъ лѣсомъ, куда не достигаютъ солнечные лучи, приносило Бонапарте двоякую пользу, необходимую для великаго человѣка въ его уединеніи, — прохладу и невидимость. Хотѣли для него нанять сіе прекрасное и уединенное мѣсто; но онъ сказалъ, что не хочетъ тамъ жить.

Не проходило почти ни одного дня, въ который бы не открылось хотя одного заговора, если можно назвать заговоромъ то, что почти не имѣетъ никакой важности; но Коммиссары и женщины общества Губернаторскаго симъ много занимались. Маловажныя сіи происшествія питали праздное воображеніе сихъ

особѣ; они думали, что сіи заговоры имѣли важныя послѣдствія. Спустя нѣсколько времени по отъѣздѣ Доктора Омиры пришло изъ Англіи письмо съ нѣкоторыми Французскими книгами; адрессъ былъ сдѣлалъ на имя берейтора Жамесъ Форбеса. Такъ какъ никто не имѣлъ сего имени на островѣ и не приходилъ получать письма, тотъ человѣкъ, у котораго оно находилось, чтобы узнать, отъ кого послано письмо, при начальникахъ, съ позволенія ихъ, разпечаталъ его; первыя слова, когда начали читать, были слѣдующія: „Любезный мой Омира!“ Въ ту же минуту сдѣлался великій шумъ въ Палатѣ Правленія. „Какъ! Омира принималъ подложное „имя, чтобъ получать сіи книги? — „Слѣдовательно они писаны симпати„ческимъ составомъ, вѣрно находят„ся тайныя письма, запечатанныя въ „книжныхъ переплетахъ?“ такъ возглашали присудствующіе; и хотя ничего не найдено, но воображеніе ихъ не могло быть спокойно, предполагая, что тутъ находятся большіе секреты.

Генералъ-Лейтенантъ Сиръ Томасъ Реадъ, честнѣйшій и умнѣйшій человѣкъ, надзиралъ надъ плѣнни-

комъ. Однажды, когда онъ по своей должности находился близъ Бонапарте, то сей послѣднiй вошедши, съ великимъ гнѣвомъ и досадою жаловался, что онъ безпрестанно находится подъ надзоромъ. „Генералъ!" сказалъ ему Реадъ съ величайшимъ хладнокровiемъ, „вы меня почитаете безъ сомнѣнiя за своего начальника и надсмотрщика; знайте же, что вы ошибаетесь: я ничто иное, какъ простой Офицеръ, которой исполняетъ данное ему повелѣнiе; я надѣюсь, что гнѣвъ вашъ утишится." — Правда, правда, возразилъ Бонапарте, вы солдатъ и должны безпрекословно повиноваться приказанiямъ, не изслѣдывая причины оныхъ; я люблю солдатъ, умѣющихъ повиноваться. — Послѣ сего онъ говорилъ съ нимъ благосклонно и съ спокойнымъ духомъ.

Изъ двухъ Французскихъ семействъ, находившихся при Бонапарте на островѣ Св. Елены, весьма много облегчали грусть Наполеона: жена Графа Монтолона почиталась любезнѣйшею женщиною изъ всего острова; Госпожа Бертранъ, при великой надмѣнности и величавости, находилась въ обманчивомъ спокойствiи и старалась скрывать горесть и печаль

свою, которая происходила отъ воспоминанія, что она разлучена съ своимъ отечествомъ. Впрочемъ она не упускала случая говорить о своей твердой вѣрности и желала казаться пріятною, раздѣляя нещастіе своего супруга. Она была воспитана въ Англіи и очень хорошо говорила по Англійски. Эта женщина чрезвычайно способна была поддерживать политику Лонгвудскаго кабинета. Прежде нежели Бонапарте обьявилъ, что доходы его слишкомъ малозначущи, и что ихъ недостаетъ для домашнихъ издержекъ, она заняла однажды у жены нѣкотораго солдата 2 шиллинга для подаянія милостыни. Мужа своего она всегда называла Гофъ-Маршаломъ, которой съ своей стороны находился въ великомъ ослѣпленіи въ разсужденіи участи Бонапарте; онъ говорилъ, что свѣтъ можно раздѣлить на двѣ большія части: *на друзей и непріятелей Императора.* Госпожи Монтолонъ и Бертранъ никогда не лишались сообщества Англійскихъ Офицеровъ, которые всегда имѣли право прогуливаться по парку и окрестностямъ Лонгвуда. Дѣти обѣихъ фамилій, казалось, служили упрекомъ своимъ родителямъ въ разсужденіи

ихъ жалобъ на нездоровье климата; сіи любезные малютки, которые жили въ одномъ домѣ съ Бонапарте, находились въ цвѣтущемъ здравіи, чему доказательствомъ служилъ ихъ румянецъ въ щекахъ и глаза полные огня.

Любопытнѣе и занимательнѣе всего смотрѣть на двухъ женщинъ, отдаленныхъ на чрезмѣрное пространство отъ Европы, изъятыхъ, такъ сказать, изъ большаго свѣта и осужденныхъ раздѣлять заключеніе съ такимъ человѣкомъ, которой ничего не можетъ имъ доставить, кромѣ скуки и унынія; видѣть, какъ онѣ, находясь въ тѣсной дружбѣ, ссорятся за пустыя и ничего незначущія моды на стремнинахъ Южнаго моря, ведутъ войну за лоскутки и наряды, живучи на отдаленномъ островѣ, — есть вещь, можно сказать, необыкновенная. Слѣдующее происшествіе ясно доказываетъ, что женщины вездѣ останутся женщинами, и что даже если бы онѣ жили на необитаемыхъ островахъ, равно стали бы заниматься нарядами какъ въ столицѣ Европейскаго Государства. Ящикъ съ новыми модами, присланный изъ Лондона на имя Госпожъ Бертранъ и Монтолонъ, долженъ быть доставленъ изъ Жамесъ-Тоуна въ Лон-

твудЪ; каждая изЪ дамЪ послала на дорогу своихЪ горничныхЪ стеречь, когда принесутЪ, и взявЪ, немедленно доставить Госпожѣ. Одна изЪ нихЪ, прежде увидя посылку, схватила и принесла кЪ своей Генеральшѣ, а другая возвратилась ни сЪ чѣмЪ. Какой ужасной поднялся шумЪ, жалобы, упреки. ВЪ то же мгновеніе послѣдовалЪ разрывЪ дружбы, и Г-жи БертранЪ и МонтолонЪ нѣсколько мѣсяцовЪ не видались другЪ сЪ другомЪ; но наконецЪ ихЪ супруги, войдя вЪ посредничество, сЪ большимЪ трудомЪ примирили ихЪ.

Хотя Англійское Правительство ничего не щадило, чтобы сдѣлать пребываніе Бонапарте на островѣ Св. Елены пріятнымЪ, но сего человѣка ничѣмЪ не возможно было удовлетворить. БывЪ чрезвычайно недоволенЪ тѣмЪ, что его держатЪ на островѣ, находя климатЪ чрезвычайно нездоровымЪ, онЪ безпрестанно жаловался, что онЪ болѣнЪ; но не климатЪ былЪ причиною его болѣзни: онЪ болѣлЪ *духомЪ*, вЪ чемЪ соглашался и находившійся на островѣ главный МедикЪ, которой, на вопросЪ Губернатора, какЪ лучше пособить Бонапарту вЪ его болѣзни, отвѣчалЪ: *я не знаю друга-*

го средства къ его излѣченію, кромѣ того, чтобъ отвезти его въ Европу и дать двѣсти тысячь войска въ команду. Бонапарте часто говаривалъ о сраженіяхъ и даже вспоминалъ о дѣлѣ при Ватерло; но о походѣ своемъ и пребываніи въ Россіи никто не слыхалъ отъ него ни слова. Однажды Капитанъ Гамильтонъ, начальникъ Англійскаго фрегата, за нѣсколько дней передъ отъѣздомъ своимъ съ острова Св. Елены, представлялъ Бонапарте нѣкоторыхъ чиновниковъ своего экипажа; онъ принялъ ихъ очень учтиво. Послѣ нѣкоторыхъ вопросовъ началъ подробно описывать свое положеніе, жаловаться на Губернатора, на строгой надзоръ, при чемъ не однократно приходилъ въ совершенное бѣшенство и почти безпрестанно нюхалъ табакъ. Обратясь къ Капитану Гамильтону, онъ сказалъ: „Донесите вашему Принцу-Регенту, что я въ немъ весьма много обманулся; ему бы должно было совсѣмъ иначе поступать со мною. Что касается до другихъ Державъ, то я не говорю объ нихъ ни слова; я никогда на нихъ не надѣялся.“ Потомъ разсказывалъ онъ о многихъ выигранныхъ имъ сраженіяхъ и заключилъ тѣмъ, что вся Европа должна

признавать его за величайшаго Полководца. Равнымъ образомъ принималъ онъ Члена Мадрасскаго Совѣта, Рикетса, возвращавшагося изъ Индіи въ Англію. Такъ какъ Г. Рикетсъ былъ племянникъ Лорда Ливерпуля, то ему хотѣлось при немъ разбранить Англійское Правительство, что онъ и сдѣлалъ.

Бонапарте по прибытіи своемъ на островъ Св. Елены долгое время не имѣлъ ни одного Священника Католическаго исповѣданія, и ни сколько тѣмъ ни занимался. Наконецъ мать его прислала ему двухъ Пасторовъ, одного въ качествѣ духовника. Когда Священникъ вошелъ къ Бонапарте, то сей принялъ его, лежа въ постелѣ. „Говорите со мною громче" сказалъ Наполеонъ, „я немного оглохъ." Примѣтивъ удивленіе Священника, онъ засмѣялся и прибавилъ: „Вы конечно находите, что я перемѣнился?" Немного, отвѣчалъ Священникъ. Бонапарте приказалъ отвести ему покои и передѣлать одну комнату въ своемъ домѣ въ домовую церковь, гдѣ и совершилась Божія служба съ приличіемъ и благолѣпіемъ.

Врачь корабля *Нортумберланда*, на которомъ Бонапарте прибылъ на

островѣ Св. Елены, Докторъ Варденъ, пріобрѣлъ на путешествіи особенную довѣренность Бонапарте, и во время пребыванія Адмирала Кокборна на семъ островѣ отправлялъ должность врача при Бонапарте и его спутникахъ, потому что Французскій Лейбъ-Медикъ, привезенный Бонапартемъ съ острова Эльбы, отказался слѣдовать за нимъ на островъ Св. Елены, а къ поступившему на его мѣсто Ирландскому Доктору Омеру Бонапарте не имѣлъ большой довѣренности. Въ сей должности Г. Варденъ имѣлъ болѣе свободы и случая, нежели всѣ другіе, видѣть Бонапарте и съ нимъ разговаривать. Отставному Императору не для чего было предъ нимъ принуждаться, и отъ того произошла между ними нѣкоторая дружба. Бесѣды ихъ были весьма занимательны. Вотъ что пишетъ о немъ Докторъ Варденъ: „Генералъ Гурго (*Наполеоновъ Генералъ-Адъютантъ*) опасно захворалъ, и другъ мой Омера просилъ меня помочь ему совѣтомъ. Я отправился въ 6 часовъ вечера въ Гудсгетъ, находящійся верстахъ въ двухъ отъ тогдашняго жилища Бонапартева въ Лонгвудѣ. Въ семъ мѣстѣ Генералъ Бертранъ жи-

ветъ въ небольшомъ двуэтажномъ домикѣ. У Бертрана двое здоровыхъ и веселыхъ дѣтей. Я могъ бы написать о немъ и его фамиліи цѣлую книгу, ибо успѣлъ коротко съ нимъ познакомиться во время переѣзда на островъ Св. Елены. Въ свободные часы училъ я Маршала Англійскому языку, а онъ разсказывалъ мнѣ о своихъ походахъ и прочихъ достопамятныхъ происшествіяхъ, съ нимъ случившихся. Я весьма охотно слушалъ его, а самъ, напротивъ того, говорилъ весьма мало. Онъ часто выговаривалъ мнѣ на дурномъ Англійскомъ языкѣ: „Вы худой учитель: вы только слушаете, а сами ничего не говорите." Наполеонъ дорогою называлъ меня неиначе какъ другомъ Бертрановымъ. Я пріѣхалъ въ Гутсгетъ верхомъ и хотѣлъ отправиться далѣе въ Лонгвудъ; но жена Маршалова сказала мнѣ, что ея мужъ уѣхалъ впередъ, и пригласила меня поѣхать туда съ нею въ каретѣ. Прибывъ въ Лонгвудъ, — тогда начинало уже смеркаться — увидѣли мы Бонапарте разговаривающаго съ Маршаломъ на дорогѣ. Когда карета остановилась и я высадилъ Г-жу Бертранъ, она пошла къ Бонапарте, а я къ своему больному; но былъ немед-

ленно приглашенъ къ Бонапарте обѣдать: сто значило особенное отличіе, ибо давно уже не оказывалъ онъ никому такой чести. Общество состояло только изъ собственнаго его небольшаго придворнаго штата. Я явился въ передней въ простомъ своемъ сертукѣ и въ сапогахъ со шпорами. Генералъ Монтолонъ въ полномъ мундирѣ принялъ меня и ввелъ въ другую комнату, въ которой Генералъ Бертранъ игралъ съ Бонапарте въ шахматы. Послѣдній привѣтствовалъ меня весьма ласково и учтиво. Я сталъ за его стуломъ, чтобъ смотрѣть на игру. Всѣ присутствовавшіе разговаривали между собою очень тихо, дабы не развлечь его вниманія, устремленнаго на шашки; тѣмъ явственнѣе были мои отвѣты, которые я давалъ Бонапарте на дѣланные имъ время отъ времени вопросы громкимъ голосомъ. Когда накрыли столъ, Генералъ Монтолонъ сказалъ мнѣ на ухо: „Садитесь за столомъ между Императоромъ и Генераломъ Бертраномъ.“ Я такъ и сдѣлалъ: Бонапарте сидѣлъ у меня по правую, а Бертранъ по лѣвую руку. По правую руку Бонапарте остался одинъ стулъ съ приборомъ по-

рожній. Фарфорѣ, на которомѣ мы обѣдали, былѣ самый лучшій; серебряный сервизѣ отлично тяжелѣ и украшенѣ орлами; десертѣ подавали на золотыхѣ тарелкахѣ. Кто во время обѣда не наливалѣ себѣ вина, и вздумалѣ дожидаться по Англійскому обычаю, что послѣ десерта станутѣ пить, тотѣ весьма бы ошибся. Обѣдѣ продолжался около часа; кусокѣ жареной говядины или часть телятины со вкуснымѣ соусомѣ изѣ капорсовѣ были бы для меня пріятнѣе всѣхѣ Французскихѣ рагу и фрикасе; однако же навѣрное не могу сказать, каковы были блюда, потому что я долженѣ былѣ безпрерывно отвѣчать на Бонапартевы вопросы. Вообще не превышали они моихѣ понятій, на пр.: „Вы были у Генерала Гурго?“ — Былѣ, Ваше Превосходительство; для того я сюда и пріѣхалѣ. — „Какѣ вы его нашли?“ — Онѣ очень болѣнѣ. — „Отѣ чего произошла болѣзнь его?“ — Отѣ жара здѣшняго климата; но онѣ имѣлѣ уже и расположеніе кѣ тому. — „Искорените причину, и болѣзнь прекратится.“ — Если бы ему пустили кровь, то болѣзнь остановили бы прежде. — „Чтожѣ вы думаете теперь дѣлать?“ — Какѣ у него боль вѣ печенкѣ и вѣ

окружающихъ оную частяхъ, то я ему пропишу меркурій. — „Ето не-годится.“ — А мнѣ приноситъ онъ великую пользу. — „Употреблялъ ли Иппократъ меркурій?“ — Не думаю; онъ довольствовался одними травами. — „Однакожъ онъ почитается великимъ врачемъ.“ — Но съ помощію новѣйшихъ открытій могъ бы онъ быть еще славнѣе. — „Природа сама старается изгонять изъ тѣла болѣзнь; можетъ быть, она ето дѣлаетъ теперь въ болѣзни Генерала: берегитесь, чтобъ ей не помѣшать.“ — Я не хочу ей мѣшать, а намѣренъ вспомоществовать ей. — „И этаго, думаете вы, иначе сдѣлать не льзя, какъ помощію меркурія?“ — По моему опыту, это лѣкарство въ такомъ случаѣ весьма хорошо дѣйствуетъ. — „Ну, такъ дайте его. Много ли у васъ умерло людей изъ экипажа Нортумберланда?“ — Къ сожалѣнію, довольно. — „Отъ чего?“ — Отъ воспаленія въ печени. — „Развѣ вы вскрывали тѣла?“ — Всякой разъ! — „Чтожъ вы находили?“ — Гніеніе печени и воспаленіе во внутренности. — „Что такое смерть? Какъ вы мнѣ ето изъясните?“ — Смерть происходитъ отъ прекращенія необходимыхъ для

жизни дѣйствій двухъ важнѣйшихъ органовъ: дыханія и движенія сердца. — „Когда разлучается душа съ тѣломъ?“ — На етотъ вопросъ не могу вамъ отвѣчать опредѣлительно, какъ вы того ожидаете; ибо часто мнимоумершіе, чрезъ употребленіе надлежащихъ средствъ, получаютъ обратно жизнь, и нѣкоторымъ образомъ воскресаютъ. — „Когда, по вашему мнѣнію, входитъ душа въ тѣло?“ — Я не метафизикъ, и не осмѣлюсь опредѣлить это. —

Я пользовалъ два дни Генерала Гурго. На третій увидѣли мы по сигнальнымъ флагамъ, что Англійскій корабль вошелъ въ гавань; я поѣхалъ въ городъ, чтобъ узнать, не привезъ ли онъ съ собою новостей. По возвращеніи моемъ вечеромъ въ Лонгвудъ сказали мнѣ, что Наполеонъ желаетъ немедленно со мною видѣться, и не у себя, а въ комнатѣ больнаго Генерала Гурго, гдѣ онъ меня дожидается. Лишь только я вошелъ, то Бонапарте спросилъ меня: „Каковъ больной?“ — Но едва я успѣлъ дать ему отвѣтъ, какъ онъ съ поспѣшностію продолжалъ: „Вы были въ городѣ? Если корабль прибылъ прямо изъ Англіи, то онъ вѣрно

привезъ письма и газеты изъ Франціи; что тамъ дѣлается новаго?« — Я мѣлькомъ пробѣжалъ Французскія извѣстія. — »Ну, хотя бы и мелькомъ, можно однако припомнить, что вы читали; разсказываите.« — Между прочимъ пишутъ и объ васъ; но всего занимательнѣе показался мнѣ судъ надъ Маршаломъ Неемъ. — Наполеонъ подступилъ на шагъ ближе ко мнѣ, и сказалъ, не перемѣняя однако ни голоса, ни вида: »Какъ! неужели Маршалъ Ней осужденъ къ смерти?« — Точно такъ, отвѣчалъ я, Маршалъ Ней растрѣлянъ! Онъ старался о посредничествѣ Посланниковъ Союзныхъ Державъ, — но это не помогло; онъ ссылался на 12 статью Парижской капитуляціи, — все было тщетно; въ оправданіи своемъ объявилъ онъ, что вы его обманули, что прокламація, изданная подъ его именемъ, писана не имъ, а Генераломъ Бертраномъ, и что онъ повѣрилъ вашему увѣренію, будто о вашемъ предпріятіи знаютъ Австрія и Англія. — Генералъ Бертранъ, бывшій тутъ же въ комнатѣ, сказалъ весьма хладнокровно: Не льзя обвинять Маршала Нея въ томъ, что онъ, для спасенія своей жизни, пользовался всѣми сред-

ствами; ему позволительно было употребить въ этомъ случаѣ и ложь: но выдумкѣ его о прокламаціи никто не повѣритъ. Маршалъ Ней умѣлъ весьма хорошо изъясняться на письмѣ, и ему не нужно было моей помощи въ сочиненіи прокламацій. — Бонапарте ничего не сказалъ на это и только примолвилъ: „Маршалъ Ней былъ храбрый человѣкъ.“ — Въ одной Англійской газетѣ пишутъ, продолжалъ я, что въ Парижѣ безпокоятся, не произведетъ ли казнь Маршала возмущенія. — „Возмущенія!“ повторилъ Наполеонъ съ презрительнымъ видомъ: „но вѣдь тамъ есть войска. Выѣхалъ ли Герцогъ Веллингтонъ изъ Парижа?“ Не знаю точно, отвѣчалъ я. — „Англійскія и прочія союзныя войска стоятъ все еще въ окрестностяхъ Парижа?“ — Англичане стоятъ еще, какъ я думаю тамъ, а Русскіе и Прусаки, какъ видно изъ газетъ, отступили къ Рейну. — „Очень хорошее распоряженіе!“ сказалъ Бонапарте: „но, почему не вижу я никогда между Англійскими газетами Morning Chronicle?“ — Не знаю, отвѣчалъ я.

По выздоровленіи Генерала Гурго не былъ я около шести недѣль въ

Лонгвудѣ. Пріѣхавъ туда опять въ первый разъ, нашелъ я въ Бонапартевой комнатѣ софу, поставленную спиною къ дверямъ; Бонапарте лежалъ на ней. Отъ жара скинулъ онъ кафтанъ и жилетъ, и спустилъ лѣвую руку чрезъ спинку. Рѣшетки у окна были спущены, а предъ нимъ стоялъ небольшой столикъ съ книгами, между которыми примѣтилъ я открытую Исторію Французской революціи. Бонапарте, увидѣвъ меня, вскочилъ и съ радостію привѣтствовалъ меня по Англійски: „А, Г. Варденъ! какъ вы поживаете?“ Я отвѣчалъ поклономъ. Онъ протянулъ ко мнѣ руку, говоря: „Варденъ! у меня горячка!“ Я пощупалъ у него пульсъ, но нашелъ, что онъ бился весьма хорошо. Бонапарте смотрѣлъ на меня съ усмѣшкою; я догадался, что онъ шутитъ, и потому сказалъ ему: Я желаю, чтобы вы всегда были такъ здоровы, какъ теперь. Онъ потрепалъ меня по щекѣ и продолжалъ: „Подойдите къ окну; я хочу вамъ нѣчто сказать.“ — Онъ говорилъ со мною по Англійски; я поздравилъ его не только съ здоровьемъ, но и съ успѣхами въ моемъ языкѣ. „Да, я здоровъ“ повторилъ онъ, „но и живу весьма

умѣренно. У меня такой аппетитъ, что я могъ бы ѣсть во всякое время; между тѣмъ я назначилъ для этаго часы, и перестаю прежде утоленія голода; чтожъ касается до питья, то вы знаете, что я крѣпкихъ винъ не употребляю. Вы говорите, что я довольно успѣлъ въ Англійскомъ языкѣ; я въ самомъ дѣлѣ былъ очень прилѣженъ. Англійскія газеты могу я читать довольно скоро и читаю ихъ весьма охотно. Правда, онѣ пишутся весьма дерзко, и издатели ихъ позволяютъ себѣ иногда колкія насмѣшки. Въ одной газетѣ на пр. называютъ меня сумасшедшимъ, въ другой тираномъ, въ третьей чудовищемъ, а въ четвертой — чего я вовсе не ожидалъ — трусомъ; не говорятъ, чтобы я боялся огня въ сраженіи, или въ какомъ нибудь случаѣ оказалъ боязливость, или наконецъ въ нещастіи лишился бы ума, — но порицаютъ меня единственно за то, что я не отравился, не бросился въ море, или не застрѣлился. Издатель етой газеты меня конечно не знаетъ. Я имѣю болѣе духа, нежели сколько потребно для самоубійства. Ваши газеты суть эхо вашихъ политическихъ партій: что одна партія хва-

лить, то другая порицаетъ. Кто не живетъ въ самомъ Лондонѣ, или въ окрестностяхъ онаго, и не видитъ происшествій своими глазами, однимъ словомъ, чужестранецъ никогда не будетъ имѣть вѣрнаго понятія изъ вашихъ газетъ объ истинномъ положеніи вещей и о точномъ характерѣ Англійскихъ Министровъ и чиновниковъ.« — Видя, что Бонапарте не довольствуется одними вопросами, но изъявляетъ и свои мнѣнія, вознамѣрился я съ своей стороны смѣло ему противорѣчить; ибо зналъ, что въ случаѣ неудовольствія онъ можетъ только сказать: „*Прощай, Докторъ Варденъ!*« и указать на двери. Но, къ великому моему удивленію, этаго не случилось, а еще къ большему спросилъ онъ меня: „Помните ли вы Исторію Англійскаго Капитана Рейта?« — Очень помню, отвѣчалъ я. Въ Англіи вообще думаютъ, что вы его приказали умертвить въ Тамплѣ. — Онъ возрасилъ мнѣ съ великою поспѣшностію: „Къ чему мнѣ было это дѣлать? Изо всѣхъ людей, которые находились въ моей власти, оставилъ бы я въ живыхъ его одного. Въ судѣ надъ заговорщиками Рейтъ могъ служить важнѣйшимъ свидѣтелемъ, по-

тому что онъ перевезъ главныхъ заговорщиковъ изъ Англіи во Францію (*). Примѣтя, что я смотрѣлъ на него со вниманіемъ, онъ продолжалъ: „Англійское Правительство перевезло помощію Капитана Рейта на военномъ бриггѣ цѣлой экипажъ заговорщиковъ и шпіоновъ изъ Лондона на западной берегъ Франціи. 70 Человѣкъ прибыли тайно въ Парижъ. Объ етомъ увѣдомилъ меня начальникъ Полиціи (кажется, что Бонапарте назвалъ его Реалемъ). Я получалъ ежедневно извѣстія, что противъ меня сдѣланъ заговоръ; но гдѣ заговорщики имѣли свои собранія, Полиція не могла узнать. Я принялъ особенныя мѣры касательно личной моей безопасности. Между тѣмъ военный

(*) Бонапарте зналъ, что Варденъ не преминетъ обнародовать свои бесѣды съ нимъ, и потому, какъ видно, умышленно заводилъ рѣчь обо всѣхъ важнѣйшихъ злодѣяніяхъ, въ которыхъ его упрекаютъ, чтобъ нѣкоторымъ образомъ оправдаться предъ свѣтомъ. Умерщвленіе Рейта, Пишегрю и другихъ доказано неоспоримыми свидѣтельствами. Теперь Бонапарте старается доказать, что онъ не нашелъ бы въ этихъ преступленіяхъ никакой пользы. Можетъ быть; но мы имѣемъ доказательства, что онъ не смотрѣлъ на пользу, когда дѣло шло объ удовлетвореніи личной его злобѣ или мщенію.

бриггЪ, командуемый КапитаномЪ Рейтомъ, былЪ взятЪ недалеко отЪ Лоріента, и онЪ самЪ попался вЪ руки Префекта Морбиганскаго, Генерала Жюліена, которой служилЪ со мною вЪ Египтѣ и узналЪ Капитана Рейта по первому взгляду. ИзЪ перваго допроса всего экипажа ничего не льзя было открыть; но когда начали разспрашивать матросовЪ по одиначкѣ, одинЪ изЪ нихЪ сказалЪ, что они перевезли многихЪ ФранцузовЪ изЪ Англіи во Францію и что начальникомЪ ихЪ *Пишегрю*. Тогда узнали мы весь заговорЪ, которой могЪ произвести вторую революцію. КапитанЪ РейтЪ привезенЪ былЪ вЪ ПарижЪ и посаженЪ вЪ Тампль, дабы вЪ свое время явиться свидѣтелемЪ вЪ судѣ по дѣлу заговорщиковЪ. По ФранцузскимЪ законамЪ надлежало его приговорить кЪ смерти; но я отнюдь не хотѣлЪ сего сдѣлать, — я почиталЪ его только второстепеннымЪ помощникомЪ, и голова его ни сколько мнѣ не была нужна; я желалЪ отЪ него узнать, когда и сколько человѣкЪ перевезЪ онЪ изЪ Англіи во Францію и поставить сЪ сими людьми вЪ очную ставку.“ — ПотомЪ Бонапарте увѣрялЪ меня, что КапитанЪ РейтЪ

самъ умертвилъ себя въ темницѣ и гораздо прежде, нежели о томъ объявлено было въ Монитерѣ. „Еще на островѣ Эльбѣ" присовокупилъ онъ, „пересмотрѣлъ я касающіяся до сего дѣла бумаги и сообщилъ сіе извѣстіе Лорду Эбрингтону (такъ онъ говорилъ, если не ошибаюсь), которой у меня былъ тамъ, и разспрашивалъ объ етомъ дѣлѣ."

Удивленіе мое, причиненное необыкновенною разговорчивостію Бонапарте, увеличилось, когда онъ заговорилъ объ участи Герцога Энгіенскаго, о которомъ его придворные, когда я во время нашего путешествія заводилъ о немъ рѣчь, всегда отвѣчали мнѣ околичностями.

Начавъ говорить о Герцогѣ Энгіенскомъ, Бонапарте очевидно пришелъ въ волненіе. Сперва сидѣлъ онъ на софѣ облокотившись небрежно, а потомъ сѣлъ прямо и возвысилъ голосъ: это меня поразило; я старался не проронить ни одного слова, и возвратясь въ свою комнату, немедленно написалъ весь разговоръ.

„Въ сіе критическое время удалось мнѣ возстановить во Франціи, изнуренной разными партіями и обагренной кровію, порядокъ и спокой-

ствіе. Народъ провозгласилъ меня своимъ начальникомъ. Я получилъ это званіе не такъ, какъ вашъ Кромвель или Рихардъ Третій; совсѣмъ нѣтъ! Я нашелъ корону въ могилѣ, очистилъ ее и надѣлъ себѣ на голову (*)! Дабы утвердить спокойствіе, которое я столь щастливо возстановилъ и поддержалъ (въ чемъ признавались сами начальники тогдашнихъ партій), потребна была личная моя безопасность. Но въ то же время получалъ я почти ежедневно отъ Полиціи рапорты, что сдѣланъ заговоръ, что заговорщики имѣютъ собранія, и что такія-то особы принадлежатъ къ числу заговорщиковъ; между тѣмъ Полиція не имѣла еще совершенно ясныхъ доказательствъ. Генералъ Моро навлекъ на себя подозрѣніе; меня просили приказать взять его подъ арестъ. Однако долго не могъ я повѣрить, чтобъ онъ участвовалъ въ заговорѣ; по его личному характеру и по общему уваженію, которымъ онъ пользовался, думалъ я, что онъ, находясь противъ меня въ заговорѣ, можетъ всего ли-

---

(*) Прекрасное оправданіе!

шиться, а въ случаѣ удачи ничего не выиграетъ. Основываясь на семъ мнѣніи, почиталъ я долгое время взведенное на него подозрѣніе ложнымъ. Вмѣсто приказанія арестовать его, написалъ я къ Министру Полиціи слѣдующее: „Вы говорите, что Пишегрю, Жоржъ и Моро находятся въ числѣ заговорщиковъ. Докажите, что Пишегрю дѣйствительно въ Парижѣ; тогда, а не прежде, прикажу я арестовать Моро. Странный случай открылъ намъ истину. Однажды ночью, не могши заснуть, всталъ я съ постели и взялъ списокъ подозрительныхъ. Судьбѣ, управляющей вселенною, угодно было обратить мое вниманіе прямо на имя одного Лѣкаря, возвратившагося во Францію изъ Англійскаго плѣна. По лѣтамъ его, обстоятельствамъ его жизни и опытности заключилъ я, что онъ оказываетъ ревность къ дѣлу Бурбоновъ, не по привязанности сердца, а за деньги. Я приказалъ взять этаго человѣка. Его допросили, обвинили, приговорили къ смертной казни и объявили ему, что чрезъ шесть часовъ будетъ она исполнена. Сіе извѣстіе произвело желанное дѣйствіе: онъ признался во всемъ. Тогда

мы узнали, что братъ Пишегрю, бывшій монахомъ, жилъ тогда въ Парижѣ. Отрядъ жандармовъ получилъ приказаніе отыскать сего монаха въ его жилищѣ. Если бы онъ при ихъ прибытіи скрылся, то сіе послужило бы яснымъ поводомъ къ подозрѣнію; но старый монахъ былъ дома и при взятіи сказалъ въ страхѣ: За что берутъ меня? Не уже ли за то, что я принялъ къ себѣ роднаго моего брата? не уже ли это преступленіе? Такимъ образомъ узнали мы вдругъ все, чего желали. Заговорщики намѣрены были меня убить; и такъ, если бы заговоръ удался, то я не остался бы въ живыхъ. Сей планъ сдѣланъ былъ въ Лондонѣ Членами прежней Французской Королевской Фамиліи. На сей конецъ одинъ изъ нихъ отправленъ былъ въ западную часть Франціи, а другой, Герцогъ Энгіенскій, на восточную границу; Англійскіе, корабли привезли второстепенныхъ агентовъ сего заговора на Французской берегъ, и они-то успѣли преклонить Моро на свою сторону. Высота, на которой я тогда стоялъ, такъ сказать, поколебалась подо мною и громовая туча носилась надъ моею головою; нечего

было дѣлать: надлежало отвезти ударъ отъ себя и направить его въ Бурбоновъ. Министръ мой настаивалъ, чтобъ я приказалъ задержать Герцога Энгіенскаго, не смотря на то, что онъ жилъ въ неутральной землѣ. Два раза Принцъ Беневентскій предлагалъ мнѣ для подписанія указъ о семъ, и два раза я не соглашался; но наконецъ долженъ былъ признать, что сей поступокъ неотмѣнно нуженъ. Съ Баденскимъ Маркграфомъ легко могъ я сладить. Долженъ ли я былъ терпѣть близь границы человѣка, который имѣлъ такіе замыслы, и который по обыкновеннымъ правамъ и при меньшей винѣ попался бы на эшафотъ? — Скажите сами, развѣ я тутъ сдѣлалъ что нибудь болѣе Англіи, захватившей Датскій флотъ потому только, что она опасалась отъ него вреда (*)? Ежедневно твердили мнѣ, что пока прежняя династія существуетъ, но-

(*) Объявить войну Державѣ, находящейся въ сношеніи съ непріятелемъ, напасть на ея флотъ, взять и увести его — или подобно ночному убійцѣ ворваться въ неутральную землю, схватить безоружнаго, и во мракѣ темницы умертвить его — умертвить того, чей тронъ занятъ хищеніемъ и коварствомъ, — что позволительнѣе? —

вая не будетъ въ безопасности. Это было правиломъ Талейрана, истиннымъ основаніемъ его политики. Однако онъ обратилъ меня къ оному не скоро и не легко. Я долго объ этомъ размышлялъ; и наконецъ самъ понялъ важность этой мѣры. Герцогъ Энгіенскій былъ въ числѣ заговорщиковъ, и хотя онъ находился въ неутральной землѣ, однако это не могло меня удержать отъ принятія противъ него мѣръ, потому что дѣло шло не только о моей личной безопасности, но и объ общемъ спокойствіи, если еще не болѣе. Я приказалъ его арестовать, судить и разстрѣлять, и въ этомъ повиновался одной необходимости. Приговоръ немедленно былъ исполненъ, и то же самое случилось бы, еслибъ я вмѣсто его получилъ въ свою власть Людовика XVIII самаго; ибо, повторяю, что въ тогдашнемъ моемъ положеніи мнѣ оставалось одно средство: направить обратно на Лондонъ тотъ ударъ, который мнѣ готовились нанести оттуда. Ваши единоземцы приписываютъ конечно мнѣ же и смерть Пишегрю?“ — Я отвѣчалъ: Безъ сомнѣнія въ Англіи думаютъ вообще, что Пишегрю по вашему приказанію

умерщвленъ въ своей темницѣ. — На это Бонапарте возразилъ съ жаромъ: „Какъ глупо и криво объ этомъ судятъ! — доказательство, что выхваляемый разсудокъ Англичанъ не можетъ еще освободиться отъ заблужденій. Скажите, для чего мнѣ умертвить тайно человѣка, который уже осужденъ закономъ? Вотъ, въ разсужденіи Моро, другое дѣло. Если бы онъ умеръ въ темницѣ, то можнобъ было сомнѣваться въ самоубійствѣ. Онъ пользовался уваженіемъ и любовію всего народа и арміи; и такъ, если бы по закону достоинъ былъ смертной казни, и не былъ бы казненъ публично, то при всей невинности моей ни что не могло бы избавить меня отъ гнуснаго подозрѣнія, что я приказалъ втайнѣ лишить его жизни!“ Тутъ Бонапарте остановился. Я сказалъ: — Можетъ быть и въ Англіи были люди, которые по тогдашнему вашему критическому положенію въ строгомъ поступкѣ вашемъ съ Герцогомъ Энгіенскимъ васъ оправдывали; напротивъ того, я увѣряю васъ, никто не сомнѣвался въ томъ, что взятіе подъ арестъ, судъ и казнь были произведены въ одно почти время! — Бонапарте отвѣчалъ поспѣш-

но: „Въ этомъ совѣсть меня ни мало не упрекаетъ. Повторяю вамъ, что съ самимъ Лудовикомъ XVIII я сдѣлалъ бы то же самое, и торжественно увѣряю, что прежде исполненія приговора я не получалъ отъ Герцога ни словеснаго, ни письменнаго оправданія."

Здѣсь долженъ я присовокупить, что Герцогъ послалъ письмо на имя Бонапарте къ Талейрану, и что сей послѣдній отвѣчалъ: „Я отдамъ его тогда, когда оно не будетъ въ состояніи помочь ему." Копію съ этаго письма видѣлъ я собственными глазами у Лаказа; вотъ она: „Я увѣренъ, что всѣ надежды Фамиліи Бурбоновъ изчезли, и въ доказательство совершеннаго моего въ этомъ увѣренія торжественно увѣряю, что я взираю уже на Францію какъ частный человѣкъ и люблю ее какъ свое отечество съ истиннымъ патріотизмомъ; о Французской коронѣ болѣе не помышляю: она находится внѣ моего круга и не можетъ быть никогда возвращена. И такъ прошу мнѣ даровать жизнь, и позволить мнѣ, подобно всякому Французу, служить отечеству и проливать за него свою кровь. Я готовъ служить въ томъ

званіи, какое мнѣ дадутъ, съ вѣрностію и храбростію, повиноваться волѣ и приказаніямъ правительства, въ чьихъ бы рукахъ оно ни находилось, присягнуть оному, и если мнѣ дарована будетъ жизнь, сражаться со всѣми врагами Франціи.« — Таково содержаніе письма, которое Талейранъ взялъ на себя отдать, когда уже то будетъ поздно. — Симъ оканчивается мое дополненіе (*).

Наполеонъ продолжалъ говорить о Бурбонской Фамиліи. „Если бы мнѣ надобно было получить въ свои руки котораго нибудь изъ Бурбоновъ, или всѣхъ ихъ вмѣстѣ, то въ этомъ не имѣлъ бы неудачи. Ваши Англійскіе контрабандисты торговались со мною за доставленіе каждаго члена сей Фамиліи особенно (мнѣ кажется, онъ сказалъ: по 40,000 фр. за голову). Но когда дѣло дошло до дѣйствительнаго заключенія сего договора, они объявили, что не ручаются доставить ихъ живыхъ. Я же не на-

(*) Не трудно увидѣть, что оно совершенно подложно. Тотъ, кто въ жизни никогда не преклонялся предъ тираномъ, не въ состояніи былъ на краю гроба цѣною чести купить жалкое существованіе!

ходилъ пользы въ ихъ смерти, и оставилъ это дѣло безъ вниманія, тѣмъ болѣе, что въ то время могъ почитать себя уже безопаснымъ на тронѣ, и слѣдственно оставить Бурбоновъ въ покоѣ. Я отнюдь не хотѣлъ по прихоти и безъ нужды проливать кровь, хотя въ Англіи думали противное. Къ чему бы мнѣ это служило? Приказавъ арестовать Англійскихъ Посланниковъ Сира Румбольда и Г. Драке, лишилъ ли я ихъ жизни?« Здѣсь онъ остановился и замолчалъ. Я же, видя готовность его свободно объясняться, вознамѣрился продолжать свои вопросы. — Изъ всего, что отличаетъ особенно ваше удивительное правленіе, сказалъ я, непонятнѣе для насъ въ Англіи было то, какъ вы пошли въ Россію, не окончивъ еще дѣло съ Испаніею, къ чему тогда невидно было ни малѣйшей надежды.« — Съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я отвѣта; но онъ на это ничего не сказалъ, опять началъ говорить, какъ будто не слыхалъ моихъ словъ, о прежнемъ, и повторилъ все вышеприведенное.

„Меня обвиняли въ Англіи« продолжалъ Бонапарте, „что я на походѣ Египетскомъ сжегъ въ Яффѣ ла-

заретъ, наполненный ранеными солдатами моей арміи. Такой поступокъ возмутилъ бы противъ меня всѣ мои войска, и я лишился бы моего начальства. Ни въ какомъ случаѣ не поступалъ я съ большею извѣстностію, какъ именно въ этомъ. Англійскій Офицеръ Робертъ Вильсонъ написалъ о моемъ походѣ въ Египетъ длинную и толстую книгу" — при сихъ словахъ Бонапарте сдѣлалъ весьма смѣшное тѣлодвиженіе — „можетъ быть и вы его читали?" — Читалъ, отвѣчалъ я. — „Вѣроятно писалъ онъ ее по слухамъ, и по слухамъ недостовѣрнымъ; очевиднымъ же свидѣтелемъ онъ не бывалъ никогда. Скажите мнѣ, помѣщалъ ли когда нибудь Сиръ Сидней Смитъ въ своихъ оффиціальныхъ донесеніяхъ вашему Правительству что-либо въ подтвержденіе словъ Сира Роберта Вильсона?" — Я не могъ хорошо объ этомъ вспомнить, но отвѣчалъ такъ, какъ дѣйствительно думалъ: — Нѣтъ, ничего. — Сколь ни слабо было это свидѣтельство, однако казалось, что Бонапарте былъ имъ весьма доволенъ, ибо онъ сказалъ съ жаромъ: „И я то же думаю, потому что Сиръ Сидней Смитъ добрый и честный человѣкъ." —

Я замѣтилъ, что въ Англіи почти вообще подозрѣвали его въ смертельной ненависти къ Сиру Сиднею Смиту и что онъ утолилъ сію ненависть надъ Капитаномъ Рейтомъ. Съ усмѣшкою, показывавшею удивленіе, что людямъ пришло въ умъ соединить такимъ образомъ имена Сира Сиднея Смита и Сира Роберта Вильсона, отвѣчалъ онъ: „Какая нелѣпая ложь!" и потомъ пустился въ слѣдующія подробности: „По снятіи осады съ Сенъ-Жанъ-д'Акра армія отступила къ Яффѣ; она не могла пойти иначе, хотя видно было, что если Ягга-Паша вышлетъ противъ нее сильной корпусъ, не льзя удержать этаго поста. У насъ много было больныхъ и раненыхъ, которыхъ я при отступленіи съ осторожностію отправилъ впередъ. Одна часть была перевезена на повозкахъ, какія тогда случились, другая водою въ Даміэтту, а остальная принуждена была какъ нибудь идти съ арміею чрезъ степь. Въ карантинномъ лазаретѣ, по донесенію Генералъ-Хирурга (кажется Деженетта) находилось семеро зараженныхъ моровою язвою. Они были такъ трудны, что, по увѣренію Лѣкаря, не могли прожить болѣе двухъ

сутокъ.« — Здѣсь прервалъ я Бонапарте, сказавъ: — Семь человѣкъ! такъ ли я дослышалъ? только семеро! — »Вижу« повторилъ Бонапарте, »что ваши извѣстія съ симъ не согласны!« — Точно такъ, Ваше Превосходительство. Сиръ Робертъ Вильсонъ полагаетъ ихъ числомъ до 57, или 77, или, лучше сказать, онъ говоритъ, что всѣ ваши больные и раненые были заражены тою болѣзнію. — Бонапарте продолжалъ: »Турецкая армія была многочисленна; безчеловѣчные ея поступки съ военноплѣнными, особливо съ Христіянами, наводили на мои войска ужасъ, и я всячески старался препятствовать ей брать плѣнныхъ. Это самое случилось съ сими зараженными. Перевезти ихъ было не возможно; вся армія могла отъ нихъ погибнуть; на попеченіе Англичанъ также не могъ я ихъ оставить. Я призвалъ къ себѣ Лѣкаря, открылъ ему, что долѣе не могу въ семъ мѣстѣ держаться, и обьяснилъ, что сдѣлаютъ Турки съ сими больными, если займутъ городъ: какъ вы думаете, сказалъ я ему, куда ихъ дѣвать? Онъ призадумался и потомъ отвѣчалъ: Они не проживутъ болѣе двухъ сутокъ. Я примѣтилъ, что

онъ удерживаетъ свой совѣтъ и дожидается, чтобъ я предложилъ его; и такъ я ему сказалъ: не льзя ли дать имъ опіума, котораго бы и я самъ желалъ принять въ подобныхъ обстоятельствахъ? Однако, вопреки моему ожиданію, Лѣкарь на это не соглашался. Я пробылъ въ Яффѣ съ арміею еще сутки и оставилъ сильный арріергардъ, который держался тамъ еще два дни. Офицеръ, командовавшій имъ, донесъ мнѣ, по соединеніи его съ арміею, что больные язвою умерли прежде его выхода.« Невольнымъ образомъ вскричалъ я: — И такъ не было употреблено опіума! — „Не было, не было« отвѣчалъ Бонапарте твердымъ голосомъ; „больные умерли еще прежде выхода моего арріергарда.«

„Послушайте« продолжалъ Бонапарте, „теперь я вамъ обьясню происшествія въ Эль-Аришѣ и съ Яффскимъ гарнизономъ. Вы безъ сомнѣнія читали, что я велѣлъ разстрѣлять въ Яффѣ всѣхъ Турокъ?« — Читалъ, отвѣчалъ я; у насъ въ Англіи часто говорили объ этомъ. „Хорошо« сказалъ Бонапарте, „вотъ какъ это было: Генералъ Дезе стоялъ тогда въ Верхнемъ Египтѣ, а Генералъ Клеберъ

въ окрестностяхъ Даміетты; я вышелъ изъ Каира чрезъ пустыню и хотѣлъ соединиться у Эль-Ариша съ корпусомъ Клебера. На сей конецъ атаковалъ я Эль-Аришъ и взялъ его на капитуляцію. Большая часть попавшихся при семъ случаѣ въ плѣнъ состояла изъ жителей горы Фавора, особливо изъ Назаретянъ. Симъ последнимъ было обЪявлено, что они могутъ возвратиться въ свою отчизну, если только дадутъ обѣщаніе жить мирно и внушить своимъ единоземцамъ, что Французы имѣютъ дѣло не съ ними, а съ одними Турками, и что они будутъ поступать непріятельски только съ тѣми, которыхъ найдутъ союзниками Турокъ съ оружіемъ въ рукахъ. По взятіи съ нихъ сего обѣщанія, ихъ отпустили, и армія подвинулась къ Яффѣ. На дорогѣ взяли мы Газу. Сіе мѣсто показалось съ перваго взгляда крѣпкимъ. Я послалъ для требованія сдачи парламентера; но лишь только онъ подъѣхалъ къ воротамъ, какъ его стащили съ лошади, отрубили ему голову, подняли ее на колъ и выставили на городской стѣнѣ. При семъ видѣ войска мои пришли въ ярость и требовали взятія города приступомъ. Я изъ-

явилъ свое согласіе, и при семъ приступѣ произошло ужаснѣйшее кровопролитіе. Ночь прекратила битву. На разсвѣтѣ мнѣ было донесено, что между остатками непріятельскаго гарнизона находятся пять сотъ человѣкъ изъ тѣхъ горныхъ жителей, которыхъ я отпустилъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ изъ Эль-Ариша въ ихъ отчизну съ извѣстнымъ условіемъ. Мои Офицеры узнали сихъ вѣроломныхъ, и я приказалъ ихъ всѣхъ разстрѣлять предъ фронтомъ.« Во время сего разсказа замѣтилъ я усильное его желаніе, чтобъ я хорошо понялъ всѣ сіи обстоятельства; онъ часто останавливался и всякой разъ спрашивалъ: понимаете ли вы меня? Разумѣете ли? Съ большимъ щерпѣніемъ выслушивалъ онъ мои возраженія. Когда я не могъ вдругъ отвѣчать ему, онъ говорилъ: подумайте! Мнѣ весьма жаль было, что я не могъ вспомнить всего, о чемъ бы не худо было узнать его мнѣніе. Онъ обратилъ опять рѣчь свою на Сира Роберта Вильсона. »Какъ вы думаете о его воинскихъ подвигахъ и какую пользу принесъ онъ своимъ сочиненіемъ; получилъ ли онъ за него довольно денегъ?« — Я отвѣчалъ: Самъ не

могу я судить о немъ; но по мѣсту и чину его полагаю, что Англійскій военный Департаментъ почиталъ его хорошимъ Офицеромъ, и, сколько я знаю, считаютъ его также въ числѣ лучшихъ писателей о военномъ дѣлѣ. — „Я желалъ бы знать" продолжалъ Бонапарте, „почему Вильсонъ такъ горячо вступился за Лавалетта, который, какъ всѣмъ извѣстно, былъ другомъ человѣка, жестоко оклевѣтаннаго Вильсономъ?" Я не зналъ, что отвѣчать; но онъ мнѣ далъ время собраться съ мыслями. — Хотя мнѣ навѣрное не извѣстно, сказалъ я, какія причины побудили Генерала Вильсона принять участіе въ дѣлѣ Г. Лавалетта; однако могу увѣрить, что онъ сдѣлалъ не изъ какого нибудь подлаго побужденія, а можетъ быть по склонности къ романическимъ приключеніямъ; къ подлости или корыстолюбію никто въ Англіи не считаетъ его способнымъ. Это доказывается тѣмъ, что онъ и его помощники, по возвращеніи въ Англію, вездѣ были принимаемы съ уваженіемъ. — Тутъ онъ прервалъ мою рѣчь: „Все, что вы говорите, почитаю я справедливымъ. Повѣрьте также и мнѣ, что если бы можно было способствовать бѣгству

Лавалетта деньгами, то въ этомъ не было бы недостатка. И такъ, ежели сіе произошло не за деньги, то услугу, оказанную Сиромъ Робертомъ Вильсономъ Лавалетту, почитаю я началомъ его извиненія въ томъ, что онъ прежде того столь жестоко оскорблялъ меня своими клеветами (*)." (Замѣчу мимоходомъ, что во время переѣзда на островъ Св. Елены находился на кораблѣ Нортумберландѣ сынъ Сира Роберта Вильсона въ чинѣ унтеръ-офецера.)

Я вспомнилъ, что во время переѣзда моего въ 1807 году изъ Лиссабона въ Англію съ Лордомъ Стуартомъ нѣкто Г. Беннетъ разсказывалъ Лорду, будто бы Г. Фоксъ спрашивалъ Бонапарте въ Сенъ-Клу о дѣйствіи адской машины. Видя Бонапарте въ хорошемъ расположеніи, осмѣлился я предложить ему вопросъ: дѣйстви-

(*) Сколько я знаю, Лавалеттъ былъ у Бонапарте въ особенной милости и весь Лонгвудскій придворный штатъ оказалъ великую радость, получивъ извѣстіе о щастливомъ его побѣгѣ. Генералъ Бертранъ сказалъ между прочимъ въ похвалу Лавалетта, что онъ во все время управленія своего почтою умѣлъ отклонять всякую безполезную строгость, и что чрезъ него никто не сдѣлался нещастливымъ.

тельно ли онъ имѣлъ разговоръ съ Г. Фоксомъ объ этомъ происшествіи? „Чтожъ я сказалъ, по мнѣнію Англичанъ?“ спросилъ онъ. — Говорятъ, продолжалъ я, слѣдующее: Однажды ввечеру поѣхали вы въ театръ; въ одной узкой улицѣ поставлена была тележка о двухъ колесахъ, такъ, что вашъ кучеръ никакъ не могъ проѣхать мимо; въ самомъ дѣлѣ задѣлъ онъ за нее заднимъ колесомъ вашей кареты, и опрокинулъ тележку, которая вскорѣ потомъ взлетѣла на воздухъ съ великимъ трескомъ, не причинивъ вамъ ни малѣйшаго вреда, потому что вашъ кучеръ весьма скоро уѣхалъ, и вы во-время взрыва находились уже далеко. — „Все это правда!“ сказалъ Бонапарте. Я продолжалъ: — Потомъ пріѣхали вы въ театръ съ такимъ видомъ, какъ будто ничего не случилось. — При сихъ словахъ Бонапарте наклонилъ съ усмѣшкою голову, или лучше сказать, сдѣлалъ небольшой поклонъ. — Говорятъ, продолжалъ я, что вы въ разговорѣ своемъ съ Г. Фоксомъ обвиняли Англичанъ въ семъ покушеніи лишить васъ жизни. — „Точно такъ,“ отвѣчалъ онъ. — Вы даже называли Г. Виндама изобрѣтателемъ сей ма-

шины. — „Да, Г. Виндама“ повторилъ Бонапарте (и выговорилъ это имя такъ, какъ оно здѣсь написано). — Г. Фоксъ, явно вамъ противорѣчилъ, и сказалъ, что смертоубійство противно Англійскому народному характеру; и хотя онъ съ Г. Виндамомъ не состоитъ ни въ какой связи, однако можетъ утверждать, что онъ, какъ Англійскій Посланникъ, вовсе былъ неспособенъ, какимъ бы то образомъ ни было, вспомоществовать сему злодѣянію. — „Да“ отвѣчалъ Бонапарте, „я имѣлъ подозрѣніе на Г. Виндама, и утверждаю, что въ этомъ злодѣяніи участвовало Англійское Правительство. Оно употребляло деньги на сіе и подобныя предпріятія.“ Сей упрекъ меня оскорбилъ, и я отвѣчалъ съ жаромъ: — Мы, Англичане, гнушаемся убійцами, ибо всякой убійца бываетъ и подлецомъ; ручаюсь, что въ этомъ всякой Англичанинъ безъ изъятія будетъ одного мнѣнія съ Г. Фоксомъ. — На это Бонапарте ничего не отвѣчалъ; однако не льщусь надеждою, чтобъ я увѣрилъ его въ несправедливости его мнѣнія объ Англичанахъ. Я замолчалъ. — Вдругъ Бонапарте началъ жаловаться, что у него болитъ боль-

шой палецЪ правой ноги; онЪ описалЪ мнѣ боль и спросилЪ: „Не подагра ли это?" — Можетъ быть эта болѣзнь наслѣдственная вЪ вашей фамиліи? спросилЪ я сЪ своей стороны. „Родители мои никогда, кажется, на нее не жаловались; но теперь я вспомнилЪ, что дядя мой ФешЪ страдаетЪ подагрою." — Хотя бы она была и наслѣдственною болѣзнію, продолжалЪ я; но когда человѣкЪ вЪ молодости велЪ умѣренную жизнь и былЪ всегда вЪ движеніи, то она обыкновенно обнаруживается только вЪ старости, да и тогда не сильно. Вы донынѣ вели самую дѣятельную жизнь, и теперь должны чаще находиться вЪ движеніи; но вы почти вовсе не выѣзжаете. — „Правда, правда!" возразилЪ Бонапарте: „положенныя мнѣ границы слишкомЪ тѣсны, и я не могу порядочно прогуляться; а сверхЪ того всегда ѣздитЪ за мною ОфицерЪ: это мнѣ несносно. Я буду довольствоваться небольшою прогулкою, хотя бы это мнѣ было и нездорово. Доселѣ я не чувствую никакого уменьшенія здоровья; человѣкЪ можетЪ по нуждѣ во многомЪ себѣ отказывать. Было время, когда я шесть лѣтЪ сряду ежедневно по-

крайней мѣрѣ по шести часовъ ѣздилъ верхомъ, а въ другое время 18 мѣсяцовъ не выходилъ изъ комнаты.“ Потомъ началъ онъ опять горько жаловаться на то, что за нимъ всегда ѣздитъ Офицеръ. „Вы сами знаете положеніе острова“ продолжалъ онъ: „признайтесь, что если поставить на высотахъ часовыхъ, то они меня вездѣ будутъ видѣть съ самаго моего выхода изъ дома и до возвращенія. Если мало одного караула, то поставьте на всякую гору болѣе, хотя цѣлый кавалерійскій пикетъ съ Офицеромъ. Меня всегда можно имѣть въ виду, только чтобъ не было безпрерывно подлѣ меня Офицера.“

Ввечеру разспрашивалъ Бонапарте Капитана Бетти, служащаго въ морскихъ полкахъ, весьма подробно о состояніи и службѣ солдатъ на Англійскихъ корабляхъ. Капитанъ Бетти былъ съ Сиромъ Сиднеемъ Смитомъ на Востокѣ и именно при осадѣ Сенъ-Жанъ-д'Акра, о которой Бонапарте не могъ вспоминать съ удовольствіемъ; но когда зашла рѣчь о семъ обстоятельствѣ, то Бонапарте сказалъ съ веселымъ лицемъ, дергая Капитана въ шутку за ухо: „Ахъ, плутъ, плутъ! вы были въ Сенъ-Жанъ-

д'Акрѣ?« — Потомъ спросилъ онъ: „Что сдѣлалось съ Сиромъ Сиднеемъ Смитомъ?« Ему отвѣчали, что Смитъ, находится нынѣ въ Германіи и сдѣлалъ Вѣнскому Конгрессу предложеніе разорить разбойничьи гнѣзда на Варварійскихъ берегахъ. „Правда,« сказалъ Бонапарте, „стыдно всѣмъ Европейскимъ Державамъ, что онѣ позволяютъ до сихъ поръ производить тамъ разбои.« Послѣ сихъ Бонапартевыхъ словъ я нимало не сомнѣваюсь, что онъ дѣйствительно, какъ тогда пронесся слухъ, во время кратковременнаго мира, бывшаго въ его Консульское правленіе между Англіею и Франціею, предлагалъ чрезъ Генерала Андреосси Англійскому Кабинету истребить общими силами Англіи и Франціи Варварійскихъ морскихъ разбойниковъ, и что онъ давалъ на сей конецъ свои сухопутныя войска, а Англія долженствовала вспомоществовать всѣми морскими пособіями. Сіе предложеніе не было тогда принято Англіею, безъ сомнѣнія по весьма основательнымъ причинамъ; вскорѣ послѣ сего возгорѣвшаяся между Англіею и Франціею война не позволила возобновить оное съ Французской стороны.

Бонапарте завелъ потомъ рѣчь объ Англійской артиллеріи; казалось, что эта часть военнаго искуства особенно его занимала, можетъ быть потому, что онъ, если не ошибаюсь, самъ началъ служить по сей части, а можетъ быть и по тому, что въ послѣднемъ сраженіи при Ватерло Англійская артиллерія показалась ему важнѣе, нежели когда нибудь. Онъ пустился во всѣ подробности, и чтобы ничего не пропустить, а также, чтобы понять всѣ искуственныя выраженія, призвалъ онъ Графа Лаказа, который въ случаѣ нужды отправлялъ должность переводчика. Говоря объ ученіи кадетъ, старался онъ всячески увѣрить, что артиллеристамъ надлежитъ имѣть основательныя Математическія, Физическія и Химическія познанія. Онъ удивлялся, что Англичане употребляютъ въ числѣ полевыхъ орудій и 12-фунтовыя пушки. Вообще кажется, что онъ не имѣетъ еще правильнаго понятія о совершенствѣ нашей артиллеріи. Всякъ конечно помнитъ, что въ 1805 году Бонапарте угрожалъ Англіи высадкою. Сіе предпріятіе почиталось вообще неудобоисполнимымъ и потому никто о немъ и не

безпокоился. Но Бонапарте увѣрялъ, что онъ дѣйствительно хотѣлъ сіе сдѣлать. „Я собралъ“ говорилъ онъ, „на сей конецъ 200,000 человѣкъ на берегу и намѣренъ былъ при переправѣ лично ими предводительствовать. Предпріятіе мое было отважно, но планъ его хорошо былъ обдуманъ, и въ случаѣ удачи я вдругъ выигралъ бы все!“ — На маленькихъ судахъ, на которыхъ хотѣли вы переправиться, не далеко бы вы отъѣхали, отвѣчали мы; ибо одинъ Англійской корабль, подобный Нортумберланду, потопилъ бы вдругъ 50 таковыхъ. „Хорошо“ продолжалъ онъ; „но прежде нежели бы я пустился въ путь, не было бы въ каналѣ ни одного Англійскаго военнаго корабля, или по крайней мѣрѣ очень мало. Чтобы отвлечь ихъ изъ канала, Адмиралъ Вильневъ долженъ былъ съ соединеннымъ Французскимъ и Испанскимъ флотомъ отправиться къ Мартиникѣ, а нѣсколько обсерваціонныхъ эскадръ вышли бы равномѣрно въ море. На извѣстной высотѣ Адмиралъ Вильневъ долженъ былъ перемѣнить свой путь, поворотить къ Европѣ и войти въ каналъ. Въ то самое время моя флотилія вышла бы въ море изъ Остен-

ды, Дюнкирхена, Булони и другихъ гаваней. Мое намѣреніе было немедленно по высадкѣ идти прямо чрезъ Чатамъ на Лондонъ. Но Адміралъ Вильневъ встрѣтился на обратномъ пути въ Европу съ вашимъ Адмираломъ Калдеромъ, былъ побитъ и къ нещастію принужденъ бѣжать отъ него въ Ферролль. Тутъ получилъ онъ отъ меня приказаніе пойти опять въ море и дѣйствовать по прежнему моему предписанію; но вмѣсто того онъ обратился въ Кадиксъ; онъ могъ бы" вскричалъ Бонапарте грознымъ голосомъ »плыть также въ Остъ-Индію! Я послалъ въ Кадиксъ Офицера, который долженъ былъ принять отъ него начальство; но за два дни до его прибытія онъ вышелъ уже изъ Кадикса, и тогда произошло Трафалгарское сраженіе.« — Здѣсь Бонапарте замолчалъ. (Извѣстно, что Вильневъ возвратился во Францію, но чрезъ нѣсколько дней, какъ говорятъ, лишилъ самъ себя жизни.)

Однажды, когда говорили о самоубійствѣ, я сказалъ Бонапарте прямо, что въ Англіи не понимаютъ, почему онъ не лишилъ себя жизни, а согласился ѣхать на островъ Св. Елены.

Онъ отвѣчалъ хладнокровно: „Нѣтъ, нѣтъ! мой Римскій духъ не достигаетъ до самоубійства.“ Плачевный конецъ Вайтбрида подалъ поводъ къ сему разговору. Бонапарте весьма хвалилъ Вайтбрида и особенно за то, что онъ умѣлъ соединять жарчайшую любовь къ отечеству съ свободнѣйшими мыслями противъ непріятелей онаго, и присовокупилъ: „Такого умнаго человѣка могли побудить къ самоубійству однѣ только физическія причины, — можетъ быть сырой, туманный климатъ Англіи. Вашъ Ноябрь мѣсяцъ“ продолжалъ онъ, „можетъ причинить подобное нещастіе; онъ дѣлаетъ людей такими ипохондриками, что наконецъ жизнь бываетъ имъ въ тягость.“ — Онъ говорилъ еще нѣсколько времени объ этомъ предметѣ, и заключилъ напослѣдокъ слѣдующимъ разсужденіемъ: „Я почитаю самоубійство величайшимъ преступленіемъ, въ которомъ ничѣмъ не льзя оправдаться. Основаніемъ онаго бываетъ всегда трусость, какъ бы она глубоко ни скрывалась. Можетъ ли тотъ, кто не имѣетъ довольно присутствія духа, чтобъ перенести злополучіе, почитаться мужественнымъ? Истинное геройство состоитъ

единственно въ борьбѣ со всѣми бѣдствіями въ жизни, какъ бы они ни назывались.“

Перемѣня вдругъ, почти невѣроятнымъ образомъ, разговоръ, спросилъ онъ меня: „Искусны ли вы въ физіономикѣ?“ — Я ей не учился. — „Читали ли вы Лафатерово сочиненіе о физіономикѣ?“ — Читалъ. — „Можете ли вы судить по лицу человѣка о его душевныхъ качествахъ?“ — Я умѣю только сказать: это лице мнѣ нравится, а это нѣтъ! — „Точно такъ! Примѣтили ли вы физіономію Губернатора?“ — Примѣтилъ! — „Ну, какова она?“ — Признаться, мнѣ лучше нравится физіономія его супруги. — При сихъ словахъ онъ громко захохоталъ. Я желалъ, чтобъ онъ оставилъ этотъ разговоръ; но онъ сталъ сравнивать физіономію прежняго, и говорилъ объ этомъ такъ много и такъ скоро, что я не могъ ни понять всего, ни удержать въ своей памяти.

Чрезъ нѣсколько дней былъ я опять въ Лонгвудѣ, когда Губернаторъ острова Явы Г. Раффлесъ, на обратномъ пути въ Лондонъ, получилъ позволеніе представиться Бонапарте. Такого нетерпѣнія видѣть Бо-

напарте, какое имѣлъ Г. Роффлесъ, никто въ свѣтѣ не имѣлъ; ему доставили эту честь, и сдѣланный ему пріемъ привелъ его въ восторгъ. По окончаніи аудіенціи Бонапарте позвалъ меня къ себѣ въ садъ. Карета его стояла у воротъ, верховыя лошади были подведены и весь его придворный Штатъ находился въ парадѣ. Мой приходъ сдѣлалъ нѣкоторое помѣшательство; ибо, вмѣсто того, чтобъ сѣсть въ карету, Бонапарте спросилъ меня: „Знаете ли вы этаго Губернатора Явы?" Бонапартева свита стояла безъ шляпъ; дамамъ вовсе не нравился начинающійся разговоръ, потому что въ это время поднялся сильный вѣтръ, весьма имъ непріятный при ихъ легкой одеждѣ. Я снялъ шляпу, но тотчасъ опять надѣлъ, не смотря на вѣжливости прочихъ господъ, и отвѣчалъ: не знаю; я въ первый разъ его сегодня видѣлъ. — „Знаете ли вы островъ Яву?" — По описанію. — „Голландцы называли климатъ Явы заразительнымъ; но нынѣ думаютъ объ немъ иначе." — Правда, по крайней мѣрѣ тамошній нашъ гарнизонъ нашелъ его не столь жестокимъ, какъ намъ его описывали. — „Лѣчили ли вы когда нибудь зараженн-

наго моровою язвою?" — Никогда! — „Однако вы знаете язву?" — Изъ книгъ! — „Египетская армія была оною заражена, и я принужденъ былъ ободрять тѣхъ, которые были еще здоровы. Два года скрывалъ я отъ солдатъ то, что я самъ слишкомъ хорошо зналъ. Впрочемъ болѣзнь сія распространяется единственно чрезъ дыханіе." — Я слыхалъ, сказалъ я, что она распространяется также и чрезъ тѣлесное прикосновеніе. — „Совсѣмъ нѣтъ" отвѣчалъ онъ. „Я всякой день ходилъ въ госпиталь, и чтобъ ободрять тѣхъ, которые ходятъ за больными, всегда нарочно до нихъ дотрогивался; ибо я былъ увѣренъ изъ разныхъ наблюденій, что болѣзнь сообщается только посредствомъ дыханія. По этому я безъ всякаго опасенія ходилъ въ больницу, выпивъ напередъ стакана два хорошаго вина, и становился къ постелямъ такъ, чтобъ вѣтеръ дулъ отъ меня къ больному." — По прошествіи четверти часа, когда уже вѣтеръ становился дамамъ несноснымъ, хотѣлъ я распрощаться; но Бонапарте этаго не замѣтилъ, и поговоривъ еще немного со мною, раскланялся, и подалъ Генеральшѣ руку, чтобъ подвести ее

къ каретѣ. Генералъ Бертранъ пошелъ за ними, а я подлѣ него, чтобъ ихъ проводить. Когда они уже сѣли, Бонапарте закричалъ мнѣ: „Здѣсь есть мѣсто для чет ›ртаго; не угодно ли вамъ съ нами ѣхать?“ Я на это согласился, и признаюсь, что ничего не можетъ быть пріятнѣе сей прогулки. — Карета ѣхала весьма скоро, а Бонапарте былъ очень веселъ. Онъ началъ говорить по Англійски, обнялъ рукою Г-жу Бертранъ и вскричалъ, оборотясь ко мнѣ: „Вотъ моя любезная; о, нѣтъ, не любезная; да, да, любезная.“ Между тѣмъ, какъ Графиня старалась отъ него освободиться, мужъ ея смѣялся во все горло. Бонапарте спросилъ меня: „Развѣ онъ худо произнесъ сіи слова по Англійски?“ — Когда я ему обьяснилъ, что разумѣется въ такихъ обстоятельствахъ подъ словомъ любезная, онъ присовокупилъ: „О нѣтъ, нѣтъ; я хотѣлъ сказать: мой другъ, моя пріятельница; нѣтъ, не люзная; я хотѣлъ сказать: пріятельница.“ Г-жа Бертранъ была нѣсколько дней нездорова, и такъ казалось, что при семъ первомъ выѣздѣ Бонапарте хотѣлъ ее развеселить, и для того самъ былъ необыкновенно веселъ. Я дол-

женъ признаться, что онъ былъ душею нашего общества.

По причинѣ извилистой дороги все пространство прогулки въ окружностяхъ Лонгвуда составляетъ около шести Англійскихъ миль (немного болѣе семи верстъ). Бонапарте спросилъ меня вдругъ съ важнымъ и насмѣшливымъ видомъ: „Сколько больныхъ отправили вы на кладбищѣ?" — Я удивился этому вопросу; однако отвѣчалъ спокойно: Съ намѣреніемъ ни одного! — „Я думаю" повторилъ онъ, „что вы Лѣкари не всегда въ точности узнаете болѣзни, и потому въ одномъ случаѣ мало, а въ другомъ много дѣлаете. Не имѣли ли вы на пр. причины сказать самому себѣ по смерти своего больнаго: не надобно было бы пускать крови, или напротивъ, и такъ лучше было бы?" — Я на это ничего не отвѣчалъ. Бонапарте продолжалъ: „Какъ вы думаете: Англичане, или Французы лучшіе Хирурги?" — Безъ сомнѣнія Англичане. — „По чему?" — По тому, что наши учебныя заведенія лучше Французскихъ. Наше ученіе правильнѣе, и кто у насъ выдержитъ экзаменъ и опредѣлится къ мѣсту, въ томъ можно быть увѣреннымъ, что онъ обу-

чился чему нибудь полезному. — „Но Французы знаютъ лучше практику?“ — Въ практикѣ упражняются они поверхностно, а теоретическихъ познаній у нихъ совсѣмъ нѣтъ. Однако должно признаться, что попеченіемъ Вашего Превосходительства и наши Англійскіе полевые Лѣкари сдѣлались въ практической части искусными людьми. — Бонапарте усмѣхнулся и спросилъ: „Кто въ Лондонѣ первый Докторъ?“ — Этаго вопроса я не ожидалъ, сказалъ я, и не могу на него отвѣчать; въ Лондонѣ столько хорошихъ Докторовъ, что мнѣ трудно назвать изъ нихъ кого нибудь первымъ! — „Ни одного?“ — Нѣтъ; сегодня въ модѣ одинъ, а завтра общее довѣріе обращается къ другому, и часто бываетъ иной два, три года въ милости у публики. Если бы я захотѣлъ назвать кого нибудь первѣйшимъ, то обидѣлъ бы 49 человѣкъ его товарищей. О какомъ нибудь Хирургѣ, напротивъ того, могъ бы я судить съ большею свободою. — „Сколько по обыкновенію платитъ больной своему Лѣкарю?“ спросилъ Бонапарте. — Смотря по состоянію и имуществу каждаго больнаго, отвѣчалъ я. — „Какъ велика бываетъ самая

большая сумма, которую получаетъ Лѣкарь за оказанныя имъ услуги?" продолжалъ Бонапарте. — Я не могу сего навѣрное вамъ сказать, потому что она неопредѣленна. Иной Лѣкарь въ два, въ три года пріобрѣтаетъ такое состояніе, что можетъ жить независимо; но правда и то, что сіе рѣдко случается. Для сего потребно человѣку имѣть обширныя познанія, большую славу и знатныхъ покровителей. — „Не правда ли, что когда вы не въ морѣ, то на сухомъ пути имѣете большую практику?" — Иногда товарищи мои просятъ меня посмотрѣть ихъ больныхъ. — „И вамъ платятъ за это?" — Я никогда ничего не бралъ, пока нахожусь въ Королевской службѣ. — „Развѣ вы получаете хорошее жалованье?" — Я получаю въ годъ 200 ф. стер. — „Вы всю свою жизнь провели на морѣ?" — Да, большую часть, — теперь уже 20 лѣтъ. — „Чтожъ, вы получите послѣ пенсіонъ?" — Да, если я прослужу еще шесть лѣтъ и потомъ выйду въ отставку, то буду получать по смерть шесть шиллинговъ на день (въ годъ 700 талеровъ). Болѣежъ сего получу только тогда, когда выслужу 36 лѣтъ. — „Тутъ нѣтъ никакой сораз-

мѣрности.« — И мнѣ такъ кажется; однако я не могу на это жаловаться: ибо, когда я вступалъ въ службу, то меня объ этомъ впередъ увѣдомили, а въ Англіи къ службѣ людей не принуждаютъ. — „Не правда ли, что здѣсь на островѣ большая дороговизна?« — Чрезвычайная; менѣе 30 шиллинговъ въ день не льзя издержать. — „Какъ же вы живете?« — Меня взялъ въ домъ зажиточный и гостепріимный человѣкъ; если бы этаго не было, то я долженъ былъ бы довольствоваться корабельною пищею. — „Ваша армія стоитъ Правительству много денегъ?« — Она и вознаграждаетъ всѣ убытки. — „Я думаю, что сухопутная армія болѣе стоитъ денегъ, нежели морская?« — Почему? — „По мѣстнымъ обстоятельствамъ, которыя у сухопутной арміи часто перемѣняются.« — Развѣ это не бываетъ съ морскою силою? — „Нѣтъ; у морской силы все постояннѣе и не столько подвержено перемѣнамъ. Но вообще вы, Англичане, уважаете болѣе морскую службу, нежели сухопутную.« — Конечно морская служба наша естественная защита, но и сухопутныя войска пріобрѣли дѣйствительно не меньшіе лавры: за одно сра-

женіе при Ватерло Англія не можетъ воздать имъ достойной благодарности. На сіе Бонапарте не сказалъ ни слова; однако не перемѣнилъ вида и началъ говорить о другомъ. „Гдѣ вы учились?" спросилъ онъ. — Въ Эдинбургѣ. — „О, тамъ весьма хорошіе Профессоры; я помню, что во время моего перваго Италіянскаго похода Броунова система обращала на себя всеобщее вниманіе. Я слыхалъ еще о другихъ славныхъ Шотландскихъ Профессорахъ; назовите мнѣ нѣкоторыхъ." — Профессоромъ Химіи былъ Блакъ, Анатоміи и Хирургіи Монво, а Медицины Грегори. Я называю ихъ преимущественно потому, что они были моими учителями; однако, чтобъ не быть пристрастнымъ, могу назвать изъ Англійской школы еще другихъ не менѣе славныхъ мужей. — „Я знаю" возразилъ Бонапарте „одного только Лѣкаря, который никогда не ошибался въ распознаваніи болѣзней и съ перваго взгляда узнавалъ мѣсто и состояніе недуга; онъ назывался Дюбосъ, но не умѣлъ писать рецептовъ и потому не упражнялся въ практикѣ."

— Въ Египтѣ былъ у васъ, сказалъ я, весьма искусный Хирургъ, именемъ

Серри. — „Да" отвѣчалъ Бонапарте, „въ полѣ и въ лазаретѣ исправлялъ онъ свою должность очень хорошо; однако у меня были еще и другіе, по части наукъ превосходнѣйшіе." — На примѣръ Перси, сказалъ я, который поутру въ день Аустерлицкаго сраженія вступилъ въ вашу службу, былъ человѣкъ извѣстный. — „По чему знаете вы," спросилъ меня Наполеонъ, „по чему знаете, что онъ вступилъ ко мнѣ въ службу поутру въ самый день Аустерлицкаго сраженія?" — Это читалъ я въ книгѣ, изданной Докторомъ Серри, или слышалъ въ разговорѣ отъ Генерала Бертрана. — Бонапарте продолжалъ: „Я намѣренъ былъ раздѣлить во Франціи Хирурговъ на три класса. Я всегда уважалъ Хирургію, ибо она есть такая наука, которая требуетъ различныхъ познаній. Хирургъ долженъ быть основательнымъ Анатомикомъ, Химикомъ, Ботаникомъ и практическимъ Лѣкаремъ. Отличнѣйшіе люди вашего званія принадлежали бы къ первому классу." — Какимъ бы образомъ вы ихъ узнавали? спросилъ я. — „По ихъ славѣ, ихъ доходамъ и занятіямъ." — Это не всегда бываетъ вѣрнымъ признакомъ заслугъ; ибо сколь часто достойнѣй-

шій человѣкъ живетъ въ неизвѣстности, во мракѣ! — „Ну, пускай его живетъ во мракѣ; такого рода люди обыкновенно не годятся для свѣта. Вотъ, если бы мнѣ надобно было выбрать изъ вашего флота Хирурга, то конечно я взялъ бы лучше корабельнаго Хирурга съ Нортумберланда, нежели съ маленькаго брига.“ — Можетъ быть вы ошиблись бы въ своемъ выборѣ. — „Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! человѣкъ смышленый умѣетъ показывать себя во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Повѣрьте, что я всегда судилъ бы справедливо. Первые два класса осыпалъ бы я внѣшними почестями, а третій отправлялъ бы самыя низкія должности.“ — И такъ, вы ввели бы, какъ у насъ въ Англіи, строжайшія испытанія? — „Безъ сомнѣнія. Я уподобляю Лѣкаря Генералу: подобно сему послѣднему, долженъ онъ имѣть даръ наблюденія, разсудокъ и быстрый взглядъ; съ такими способностями онъ скоро узнаетъ положеніе и силу непріятеля. Докторъ Дюбосъ разумѣлъ это дѣло съ величайшею точностію, но болѣе уже ничего не зналъ. Опытный практикъ не станетъ употреблять болѣе силы, сколько нужно, чтобъ прогнать не-

пріятеля изъ крѣпкой его позиціи, только не болѣе; ибо чрезъ то повредится крѣпость, въ которой онъ сидитъ, а это бываетъ, когда на пр. дамъ меркурія болѣе, нежели сколько его потребно — я разумѣю Г. Доктора Санграда." — Чрезвычайно удивляюсь, сказалъ я, что Ваше Превосходительство въ столь дѣятельной, перемѣнной жизни всегда были здоровы. — „Когда моя армія стояла нѣсколько времени въ Италіи около болотъ, то въ ней было множество больныхъ горячкою, а я оставался невредимъ. Конечно обязанъ я этимъ моей умѣренности и воздержанію; я всегда соображалъ свой аппетитъ съ силою желудка, и притомъ всегда находился въ движеніи." — Однако по возвращеніи вашемъ изъ Египта, говорятъ, что вы были больны. — „Я тогда похудѣлъ и имѣлъ сильный кашель, отъ котораго освободилъ меня Корвизаръ, приложивъ мнѣ къ груди Испанскую муху." — Но у васъ была тогда и сыпь, по крайней мѣрѣ такъ говоритъ вашъ другъ Гольсмитъ. — „Да, послушайте (во всю жизнь не забуду, съ какимъ оригинальнымъ видомъ онъ мнѣ разсказывалъ этотъ анекдотъ). При осадѣ Тулона коман-

довалъ я небольшою батареею, состоявшею изъ двухъ только орудій. Одна изъ вашихъ Англійскихъ канонерскихъ лодокъ, подошедъ близко къ батареѣ, выстрѣлила и убила подлѣ меня обоихъ пушкарей; я схватилъ прибойникъ, который выпалъ изъ рукъ одного пушкаря и былъ еще теплъ. Этотъ человѣкъ имѣлъ чесотку, и чрезъ нѣсколько дней послѣ сего происшествія пристала она и ко мнѣ. Я нѣсколько разъ употреблялъ ванны, и болѣзнь моя прошла; но чрезъ пять лѣтъ появилась снова и гораздо сильнѣе. Во все это время, я думаю, ядъ скрывался въ крови. Но по употребленіи сильнѣйшихъ средствъ истребленъ онъ былъ совершенно, и съ тѣхъ поръ я ничего болѣе не чувствовалъ."

На возвратившихся изъ Остъ-Индіи корабляхъ прибыло на островъ Св. Елены множество пассажировъ, которые весьма желали видѣть Бонапарте, а особливо Графиня Лаудонъ, остановившаяся у Губернатора, дать столъ и пригласить къ оному Бонапарте. Губернаторъ, изъ угожденія къ ней, на сіе согласился и сочинилъ такое приглашеніе, отъ котораго, по его мнѣнію, Бонапарте не льзя

было отказаться. Однако, такъ какъ онъ еще въ первый разъ былъ приглашаемъ, то и догадался, что это дѣлается изъ угожденія Графинѣ Лаудонъ, и потому, прочитавъ билетъ, отдалъ его обратно Генералу Бертрану. — Ваше Величество! спросилъ сей послѣдній, что прикажете отвѣчать? — „Напишите: я подалъ билетъ Императору; но онъ мнѣ ничего на это не сказалъ.« Въ самой тотъ день, когда былъ обѣдъ, случился я у Бонапарте. — Онъ спрашивалъ о числѣ возвращающихся кораблей, объ именахъ путешественниковъ, и изъявилъ касательно торговли между Англіею и Остъ-Индіей свое удивленіе. Я не зналъ, что онъ не принялъ Губернаторова приглашенія къ столу и потому сказалъ: Путешественники весьма радуются, что увидятъ васъ, когда вы поѣдете чрезъ городъ къ Губернатору; но чуть было я безъ всякаго намѣренія не лишился его милости: ибо, противъ обыкновенія, онъ пришелъ въ изступленіе и отвѣчалъ съ негодованіемъ: „Какъ! мнѣ ѣхать къ Губернатору между двумя рядами солдатъ, которые, можетъ быть, будутъ разставлены до самаго его до-

ма?" Но чрезъ нѣсколько минутъ продолжалъ онъ съ обыкновеннымъ равнодушіемъ: „Кажется, не надобно было и думать, чтобъ я поѣхалъ къ Губернатору; дорога такъ далека, обѣдъ не въ обыкновенное мое время; и я уже рѣшился не переступать за свою границу, потому что за оною долженъ имѣть при себѣ Офицера." — Такимъ образомъ Графиня принуждена была продолжать свой путь въ Англію, не видавши Бонапарте; это ей очень прискорбно было, — вѣроятно и ему. Чрезъ нѣсколько дней спросилъ меня Бонапарте: „Видѣли ли вы Графиню?" — Видѣлъ; она сдѣлала кораблю Нортумберланду честь посѣщеніемъ и смотрѣла, подобно прочимъ, приходившимъ на корабль, каюту, въ которой вы жили. Путешественники садятся всегда въ ваши кресла. — „Оказала ли Графиня эту честь моимъ кресламъ?" Къ нещастію, не могъ я сего сказать, потому что не былъ вмѣстѣ съ Графинею въ каютѣ. Но онъ, казалось, былъ въ этомъ увѣренъ и продолжалъ: „Поставили ль бы Англичане Графинѣ въ вину, если бы она посѣтила меня въ моемъ домѣ? Стали ль бы упрекать ее, если бы она пришла съ Генеральшею

вЪ садЪ? Многія изЪ возвратившихся изЪ Остъ-Индіи вЪ Англію дамЪ посѣщали меня такимЪ образомЪ. Если бы Графиня сказала, что она не можетЪ ко мнѣ пріѣхать по причинѣ усталости отЪ пути или по неприличію, то я бы сЪ удовольствіемЪ навѣстилЪ ее.“ На это я отвѣчалЪ: — Я имѣю честь быть землякомЪ Графини; можетЪ быть, случится мнѣ увидѣться сЪ нею, тогда не премину разсказать ей ваше кЪ ней благорасположеніе. — 7 Іюня даны были сЪ утесовЪ острова сигналы о приближеніи изЪ Англіи двухЪ кораблей Ньюкестля и Оронта. Надѣясь по прибытіи оныхЪ возвратиться вЪ Европу, я искренно обрадовался симЪ сигналамЪ. Я поѣхалЪ вЪ ЛонгвудЪ и получилЪ приказаніе придти кЪ Бонапарте на завтракЪ вЪ садЪ. — „Вы пришли сЪ нами проститься?“ сказалЪ мнѣ Бонапарте. — ТакЪ, Ваше Превосходительство! — „Позавтракайте же сЪ нами,“ продолжалЪ онЪ и велѣлЪ мнѣ подать стулЪ. „Привезли ли вамЪ сіи корабли письма изЪ Англіи?“ — Корабли не прежде ночи станутЪ на якорь. — „Сюда будетЪ новый АдмиралЪ; какЪ его зовутЪ?“ — АдмиралЪ МалькольмЪ. — „Вы ради, что може-

те возвратиться въ Англію?« — Безъ сомнѣнія, очень радъ. — »Не привезло ли послѣднее провіянтское судно какихъ нибудь книгъ?« — Привезло: Критическій Журналъ, выходящій чрезъ каждые три мѣсяца, Павловы письма изъ Франціи къ своимъ единоземцамъ въ Англію и Бойсово описаніе Бонапарте. — »Читали ли вы ихъ?« — Читалъ и съ особеннымъ удовольствіемъ; потому что въ обѣихъ послѣднихъ книгахъ заключается болѣе правдоподобія, нежели во всѣхъ прежнихъ равнаго содержанія. Бойсово описаніе надобно было бы вамъ прочитать. — »Почемужъ вы его не купили?« — Потому что его былъ одинъ только экземпляръ, и онъ купленъ отъѣзжающимъ въ Остъ-Индію; онъ давалъ мнѣ его на прочтеніе и просилъ меня написать на поляхъ мои замѣчанія, почерпнутыя изъ собственныхъ моихъ наблюденій. — »Не такого ли оно рода, какъ сочиненіе Маріи Вилліамсъ?« — Несравненно лучшее. — »Чтожъ въ немъ хорошаго?« — Оно изображаетъ возвращеніе ваше съ острова Эльбы и всѣ ваши дѣла со времени вашей высадки въ Фрежюсѣ до вступленія вашего на корабль Беллерофонъ. Вы представлены вспыльчивымъ, гнѣвнымъ чело-

вѣкомъ, которой, въ случаѣ неудачи, приходитъ въ величайшее изступленіе. Сочинитель сообщаетъ потомъ весьма сильное описаніе того порученія, которое имѣлъ къ вамъ Генералъ Солиньякъ отъ имени Палаты Депутатовъ, когда надлежало уговорить васъ отказаться отъ правленія. Сверьхъ того находятся въ этой книгѣ и въ письмахъ мнимаго Павла очень важныя извѣстія о сраженіи при Ватерло; все описано весьма подробно, даже не забытъ и проводникъ вашъ Ла-Костъ. Боязнь его описана весьма обстоятельно. — »Боязнь?« — Да; летавшія около ушей его пули привели его въ страхъ, и вы еще сказали ему, что гораздо славнѣе быть ранену спереди, нежели сзади; наконецъ, по словамъ Сочинителя, онъ горько жаловался на то, что вы за всѣ труды и опасности дали ему только одинъ Наполеондоръ. — Бонапарте отвѣчалъ съ усмѣшкою: »Можно было бы сказать и 500 Наполеондоровъ.« — Бойсъ, продолжалъ я, кажется въ извѣстіяхъ своихъ безпристрастенъ къ другу и врагу. — »Какъ велика была, по его мнѣнію, Французская армія?« — По словамъ одного Штабъ-Офицера, полагаетъ онъ ее въ 70,000 человѣкъ. —

„У меня было 61,000; а сколько Англичанъ стояло противъ меня?« — Съ Нѣмецкимъ легіономъ считаетъ онъ ихъ 30,000; съ Нидерландцами, Ганноверцами и Брауншвейгцами 68,000 человѣкъ. — „Сколько Прусаковъ, думаетъ онъ, имѣлъ у себя Бюловъ?« — Не знаю навѣрное; кажется, онъ говоритъ, 15,000. — „А сколько ввечеру, когда Блюхеръ присоединился?« — Право не знаю; только помню, что онъ увѣряетъ, будто бы Веллингтонъ чрезмѣрно обрадовался появленію Блюхера и сказалъ: ничто не могло быть для меня радостнѣе сей встрѣчи.

Съ самаго перваго свиданія моего съ Бонапарте всегда старался я узнать мнѣніе его о воинскихъ заслугахъ Герцога Веллингтона. Теперь показалось мнѣ удобнымъ предложить ему слѣдующій вопросъ: — „Въ Англіи всѣ любопытны знать, что вы думаете о воинскихъ дарованіяхъ Герцога Веллингтона. Говорятъ, что вы отдаете ему справедливость, и что Веллингтонъ самъ полагается на ваше мнѣніе и имѣетъ причину полагаться на оное. — Бонапарте не отвѣчалъ ни слова. Я опасался, чтобъ онъ не почелъ моего вопроса за насмѣшку, и потупилъ глаза вмѣсто

шого, что прежде я всегда прямо глядѣлъ ему въ лице. Онъ молчалъ во всѣ наши разговоры — случилось это во второй разъ, — но не подавалъ никакого вида неудовольствія, и чрезъ нѣсколько времени началъ говорить о другихъ предметахъ.

На столѣ лежала открытая топографическая карта Нидерландовъ; всѣ движенія Французской арміи, со времени перехода ея чрезъ Самбру до сраженія при Ватерло, были на ней означены. Мнѣ хотѣлось знать, отъ чего именно потеряно сраженіе; Генералъ Гурго взялъ на себя трудъ изъяснить мнѣ это. Для морскаго человѣка столь же трудно имѣть понятіе о сухопутномъ сраженіи, какъ тому, кто никогда не бывалъ на морѣ, о морскомъ. По разсказу и толкованію Гурго, казалось мнѣ, что я совершенно все понялъ; но теперь не знаю, буду ли я въ состояніи сообщить все въ такой связи, какъ я тогда слышалъ. По словамъ Генерала Гурго, Бонапарте вовсе не зналъ о движеніи Графа д'Эрлона (Друетта), сдѣланномъ имъ изъ Френа 4 числа, и почелъ его корпусъ Прусскимъ; почему и отрядилъ противъ него одну колонну. Когда между тѣмъ Генералъ

Эрлонъ получилъ донесеніе, что Пруссаки приближаются къ Линьи, то онъ съ поспѣшностію поворотился въ прежнюю свою позицію, не заботясь о томъ, нужно ли ему для дальнѣйшихъ дѣйствій быть въ соединеніи съ Наполеономъ; и такимъ образомъ корпусъ его въ тотъ день не былъ употребленъ ни Наполеономъ, ни Маршаломъ Неемъ; Генералъ Груши сдѣлалъ большую ошибку, взявъ съ своимъ корпусомъ столь дальнюю дорогу и выпустивъ изъ виду Маршала Блюхера.

Когда 6 числа правое крыло Французской арміи вступило въ дѣло, дабы воспрепятствовать фланговому движенію Бюлова, о приближеніи котораго Бонапарте былъ увѣдомленъ, надлежало Маршалу Нею, въ слѣдствіе даннаго ему предписанія, только удерживать Англичанъ, а не вдаваться въ сраженіе. Но онъ пошелъ далѣе, увѣренъ ли будучи въ побѣдѣ, или увлеченный непредвидѣнными обстоятельствами. Онъ удерживалъ слишкомъ великимъ усиліемъ высоту и потерялъ при томъ столько людей, что послѣ не могъ уже подкрѣпить нападенія Наполеоновой гвардіи. По увѣренію Генерала Гурго, Бона-

партева армія до перехода чрезъ Самбру состояла изъ 110,000 человѣкъ. Въ сраженіяхъ при Линьи и Катрбра потерялъ онъ 10,000 человѣкъ. Груши былъ отряженъ съ дивизіею въ 30,000 человѣкъ противъ Блюхера. Такимъ образомъ поутру 6 числа было у Бонапарте не болѣе 71,000. Слухъ, будто бы Бонапарте во время сраженія при Ватерло стоялъ на деревянномъ помостѣ, для обозрѣнія дѣйствій арміи, объявилъ Генералъ Гурго неосновательнымъ. Онъ приказалъ только насыпать изъ земли пригорокъ, на который сталъ съ своимъ главнымъ Штабомъ, велѣвъ прежде разостлать нѣсколько сноповъ соломы.

Это былъ послѣдній мой разговоръ съ Бонапарте. Когда я сталъ съ нимъ прощаться, онъ всталъ со стула, и отпустилъ меня съ обыкновенною приговоркою: „Прощайте, будьте здоровы. Желаю вамъ щастливаго пути, и чтобы вы домашнихъ своихъ нашли здоровыми.“

Приближимся теперь къ эпохѣ, возвратившей истинное спокойствіе Европѣ, водворившей на долгое время миръ и благоденствіе въ городахъ и селахъ, — къ эпохѣ смерти Наполео-

на Бонапарте. Необыкновенный человѣкъ сей, такъ какъ и всѣ, отдалъ долгъ природѣ. Будучи отдаленъ отъ любезной ему всегда Франціи неизмѣримымъ пространствомъ морей, онъ привлекъ съ собою на островъ ужасную тоску, которая, терзая медленно его сердце, постепенно приближала его ко гробу и наконецъ отворила ему врата онаго. Читатель согласится, что человѣкъ, бывшій нѣкогда властителемъ многихъ народовъ, потрясавшій, такъ сказать, цѣлую Европу, не могъ долго прожить на отдаленномъ островѣ въ тѣсномъ кругу домашней жизни. Честолюбивый, алкающій славы и побѣдъ духъ его, избалованный щастіемъ, не допускалъ его наслаждаться прелестями тихой, уединенной жизни. Ни попеченія славнѣйшихъ Медиковъ, ни выгоды, представляемыя ему Англійскимъ Правительствомъ, которое во всякомъ случаѣ удовлетворяло всѣмъ его желаніямъ и даже капризамъ, не могли облегчить скорби, его снѣдающей. Хотя онъ во все время пребыванія своего на островѣ былъ гораздо дороднѣе, нежели тогда какъ пріѣхалъ на оный, со всѣмъ тѣмъ слишкомъ далекъ былъ отъ того,

чтобъ быть здоровымъ; сами Медики, находившіеся при немъ прежде и во время его болѣзни, соглашались въ томъ. Сначала они полагали, что Бонапарте страждетъ водяною болѣзнію; но послѣ открылось, что совершенно другая болѣзнь причинила ему смерть, которая найдена ими неизлѣчимою, на которую однакожъ жаркій климатъ той страны не имѣлъ никакого вліянія.

Бонапарте давно уже удостовѣрился, что ему не долго остается жить. Онъ былъ долгое время болѣнъ и за двѣ недѣли передъ своею смертію совсѣмъ не вставалъ съ постели. Въ теченіе сего времени онъ такъ перемѣнился, что походилъ на скелетъ; его почти невозможно было узнать. За нѣсколько времени до своей кончины онъ часто разговаривалъ съ своими Врачами о качествѣ своей болѣзни, и сказалъ, что она перешла къ нему отъ его отца, которой умеръ отъ рака въ желудкѣ; а чтобы увѣрить сына своего въ справедливости сего предположенія, онъ просилъ, чтобъ по его смерти вскрыли его тѣло. Во вторникъ 1 Мая болѣзнь его усилилась; на другой день стало ему хуже; а въ четвертокъ

начали отчаяваться въ его выздоровленіи. Въ пятницу принялъ онъ нѣсколько пищи, и казалось, что ему сдѣлалось лучше. Тутъ исполнилъ онъ всѣ благочестивыя обязанности, предписываемыя Церковію. Въ началѣ болѣзни Наполеона пользовалъ одинъ только Медикъ Профессоръ Антомарки; но въ послѣдствіи присоединились къ нему Докторы Эрноттъ, Шортъ и Митчелли. Докторъ Эрноттъ находился при немъ во время его кончины и провелъ всю ночь подлѣ его тѣла. Въ субботу поутру въ 5 часу открылись признаки скорой его кончины. Во весь тотъ день чрезъ каждые два часа давали сигналы изъ Лонгвуда и въ 5 часу былъ послѣдній. Руки и ноги его охладѣли и біеніе пульса было весьма слабо. Въ послѣдніе дни своей болѣзни онъ безпрестанно смотрѣлъ на портретъ своего сына, которой висѣлъ на стѣнѣ противъ его постели. Въ тотъ день, въ которой душа его должна была разстаться съ тѣломъ, онъ сказалъ одному изъ Врачей своихъ съ разстроганнымъ видомъ: „Я сдѣлалъ „въ жизнь мою множество ошибокъ, и „даже допустилъ нѣкоторыя преступ„ленія; но сердце мое въ томъ не

»участвовало. Я самъ находился въ за»блужденіи. Умъ мой не былъ еще доволь»но зрѣлъ; слава моя далеко превосходи»ла мое благоразуміе; сверхъ того я былъ »воспитанъ во Франціи, въ сей странѣ »чести, храбрости и величія, но »вмѣстѣ и величайшаго легкомыслія.« Въ половинѣ 5 часа по полудни солнечные лучи проникнули въ комнату, гдѣ лежалъ онъ на смертной постелѣ. Приближенные его хотѣли опустить занавѣсы. »Нѣтъ, нѣтъ!« сказалъ онъ, »оставьте, это; дайте мнѣ взглянуть на кроткій дневный свѣтъ, прежде нежели наступитъ для меня вѣчная ночь!« Желаніе его было исполнено. »Вы увидите« продолжалъ онъ, »что съ послѣднимъ лучемъ солнца испущу я послѣдній мой вздохъ. Ахъ! я никогда не былъ жестокъ сердцемъ и характеромъ; обстоятельства такимъ меня сдѣлали: я былъ слишкомъ молодъ, чтобъ владычествовать надъ ними, и сверхъ того я былъ окруженъ дурными совѣтниками.« За симъ, послѣ кратковременнаго успокоенія, приказалъ онъ одѣть себя въ Генеральской мундиръ 1814 года, которой съ того времени сохранился почти новымъ. Сіе было исполнено, хотя, какъ легко можно

себѣ представить съ великимъ трудомъ. Потомъ велѣлъ онъ подать себѣ зеркало, котораго не употреблялъ около четырехъ мѣсяцовъ. „Такъ, „это я!" вскричалъ онъ. „Жизнь человѣческая быстро стремится къ разрушенію, я это вижу. По крайней „мѣрѣ я въ своемъ мундирѣ. И такъ „я весь умираю! Я былъ нещастнѣе, „нежели вообще думали: я былъ игралищемъ волнъ сего неукротимаго политическаго Океана; сверхъ того я „не рѣдко былъ преданъ и проданъ." Между тѣмъ наступили сумерки (*). „Надобно, чтобъ я умеръ, какъ Цесарь," сказалъ онъ своимъ приближеннымъ. „Приведите все въ порядокъ; это будетъ послѣдняя услуга, которой я „отъ васъ требую." Они изъявили къ тому совершенную готовность, хотя уже и прежде все было въ порядкѣ. „Хорошо," сказалъ онъ, „войско разбито, но честь остается." За симъ выпилъ нѣсколько капель сиропу и воскликнулъ съ горестію: „Благодарность и воспоминаніе! я и вы. . ." Потомъ, отдохнувъ нѣсколько секундъ,

(*) Извѣстно, что въ жаркомъ поясѣ они наступаютъ гораздо ранѣе, нежели въ нашихъ странахъ.

сказалъ: „Богъ всемилосердый и вселюбящій пріемлетъ меня въ свое лоно; благій Ангелъ приближается. Простите, друзья мои и сподвижники, простите навѣки; не пробуждайте меня болѣе! Богъ пріемлетъ меня къ себѣ." Такимъ образомъ окончилъ онъ жизнь безъ тяжкаго вздоха, безъ малѣйшаго страданія. За нѣсколько минутъ до испущенія духа Бонапарте положилъ руки на грудь, изъ чего можно заключить, что онъ хотѣлъ молиться. Кончина его послѣдовала того же вечера въ 10 минутъ 7 часа. Свидѣтелями оной были, выключая приближенныхъ къ Бонапарте особъ и его домашнихъ, Адмиралъ и Маркизъ Моншеню, Повѣренный въ дѣлахъ на островѣ Св. Елены отъ Французскаго Двора. Они тотчасъ по кончинѣ его осмотрѣли тѣло; а такъ какъ Бонапарте самъ изъявилъ при жизни желаніе, чтобъ оное было вскрыто, то сіе немедленно исполнили. При вскрытіи желудокъ найденъ въ совершенномъ загноеніи; онъ наполненъ ракообразными нарывами и нѣкоторыя мѣста онаго были разъѣдены, особливо въ нижней части, гдѣ находилось отверстіе, величиною въ мизинецъ. Сердце найдено здоровымъ,

но совершенно заплыло жиромъ. Печенка была также здорова, но лѣвая селезенка имѣла необыкновенной видъ. — Тѣло Бонапарте выставлено было 6 и 7 Мая на полевой его постелѣ, въ военномъ мундирѣ и съ распятіемъ на груди. Подъ нимъ лежалъ большой его синій плащь, шитый серебромъ, тотъ самый, который былъ на немъ послѣ сраженія при Маренго. Вся комната обита была черным сукномъ, а въ головахъ возвышался у него олтарь. Капелланъ его, Генералъ Бертранъ, Графъ Монтолонъ и всѣ его служители были тамъ собраны. Всѣ они единогласно утверждали, что никогда не видывали столь прекраснѣйшаго мертваго тѣла. Руки его были необыкновенной бѣлизны, а лице хотя блѣдно, но весьма выразительно. Между тѣмъ, по истеченіи 14 часовъ, произошла уже, по причинѣ жара, великая перемѣна во всѣхъ его чертахъ и началъ уже оказываться дурной запахъ. Сіе заставило немедленно положить его во гробъ. — Тѣло не было набальзамировано; оно положено въ свинцовой гробъ, которой поставленъ въ два другіе гроба краснаго дерева; сердце было вынуто и положено

въ серебряной сосудъ со спиртомъ. — Бонапарте погребенъ 9 числа Мая, по собственному его желанію, въ романической долинѣ близь мѣста, называемаго Гутовы ворота. Здѣсь жилъ Маршалъ Бертранъ, прежде нежели построили для него домикъ близь тогдашняго жилища Бонапарте. Онъ часто посѣщалъ его и въ особенности любилъ сіе мѣсто. Каждый разъ выпивалъ онъ стаканъ прекрасной воды изъ ключа, біющаго тамъ подъ сѣнію печальныхъ ивъ. Онъ не рѣдко говаривалъ Г-ну и Г-жѣ Бертранъ: »Если Богу угодно, чтобъ я окончилъ жизнь на этомъ островѣ, то мнѣ бы хотѣлось быть погребену на семъ мѣстѣ.« Желаніе его было въ точности исполнено. Погребеніе началось слѣдующимъ образомъ:

За гробомъ, которой везли въ четыре лошади, шли пѣшкомъ Графы Бертранъ и Монтолонъ, за симъ два берейтора вели верховую лошадь Наполеона; потомъ слѣдовали въ каретахъ: Графиня Бертранъ съ ея семействомъ и Лади Ловъ съ дочерьми, всѣ въ глубокомъ трaурѣ; за ними ѣхали Генералъ Ловъ, Адмиралъ Англійскаго флота и всѣ Офицеры; гарнизонъ, состоящій изъ 3000 чело-

вѣкъ, занималъ всѣ ближніе холмы, а въ послѣдствіи присоединился къ печальной процессіи. Когда оная достигла долины, то 24 гренадера взяли на плеча гробъ, и по совершеніи Капелланомъ обыкновенной молитвы, опустили его въ могилу; при семъ произведенъ былъ изъ 11 пушекъ троекратный залпъ. (Сія церемонія опредѣляется въ Англіи при погребеніи Генерала. Извѣстно, что Британское Правительство признавало Бонапарте въ семъ чинѣ.) Могила имѣетъ въ глубину 14 футовъ и покрыта широкимъ камнемъ, укрѣпленнымъ желѣзными скобами; сверхъ того была приставлена къ оной стража. Сіи мѣры приняты по требованію Французскаго Коммиссара, чтобъ кому-либо не вздумалось украсть тѣло. Сердце въ серебряномъ сосудѣ положено во гробъ. Наполеонъ, какъ кажется, не имѣлъ надобности въ особомъ надгробномъ памятникѣ: утесистый островъ, на которомъ сей ненасытный завоеватель окончилъ жизнь свою, будетъ служить для потомства самымъ краснорѣчивымъ монументомъ. На тѣлѣ его найдены три раны: одна малая въ головѣ, нанесенная ему алебардою Англійскаго сержанта при

осадѣ Тулона, другая надъ колѣномъ пулею при Регенсбургѣ 1809 и третья глубокая въ ногѣ, также пулею въ Италіи. Не задолго до кончины начертилъ онъ перочиннымъ ножичкомъ на табакеркѣ своей букву N и подарилъ ее Доктору Арноту. Сверхъ того далъ онъ ему 500 Наполендоровъ. Онъ пожаловалъ въ Графы своего камердинера Маршана, и подарилъ ему знатную сумму; равномѣрно завѣщалъ онъ большой подарокъ кучеру, который нѣкогда спасъ ему жизнь (вѣроятно въ 1804 году при взрывѣ адской машины). Все движимое имущество въ его домѣ, въ томъ числѣ богатые серебряные и фарфоровые сервизы достались Бертрану и Монтолону. Прекрасную табакерку, подаренную Наполеону Папою, завѣщалъ онъ Лади Голландъ и вложилъ въ нее записочку къ ея мужу, Члену Англійской оппозиціи. Послѣ погребенія Бонапарте многіе съ большимъ любопытствомъ осматривали Лонгвудъ. Одинъ Англичанинъ, которому камердинеръ покойнаго показывалъ его гардеробъ, писалъ, что онъ никогда не видывалъ хуже его платья. Старые камзолы, шляпы и исподнія платья были такъ худы, что едва ли бы сталъ

ихъ носить какой нибудь Англійской мичманъ. Маршандъ говорилъ, что никто не могъ уговорить Бонапарте, чтобы онъ оставилъ старое платье, а носилъ бы новое; если ему и случалось когда нибудь надѣвать новое, то скидавалъ его тотчасъ и опять надѣвалъ старое.

Такъ называемый желудочный ракъ есть вообще болѣзнь мало извѣстная, и обстоятельство, что Наполеонъ Бонапарте умеръ отъ нее, подало поводъ ко множеству вопросовъ и освѣдомленій со стороны тѣхъ читателей, кои не занимались Медицинскою частію; по сему и надѣяться можно сдѣлать имъ удовольствіе, сообщивъ здѣсь краткую характеристику сей ужасной болѣзни. Желудочный ракъ состоитъ, подобно всякому другому раку, въ затвердѣлости и совершенномъ разстройствѣ железъ и окружающихъ оныя частей, разстройствѣ, которое противится всякому врачебному пособію, постепенно переходитъ въ раковые нарывы, и почти всегда, а особенно во внутреннихъ частяхъ, на прим. здѣсь въ желудкѣ, бываетъ смертоноснымъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ болѣзнь сія, какъ то было у Бонапарте, воспріемлетъ обык-

новенно свое начало въ нижнемъ отверстіи желудка, чрезъ которое пища проходитъ въ кишки; за симъ распространяется и усиливается она постепенно. Больной прежде всего примѣчаетъ необыкновенную трудность въ пищевареніи; потомъ чувствуетъ онъ тошноту, которая въ послѣдствіи превращается въ жестокую рвоту послѣ каждаго пріема пищи: сія-то рвота остается постояннымъ и вмѣстѣ мучительнѣйшимъ признакомъ сей болѣзни. Страждущій ею не можетъ наконецъ употреблять никакой пищи, безпрестанно худѣетъ и сохнетъ; чувствуетъ стѣсненіе груди и необыкновенную жажду; извергаетъ изъ себя нѣкоторую клейкую и кислую мокроту, имѣющую весьма дурной запахъ; словомъ, дѣлается жертвою ужасныхъ и ежедневно возрастающихъ мученій, если благодѣтельная рука смерти не прекратитъ вскорѣ жалостнаго его существованія. Впрочемъ болѣзнь сія не есть наслѣдственная, и если справедливо, что отецъ Бонапарте также страдалъ ею, то сіе стеченіе обстоятельствъ было только случайное. Обыкновенныя причины сей ужасной болѣзни суть неумѣренное питье вод-

ни, продолжительное внѣшнее давленіе желудка, постороннія тѣла, находящіяся въ немъ, и проч. Извѣстны однакожъ случаи, что сею болѣзнію страдали люди, не подверженные вліянію ни одной изъ выше приведенныхъ причинъ. Не рѣдко бываетъ она сопряжена съ другими болѣзнями пищеварительныхъ органовъ, что вѣроятно было и съ Наполеономъ, судя по прежнимъ извѣстіямъ о ненатуральной его толщинѣ и поврежденіи печенки.

Физическая смерть Бонапарте, послѣдовавшая за политическою, подаетъ поводъ сообщить слѣдующее сужденіе о семъ необыкновенномъ человѣкѣ. Въ 1815 году Бонапарте вторично лишился престола и вмѣстѣ съ нимъ надежды когда-либо играть ролю въ политическомъ мірѣ. Ненависть, которая его преслѣдовала, когда онъ сошелъ со сцены, могла только равняться со всеобщимъ удивленіемъ, съ какимъ былъ онъ принятъ, появясь на оной. Не льзя не признаться, что Наполеонъ имѣлъ всѣ качества, нужныя для полководца. Вѣрное снятіе мѣстныхъ положеній, вѣроятно слѣдствіе врожденной ему мѣстной памяти, образованной долговременнымъ

упражненіемъ, благоразумныя и прекрасно разчисленныя его атаки и рѣдкое спокойствіе и присутствіе духа въ опасностяхъ, — все сіе свидѣтельствуется многолѣтними, блистательными его побѣдами и даже безпристрастнымъ сознаніемъ жесточайшихъ его непріятелей. Не льзя также не отдать справедливости великимъ и неистощимымъ его планамъ, — качество, въ истинѣ коего многіе сомнѣвались и которое другіе учинили предметомъ колкихъ насмѣшекъ. Преднамѣренное имъ покореніе Египта, походъ въ Россію и уничиженіе Англіи, бывшее истинною цѣлію обоихъ сихъ предпріятій, принадлежитъ безъ сомнѣнія къ числу несбыточныхъ плановъ, внушенныхъ ненасытнымъ его честолюбіемъ; да и самыя средства, имъ употребленныя, не находились въ надлежащей соразмѣрности съ преднамѣренною цѣлію. Мысль содѣлаться всесильнымъ истребила въ немъ всякое попеченіе о жизни и благоденствіи цѣлыхъ милліоновъ людей, коихъ приносилъ онъ на жертву своему честолюбію. Онъ вскорѣ учинился равнодушнымъ ко всѣмъ урокамъ и увѣщаніямъ Исторіи, хотя, какъ казалось, читалъ

ее прилѣжно. Страсть владычествовать достигла въ немъ до такой степени, что съ одной стороны изгладила въ душѣ его все уваженіе къ человѣчеству, а съ другой лишила его всякаго уваженія сочеловѣковъ своихъ: сія-то пагубная страсть была источникомъ исполинскихъ его предпріятій, цѣлые годы потрясавшихъ и истощавшихъ вселенную, источникомъ безчисленныхъ золъ и ужаснѣйшихъ несправедливостей, возбудившихъ праведное негодованіе въ современникахъ. Но съ другой стороны не льзя не признаться, что можетъ быть никогда еще не было человѣка, коего бы гордость и властолюбіе благопріятствовались и питались стеченіемъ большихъ обстоятельствъ, какъ гордость и властолюбіе Наполеона. Отъ самаго появленія его на военномъ поприщѣ счастіе носило его, такъ сказать, на рукахъ и избаловало его безмѣрными своими дарами; къ сему же содѣйствовали и тѣ, надъ коими онъ владычествовалъ. Мудрено будетъ рѣшить: народъ ли рабскимъ своимъ повиновеніемъ питалъ и воспламенялъ болѣе его тщеславіе, или онъ блескомъ побѣдъ своихъ льстилъ тщеславію народа. Но всѣ единогласно при-

знаются, что тотъ и другой содѣйствовали ко взаимному потубному ослѣпленію. Сверхъ того, сколь поощрительно было для него слабое, непостоянное и низкое поведеніе внутреннихъ враговъ его во Франціи! Ни одинъ изъ нихъ не умѣлъ придать себѣ какую-либо значительность и сдѣлаться опаснымъ для Наполеона. Между тѣмъ рабская покорность ежедневно возрастала между его подданными; ни одинъ свободный и искренній голосъ не раздавался въ его слухѣ. Полководцы, коихъ онъ и не спрашивалъ, воздерживались отъ всякихъ совѣтовъ, а приближенные осыпали его одною только лестію, и никогда не осмѣливались раздражить его чистосердечнымъ противорѣчіемъ. Спрашивается: могъ ли онъ при такихъ обстоятельствахъ безпристрастно оцѣнить себя самаго и въ чемъ-либо проникнуть истину? Нельзя не вспомнить при семъ достойнаго отвѣта, которой сдѣлалъ онъ тѣмъ, кои во время отреченія хотѣли устрашить его общимъ мнѣніемъ: „Для чего же,“ сказалъ онъ, „для чего донынѣ вы все сіе отъ меня скрывали?“

Наполеонъ Бонапарте родился въ Аякчіо на островѣ Корсикѣ 3 Авгу-

ста 1769 года; въ 1777 году опредѣленъ онъ былъ въ Бріеннское военное училище, въ 1784 переведенъ въ Парижское, а въ 1785 году выпущенъ Подпоручикомъ въ аршиллерійскій полкъ. Въ началѣ революціи съ 1790 по 1793 годъ жилъ онъ на островѣ Корсикѣ и продолжалъ занимашься науками военными и Историческими. Въ 1793 году отличился онъ при осадѣ Тулона; въ 1795 году употребленъ онъ былъ Національнымъ конвеншомъ для усмиренія возсшавшихъ прошивъ онаго гражданъ Парижа. За сіе произведенъ онъ былъ въ Генералы. Въ 1796 году женился на вдовѣ Генерала Богарне, Жозефинѣ де-ла Пажери, и получилъ главное начальство надъ арміею въ Ишаліи. Походы 1796 и 1797 годовъ прославили его. 6 Окшября 1797 года подписалъ онъ знаменишое перемиріе въ Кампоформіо. Въ 1798 отправился онъ въ Египетъ, и по неудачномъ окончаніи сей войны, возврашился во Францію, уничтожилъ Директорію и обьявилъ себя первымъ Консуломъ 28 Октября 1799 года. Въ 1804 году провозгласилъ онъ себя Императоромъ Французовъ и вскорѣ потомъ Королемъ Италіи. Извѣстно, что за симъ послѣдовало:

растерзанная Германія, порабощенная Италія, Испанія, обманутая самымъ вѣроломнымъ образомъ, требовали мщенія. Походъ 1812 года сокрушилъ гигантскую силу и зарево Москвы освѣтило путь къ Парижу. Наполеонъ 22 Марта 1814 года отрѣшенъ Сенатомъ Французскимъ и отправленъ на островъ Эльбу. Въ 1815 году возвратился онъ во Францію и возжегъ новую ужасную войну; но послѣ пораженія при Ватерло былъ взятъ Англичанами и по опредѣленію союзныхъ Державъ отправленъ на островъ Св. Елены, гдѣ и окончилъ жизнь послѣ тяжкой болѣзни, продолжавшейся шесть недѣль. Содержаніе его на островѣ стоило Англійскому Правительству отъ 3 до 4 сотъ тысячь фунтовъ стерлинговъ (отъ 7 до 8 милліоновъ рублей).

Сестра Наполеона, Принцесса Боргезе, узнавъ о болѣзненномъ состояніи брата своего, просила у Англійскаго Правительства позволенія ѣхать къ нему на островъ Св. Елены, и получивъ оное, готовилась туда отправиться, какъ вдругъ пришло извѣстіе о его смерти, которое удержало ее отъ сего путешествія.

Въ числѣ бумагъ, оставшихся послѣ Бонапарте, находился также большой пакетъ съ своеручными письмами Бонапарте къ тестю его, Австрійскому Императору. Генералъ Бертранъ ввѣрилъ сей пакетъ одному Англійскому Офицеру, взявъ съ него честное слово лично доставить его Австрійскому Посланнику, или уполномоченному отъ него Агенту. Маркизъ Лондондерри просилъ Австрійскаго Посланника, Князя Эстергази, принять сіи депеши на самомъ кораблѣ, или прислать для полученія оныхъ своего уполномоченнаго Агента; но Князь Эстергази отвѣчалъ, что дружественное сношеніе Австрійскаго Двора съ Англійскимъ увѣряетъ его, что онъ безъ всякаго подозрѣнія можетъ принять сіи письма изъ рукъ самаго Маркиза Лондондерри, и потому проситъ Офицера вручить ихъ Британскому Правительству. Послѣ сего пакетъ отправленъ въ Вѣну. Въ сихъ бумагахъ содержалось послѣднее завѣщаніе Бонапарте къ сыну. Бонапарте отказалъ Графу Монтолону 18 мил., Генералу Бертрану и Принцу Евгенію (бывшему Вице-Королю Италійскому) 32 милліона, Герцогу Рейхштатскому, сыну

своему) 44 милліона, каммердинеру Маршану 3 милліона франковЪ; Принцу Евгенію онЪ поставилЪ вЪ обязанность никогда не продавать Мальмезона.

ГенералЪ РаппЪ, бывшій, какЪ извѣстно, цѣлые пятнадцать лѣтЪ АдЪютантомЪ Бонапарте, услыша о смерти Наполеона, сначала не хотѣлЪ тому вѣрить; но когда ему сказали, что Король получилЪ сіе извѣстіе еще вЪ ночь, то онЪ не могЪ удержаться отЪ слезЪ, и вышелЪ изЪ Сенклудскаго Дворца, вЪ которомЪ находился тогда Король, сказавЪ: „Я не изЪ числа неблагодарныхЪ.“ Король, узнавЪ о семЪ, велѣлЪ тотчасЪ послѣ обѣдни позвать его кЪ себѣ и сказалЪ сЪ ласковымЪ видомЪ: „РаппЪ! я знаю, что вы опечалены извѣстіемЪ, которое я получилЪ; это дѣлаетЪ честь вашему сердцу. Я еще тѣмЪ болѣе васЪ люблю и уважаю.“ На сіе отвѣчалЪ ГенералЪ, будучи глубоко тронутЪ: „Государь! я обязанЪ Наполеону всѣмЪ, даже уваженіемЪ и милостію Вашего Величества и Высокаго Вашего Дома.“ Король самЪ разсказывалЪ сей отвѣтЪ своей Фамиліи и МинистрамЪ.

Такимъ образомъ окончилъ жизнь свою Наполеонъ Бонапарте, котораго по всей справедливости можно назвать необыкновеннымъ человѣкомъ. Одно только чрезмѣрное честолюбіе погубило его; оно было причиною всѣхъ его неистовствъ. Привыкнувъ къ военной жизни, онъ не могъ удержаться, чтобы ежеминутно не помышлять о завоеваніяхъ. Будучи властолюбивъ, вспыльчивъ, жестокъ, онъ почиталъ все позволеннымъ для утвержденія своего престола. Буйства революціи пріучили сердце его не внимать гласу совѣсти и состраданія; ибо желаніе владычествовать и привычка проливать кровь содѣлали сердце его неприступнымъ къ сему гласу. Если когда нибудь онъ чувствовалъ угрызеніе совѣсти, или наклонность къ человѣколюбію, то старался подавлять сіе чувство, замѣняя оное жестокимъ поступкомъ. Лжи, обманы, даже самыя низкія хитрости, предосудительныя въ частномъ человѣкѣ, называлъ онъ тонкою политикою; и хотя онъ самъ тому не вѣрилъ, но принуждалъ себя вѣрить, стараясь, такъ сказать, обманывать самаго себя. Возгордясь пріобрѣтенными начальны-

ми успѣхами во время Италіянской войны, вступивъ въ бракъ со вдовою Богарне, хотя не по любви, но единственно изъ политическихъ выгодъ, потому что партія сія для Бонапарте по тогдашнимъ обстоятельствамъ могла почесться блистательнѣйшею, ибо знатное происхожденіе супруги его Іозефены, почтеніе, которое всѣ имѣли къ покойному ея супругу, уваженіе, коимъ пользовалась она во всѣхъ обществахъ столицы Франціи, открыли Наполеону пространное поле къ полученію почестей; одаренный превосходнымъ умомъ, онъ немедленно тѣмъ воспользовался. Принявъ главное начальство надъ арміею, дѣйствующею въ Италіи, онъ увѣнчалъ себя лаврами, и съ торжествомъ возвратясь въ Парижъ, началъ исполненіе пріуготованныхъ плановъ. Вникнувъ съ величайшею тонкостію въ характеръ Французскаго народа, онъ постигъ, что ни милостями, ни кротостію, ни самою строгостію не возможно обуздать сей пылкій и легковѣрный народъ; оставалось для Бонапарте одно только средство, конечно опасное, но которое, по его мнѣнію, могло имѣть совершенный успѣхъ: средство это — дерзость; од-

ному только этому средству онъ обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ, и это же самое средство его погубило. Во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ онъ руководствовался дерзостію. Сдѣлавшись первымъ Консуломъ, онъ имѣлъ дерзость необыкновенную: онъ гналъ знаменитаго Моро и Пишегрю, которые принуждены были, не взирая на свои заслуги, превосходящія заслуги Бонапарте, повиноваться его опредѣленію. Когда, принявъ на себя повелительный видъ, онъ говорилъ: Я этаго хочу, я требую; тогда безпрекословно исполняли его повелѣнія, не смотря, справедливы они, или нѣтъ. Изобрѣтательный умъ его умѣлъ найти себѣ приверженцовъ, умѣлъ выбирать ихъ, и Бонапарте никогда не ошибался въ своемъ выборѣ; краснорѣчіе его побѣждало даже непріязненныя ему сердца. Не довольствуясь титломъ перваго Консула, онъ хотѣлъ сдѣлаться Императоромъ, и всѣмъ твердилъ о свободѣ и равенствѣ; будучи провозглашенъ Императоромъ, онъ поступалъ какъ деспотъ, и всѣмъ говорилъ, что онъ ничего больше не желаетъ, какъ блага Французовъ. Предпріятіямъ его не было предѣловъ; онъ хотѣлъ быть

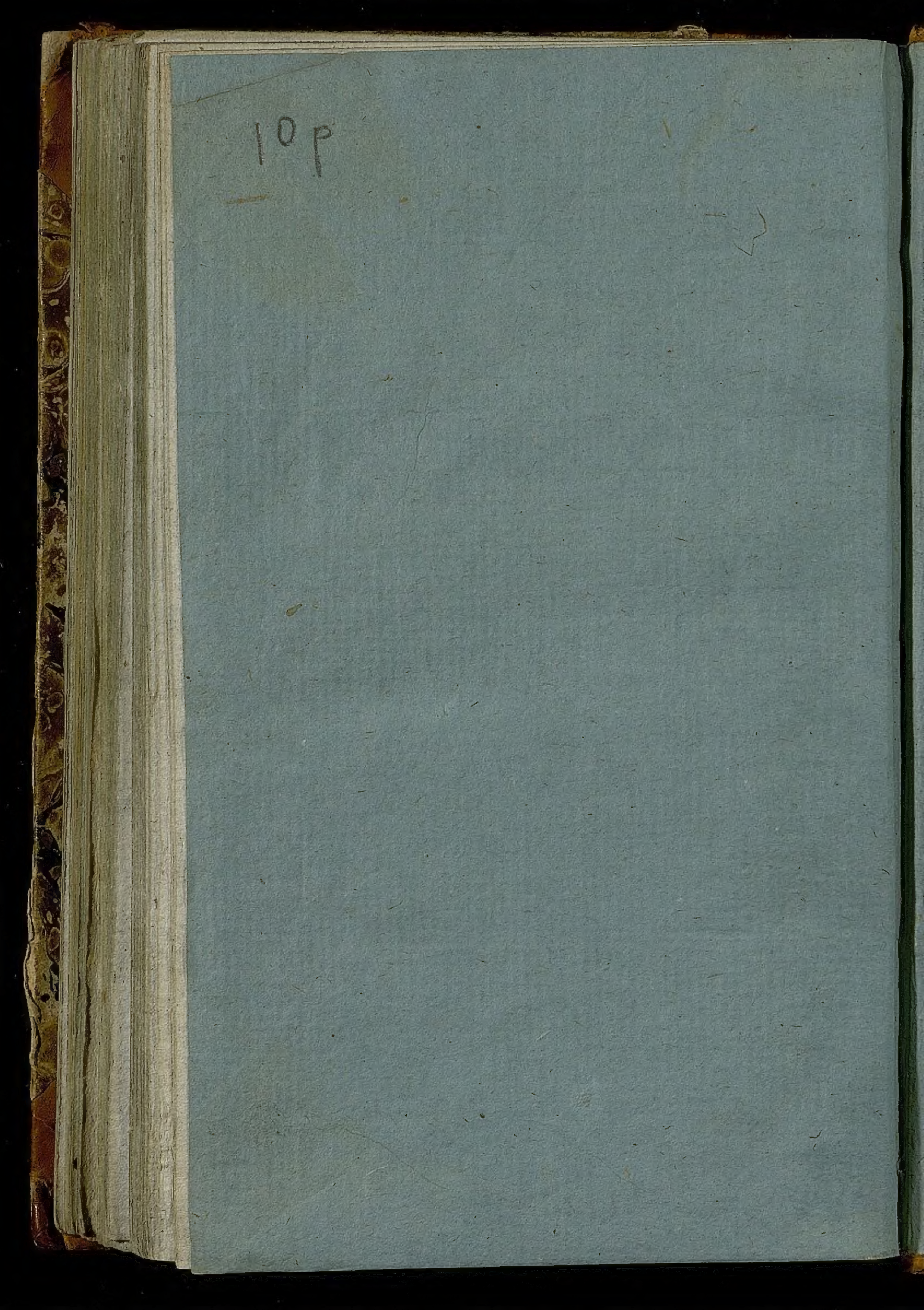
владыкою вселенной, и остановился на сей дерзновенной мысли. Покоривъ Италію, Испанію и почти всю Германію, онъ почиталъ уже бракъ свой съ Іозефиною, которой былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ, унизительнымъ для своего могущества и величія. Составивъ въ головѣ своей новый планъ, онъ разрушилъ бракъ сей, принявъ дерзновенное намѣреніе соединиться узами съ Принцессою Императорской крови, и сія дерзость имѣла желанный успѣхъ. Съ оружіемъ въ рукахъ достигнулъ онъ исполненія своего предпріятія; по трупамъ умершихъ и умирающихъ тѣлъ вступилъ въ Вѣну и окровавленною рукою повлекъ къ олтарю Австрійскую Эрцъ-Герцогиню Марію Луизу. Совершивъ такимъ образомъ сей великій и почти невѣроятный подвигъ, онъ не находилъ болѣе препятствій своему властолюбію. Находясь въ родствѣ съ могущественною Имперіею, обладая прекраснѣйшимъ Государствомъ, предписывая законы многимъ Королевствамъ, казалось, Наполеонъ могъ бы спокойно отдыхать на своихъ лаврахъ и заняться благоденствіемъ подданныхъ; излѣчить раны ихъ, нанесенныя продолжительными

войнами и облегчить народъ, угнѣтенный великими податями. Но властолюбивый духъ Наполеона не терпѣлъ внушеній человѣколюбія. Давно уже съ завистію взиралъ онъ на Англію, на сіе цвѣтущее, изобилующее богатствами Королевство, и выдумывалъ тысячи различныхъ плановъ для покоренія сей страны; но бросивъ также взоръ на могущественнѣйшую Сѣверную Державу, на многолюдную и обширную Россію, возмечталъ покорить также и ее. Здѣсь онъ нашелъ предѣлъ своимъ желаніямъ. Пораженный, изгнанный, безъ войскъ, оставшихся на полѣ брани, онъ позналъ Десницу его карающую, и съ того времени дерзость его превратилась въ трусость. Планы его никогда уже не совершались; куда онъ ни обращался, вездѣ находилъ стыдъ и пораженіе. Но при всемъ томъ онъ никогда не терялъ присутствія духа. Проигравъ одно сраженіе, онъ хладнокровно выдумывалъ средства выиграть другое. Голова его безпрестанно занята была различными военными хитростями. Не терпя совѣтовъ, онъ всегда хотѣлъ, чтобы слѣпо исполняли его приказанія; и если тотъ, кому оныя отдавались, находилъ въ нихъ

что-либо противное чести и справедливости, или явно видѣлъ неуспѣхъ, и не осмѣливался ничего вопреки говорить Наполеону, тотъ пріобрѣталъ его благоволеніе. Со всѣмъ тѣмъ испорченный нравъ Бонапарте не можетъ затмить воинскихъ его дарованій, желанія, свойственнаго всякому Монарху прославить свое Государство, и военный геній его, которой обширностію своею умѣлъ все объять, все видѣть и предузнавать. И такъ по всей справедливости Наполеона Бонапарте можно назвать, не смотря на всѣ его пороки и преступленія, истинно необыкновеннымъ человѣкомъ.

КОНЕЦЪ.

10p

1337
И. Л

